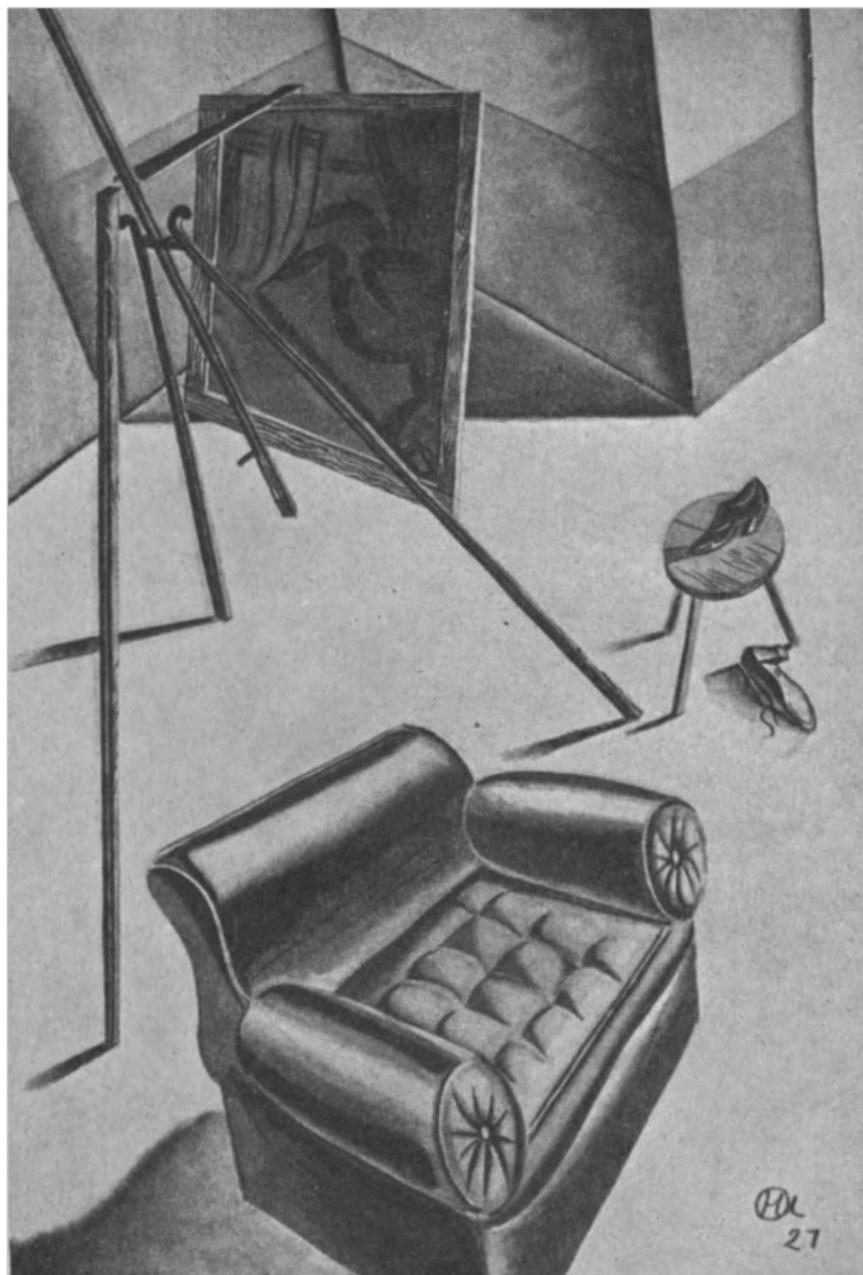


Андре де Рембо
собрание сочинений

ПЕРВАЯ
СТРАСТЬ
РОМАН



• ACADEMIA •





СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Перевод с французского
под общей редакцией
М. А. Кузмина, А. А. Смирнова
и Фед. Сологуба

XI

« А С А Д Е М І А »

ЛЕНИНГРАД

1927

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

ПЕРВАЯ СТРАСТЬ

(LA FLAMBÉE)

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
БРОНИСЛАВЫ РУНТ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

2-ое издание

« А С А Д Е М И А »

ЛЕНИНГРАД

1927

**Иллюстрации на обложке
и в тексте работы
Н. П. А К И М О В А**

Тип. „Кр. Газеты“ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57
Ленинградский Гублит № 29289. Заказ № 6416. Тираж 5.100 экз

Повествование, текущее медленно, но в широком и глубоком русле, как многоводная река; подробное описание всей жизни и характеров действующих лиц, по мере их появления в рассказе; острый психологический анализ их переживаний; ряд ярких сцен, порою подходящих к границе «рискованного», но никогда не переступающих за нее; — таковы отличительные черты романов Анри де Ренье. В то же время, это — типические черты современного французского романа, который создан был Бальзаком, которому классическую стройность придал Флобер и которому все разнообразие жизни дал Мопассан. — Анри де Ренье, начавший в 80-х годах в рядах «декадентов», довольно быстро оказался сначала на «крайней правой» молодой поэзии, а потом скорее в рядах охранителей традиций, чем революционеров литературы. Однако, от дней своей юности, когда он преимущественно писал стихи, Анри де Ренье сохранил страстную любовь к стилю, умение пользоваться всеми теми утонченными средствами, что выработала современная поэзия, и благородную потребность ко всем явлениям и вопросам подходить не с банальной точки зрения. А опыт лет, круг

знания людей, дал ему мудрую уравновешенность мировоззрения и научил его ко всему в жизни относиться с тем ироническим, но добродушным скептицизмом, который так успокаивает душу, освобождая ее ото всяких «проклятых» вопросов... Понемногу Анри де Ренье становится во Франции, — и² совершенно по праву, — одним из наиболее любимых и наиболее читаемых романистов.

Символом своего нового романа Анри де Ренье избрал первый большой огонь, разводимый в камине ранней осенью — *la flambée*. Автор сравнивает этот огонь с первой страстной любовью, охватывающей душу в годы перехода от юношества к зрелому возрасту. Психология первой страсти прослежена в романе с большой остротой и тонкостью.

Валерий Брюсов.

I

Когда Андре Моваль проснулся от шума занавеси, скользившей по железному пруту, он не сразу открыл глаза. Он чувствовал, что его веки отягощены одним из тех снов юности, которые не рассеиваются после отдыха длинной ночи, и он охотно поспал бы еще. Вот почему его раздражало чье то расхаживанье по его комнате. Почему это Жюль, вместо того, чтобы тихо унести платье для чистки, все медлил уходить? Вдруг Андре Моваль услышал чирканье спички. Он припомнил. Накануне вечером его мать сказала слуге: «Завтра утром разведите огонь у господина Андре. Становится свежо». Сразу дурное расположение молодого человека перешло в довольство. Он подождет встать, пока огонь не разгорится хорошенько, и перед одеваньем он с минуту погрет себе икры. Он, нежась, повернулся к стене. Жюль исчез. Дрова затрещали. Вдруг раздался взрыв. То вспыхнули сосновые шишки, привезенные из Варанжевилля, в большом мешке, вместе с багажом, которые Жюль присоединил к хворосту вязанки.

Андре Моваль, сидя на своей кровати, свесив ноги, смотрел на веселое осеннее пламя. Оно напол-

няло камин острыми языками и живыми искрами. Чешуйчатые шишки горели, распространяя запах коры и смолы. Он снова увидел лесок, на возвышавшемся над морем крутом берегу, где он собирал их среди коричневых игл, устилавших землю; старый нормандский дом, в котором он прожил август и сентябрь у своей тетки, госпожи де Сарни. Теперь каникулы окончились. Он это слишком хорошо видел: вот уже десять дней как его рано приходят будить, вместо того, чтобы, как в Варанжевилле, дать всласть понежиться. К счастью, сегодня его матери пришла восхитительная мысль об этом веселом огоньке. Ничто так не облегчает вставанья с постели, как этот согревающий свет.

Он приблизился к камину и, расположившись на низком стуле, почувствовал себя легко. Теперь он меньше жалел о Варанжевилле. У Парижа есть свои хорошие стороны. Андре был доволен тем, что вновь нашел свои книги, не учебные, но те, которые он читал — стихи, романы, рассказы и описания путешествий. Право, изучаемое им — он был на третьем курсе — давало сколько угодно свободного времени. Он проходил курс, чтобы доставить удовольствие своему отцу, но, что до экзамена, то рассчитывал особенно на своего превосходного репетитора, г. Перрэнна, к которому он отправится при приближении испытания, чтобы просить содействия его многолетней опытности. Но до тех пор он мог делать, что угодно. Тем не менее, чтобы соблюсти благопристойность, он соглашался быть готовым к нуж-

ному часу; но, если немного поспешить, то все же придешь во время в школу. В его возрасте ноги сильные.

Он посмотрел на свои. Пламя освещало их слегка рыжеватые волосы. Они были мускулистые и крепкие. Он провел рукой по их волосатой округленности с чувством гордости. Все таки он не был более ребенком; он был молодым человеком. До сих пор жизнь его была тесно связана с жизнью его родных, была в ежеминутной зависимости от них. Но теперь он чувствовал, что понемногу освобождается от этого постоянного общения. Правда, он несколько не думал о подчеркивании этого разделения, но он замечал, что его родители сами мирятся с этой необходимостью. Если молодость имеет свои обязанности, то она имеет также и свои права, и если он соглашался исполнять одни, то предполагал, что за ним будут признаны и другие. То, чем могли быть эти права, впрочем, довольно смутно представлялось его уму. Он был счастлив у себя дома и пришел бы в замешательство, если бы ему пришлось серьезно потребовать чего нибудь иного, в смысле свободы, чем то, что ему предоставлялось. Впрочем, он смутно предчувствовал, что могли бы представиться некоторые обстоятельства, при которых возможно было его столкновение с родительскою волею. Это предчувствие не столько причиняло ему беспокойство, сколько придавало важности в собственных глазах. В такие минуты его девятнадцать лет представляли перед ним во всем их обаянии, и ему

казалось, что они заслуживают исключительного почтения.

Это почтение, к тому же, могло великолепно мириться с заботливостью и баловством, которыми его окружали. Он нисколько не желал отказываться от тех приятных нежностей, которыми его осыпали дома. Так, ему нравилась эта утренняя вязанка дров, которою его мать распорядилась облегчить его пробуждение, и которая делала таким приятным и веселым его вставание. Он не считал, что с ним обращаются, как с ребенком, более, чем это нужно: к этому госпожа Моваль все таки была немного склонна. Нет, этот красивый огонь скорее представлялся ему как бы намеком на его молодость и преклонением перед ней. В нем он видел образ того, что молодость обещает живого, сверкающего, светлого, радостного. Он наслаждался блестящим пламенем. От его пригретых ног чувство довольства расходилось по всему его телу и озаряло в его мыслях жизненные перспективы, и он долго еще продолжал бы мечтать, если бы не вернулся Жюль, неся на плече вычищенное платье и в руке кувшин горячей воды. Жюль, проходя, бросил растроганный взгляд на горящие сосновые шишки. Они напоминали ему Варанжевилль, откуда он был родом и откуда Мовали привезли его с собой.

Андре был в нерешительности. Он не хотел обходиться ни слишком фамильярно, ни слишком гордо с новым слугой. Вот почему ему хотелось обратиться к нему, но не хотелось затевать раз-

говора. Нужно было показать, что он в доме лицо, заслуживающее того, чтобы ему старались угождать. Он колебался. Наконец, пока слуга наполнял таз, Андре решил:

— Ну что, Жюль, жалеете вы о Варанжевилле? Привыкаете к Парижу?

Нормандец улыбнулся. Он, вероятно, не любил высказываться, так как ответил:

— Варанжевилль — не Париж, а Париж не Варанжевилль, конечно!

И он прибавил в виде сентенции:

— Известно, мы не птицы, не можем быть в двух местах в одно время.

Довольный своим ответом, он искоса посмотрел на своего хозяина. Андре, смутившись, подобрал щипцами на половину сгоревшую сосновую шишку и подбросил ее в золу.

— Тогда я напишу тетушке, что вам здесь не плохо, и что вами довольны.

Он пожалел, что не сказал: «что я вами доволен». Тем не менее, этого «довольны» было достаточно, так как эта похвала включала его в общество господина и госпожи Моваль. Жюль поймет. Малыш был хитер.

И Андре Моваль, сняв сорочку, уселся с достоинством в таз, сложив ноги по турецки, устремив глаза на камин, где догорали последние сучья и сосновые шишки первого осеннего огня.

II

Андре Моваль не заметил бы, что профессор покидает кафедру, если бы суматоха среди студентов, спешивших к двери, вниз по лестнице, не известила его о конце лекции. Выведенный из оцепенения, он засунул свои бумаги в сумку, положил карандаш в карман и поднял шляпу, упавшую на пол. Направляясь к выходу, он констатировал, что еще один лишний раз он довольно бесполезно совершил путь от дома до Пантеона, ибо он не помнил ни одного слова из материй, которые обсуждал монотонным голосом несравненный г. Гюйоннэ. Эта рассеянность была для него обычна, но редко ему случалось отвлекаться сильнее, чем в тот день. Но зачем же его отец, накануне вечером, излагал еще раз перед ним планы будущего, которые строил для него?

Андре давно уже знал эти родительские проекты. Когда сын окончит изучение права, г. Моваль желал, чтобы он приготовился к конкурсу министерства иностранных дел. Конечно, он мог бы изучать сразу оба предмета и проходить одновременно с курсом юридического факультета, курс Школы моральных и политических наук, посещать вместе и улицу Суффло и улицу Сэн-Гюйом, но г-жа Моваль выставила против этого утомительность такого двойного

труда. У Андре было слабое зрение; поэтому, если он не будет освобожден от воинской повинности, то, по крайней мере, будет зачислен во вспомогательные отряды, где ограничиваются простыми поверочными призывами. Г. Моваль согласился с опасениями своей жены. К тому же, он не желал, чтобы его сын вступил слишком молодым в Кэ-д'Орсэ. Лучше будет, если у Андре полнее сложатся и сердце, и ум. Кроме того, г. Моваль не мечтал для своего сына ни о месте в канцелярии, ни об одном из тех блестящих дипломатических постов, привлекающих к карьере стольких легкомысленных и элегантных юношей. Нет, Андре не сделается цветком посольства. Впрочем, г. Моваль и не обладал достаточным состоянием, чтобы содержать сына на столь дорогом поприще. Андре должен будет заняться консульской службой. Там он сможет приносить пользу своей стране точно так же, как косвенно делал это сам г. Моваль в своем Соединенном Мореходном Обществе, в котором, в течение двадцати пяти лет, он содействовал распространению французского влияния на самые отдаленные страны.

Итак, Андре отправится в один прекрасный день представлять свою родину в одну из этих стран. На его консульском доме будет развеваться тот самый французский флаг, который так гордо развевается на мачтах почтовых пароходов, за полезными и правильными рейсами которых мысленно следил г. Моваль. Значит, Андре Моваль будет где нибудь кон-

сулом, и г. Моваль уже с удовольствием представлял себе местожительство, которое достанется будущему чиновнику.

Это было как раз то, чем занимался г. Моваль в продолжение доброй половины вечера, накануне. Он странствовал по всему свету, из Старого в Новый, отыскивая там пункт, из которого Андре выступит на защиту наших интересов и для покровительства наших соотечественников. Андре, привыкший к этим географическим забавам, охотно предавался им; но всю ночь, во сне, он слышал, как раздавались в его ушах экзотические имена, благозвучные или причудливые, и, проснувшись он еще до такой степени находился под впечатлением этой номенклатуры, что, когда г. Гюйоннэ, слог которого славился изяществом и точностью, излагал перед своей аудиторией строгие нормы административного права, Андре продолжал свое воображаемое странствование и свои прогулки по всему миру.

Перед его глазами вставали образы различных городов. Иные из них вырисовывались на сером небе, изрезанном дождем или испещренным снежными хлопьями, под скудным светом Севера. Над ними дым от заводов смешивался с пеплом облаков. Резкий ветер продолжительных зим просушивал в их мрачных улицах грязь дождливой осени. Они вызывали в Андре мысль о печали, одиночестве и изгнании, поэтому его греза быстро отвертывалась от них. Инстинктивно он вызывал перед собой светлые страны, к ним направлялась его любозна-

тельность. Имена, говорящие воображению, привлекали его. Увидит ли он когданибудь золотую Калифорнию, богатую Луизиану, цветущую Флориду, благоуханные Антильские острова, большие реки Бразилии или Перуанские Кордильеры? Поедет ли он в Японию, в Китай? Он не знал этого. Забросит ли его случай в Новый или Старый Свет, в безмерную Африку или в таинственную Азию? Его заветнейшим желанием было жить среди необыкновенных народов, на отдаленной земле, в какомнибудь живописном городе.

Мысленно он определял свое стремление к лучезарным и красочным странам одним словом: Восток. Он будет консулом на Востоке. Он видел его, этот Восток, сквозь воспоминания о прочитанном, неясным и чудесным, неопределенным и искусственным, в мираже красоты. Солнце было там больше, чем в других местах, небо голубее, воздух прозрачнее. Для него было безразлично, Персия это или Египет, Индия или Марокко. Он знал только, что там на горизонте возвышаются сверкающие купола почти баснословных городов. Для него Востоком были—оружие, ковры, ткани, драгоценные камни, копошащаяся тень базаров, прохлада садов, журчанье фонтанов, трепет ветра среди пальм, шаги верблюдов по песку, следы слонов в тростниках, текущая река, цистерна, колодезь; то были пустыня джунгли, кустарники, оазис; дворцы, мечети, храмы, гробницы; истома жарких дней, молчание звездных ночей и, разлитый по всему этому великолепию,

вялый, медленный, горячий, божественный зной, который расслабляет члены, изнуряет тела, притупляет мозг в сладострастной неге, благоухающей розой, жасмином, санталом, и наполняющей своими неясными видениями опиум трубки или табак нарглэ

И мысленно, в продолжение лекции г. Гюйоннэ, он вкушал эту жару, в которой энергия растворяется, а душа испаряется в видениях. Он увидел себя лежащим на ковре в своем восточном доме. Где находится этот дом? — он не мог бы этого сказать. Он знал только, что дом маленький, и стены у него толстые. Комната, в которой он был, выходила аркадами во внутренний двор, вымощенный мрамором. Посередине его струя воды падала в водоем. В углу — дверь. Вдруг, дверь эта повертывается на петлях, и Андрэ приподымается на ковре, чтобы увидеть, кто собирается войти. Появляется негр в чапме, подходит к нему с поклонами, произнося непонятные слова, потом снова удаляется и возвращается опять, впустив несколько женщин. Они закрыты покрывалами и одеты в яркий и легкий газ. Негр, сидя на корточках возле водоема, странно ударяет по звонкой коже тамбурина. Тогда, одна за другой, женщины раздеваются, сохраняя только покрывала на лице. Среди них есть белые, как луна, медно-желтые, как солнце, и черные, как ночь. Они танцуют. Слышно, как позвякивают их браслеты и ожерелья на теле. Вдруг они исчезли. Опустел двор, полный солнца, с одним только, постепенно увеличивавшимся углом тени. Негр перестал играть. Стало

очень жарко. Потом послышалось шлепанье туфель. Появилась новая женщина, тоже под покрывалом. Она медленно растянулась рядом с ним на ковре. Андре смотрел на нее. Подымавшаяся грудь приводила в движение кисею, скрывавшую ее. Понемногу покрывало, таившее лицо, становилось все тоньше и тоньше, рассеивалось, как пар, а лицо это, по мере того как показывалось, становилось восхитительным. Они взялись за руки и замерли так, не говоря ни слова. Воздарилось глубокое молчание. Можно было слышать шорох насекомых, точивших дерево сундука, в котором была заперта форменная одежда. Андре видел эту одежду: брюки с золотыми лампасами, треуголка, шпага, завернутые в папиросную бумагу. Порыв ветра заставлял трепетать листы книги, положенной на сундук, и Андре знал, что книга эта была Саламбо. Сквозь узкое окно он видел море и, готовое к отплытию, огромное судно. Подымали якорь. Отдавали канаты. Дожидались только его. Пусть! Он чувствовал себя так хорошо в своем уединенном домике. Он никогда больше не увидит своей родины. Он прижимал свои уста к душистой руке. Во дворе тенистый угол захватил все пространство. Фонтан увлажнял томный и жгучий воздух...

Андре Моваль вдрогнул. Перед ним раскинулась своей сероватой мостовой площадь Пантеона. Группы студентов рассеивались, перекликаясь. На бледно голубом небе, покрытом небольшими облачками, купол здания выделялся своей стройной

округленностью. В этой картине не было ничего восточного, точно так же, как и в свежести этого ноябрьского утра. Андре живо поднял воротник пальто. Его мать не раз наказывала ему беречься от простуды. Будущему консулу не следовало хватывать насморка! Он улыбнулся. Что подумала бы госпожа Моваль, если бы узнала, что гурии Востока сочетали свои обнаженные танцы с лекциями доброго господина Гюйоннэ! Андре убедился лишний раз в том, что, вырастая, мы начинаем иметь тайны от своих родителей. Наступает момент, когда у каждого является своя собственная жизнь и право поступать по своим желаниям. Согласует ли он свою жизнь с консульскими планами господина Мовалья? У него было еще достаточно времени, чтобы позаботиться об этом вопросе. Впоследствии видно будет. А пока к чему огорчать отца? Без сомнения залитый солнцем Восток должен быть прекрасен, но и у этого тонкого осеннего парижского утра была своя прелесть. Эта большая площадь, пустынная и правильная, была не лишена некоторого скромного благородства, как и сама улица Суффло — известной приятности. Вдали деревья Люксембургского сада, начинавшие обнажаться, за позолоченными железными решетками показывали свою рыжую листву, закрывавшую серые крыши дворца. Андре подумал о террасах сада. Они наверное устланы прекрасными пальмами листьями.

Он замедлил шаг. Сумка мешала ему. Он больше не станет брать ее с собой. Она придавала ему вид

студента, а это раздражало его. К чему тащить с собой этот знак школьных занятий? Разве господин Гюйоннэ ходит по улицам, наряженный в свою тогу? Как раз профессор только что перегнал его; красивый мужчина, элегантно одетый; говорили, что он любовник одной светской женщины, которая иногда, по окончании лекций, дожидалась его в своем экипаже, возле Пантеона. Сегодня господин Гюйоннэ возвращался пешком, и Андре поклонился ему, когда тот проходил, столько же затем, чтобы показать, что он был воспитан, сколько и для того, чтобы в душе извиниться перед ним за недостаточное внимание во время лекции. Господин Гюйоннэ ответил на его поклон. Вместо цилиндра и хорошо скроенного жакета, Андре представил себе на голове и плечах профессора докторские шапочку и одеяние. Как смешон был бы господин Гюйоннэ, предаваясь любви в этом одеянии! Эта мысль забавила юношу. Положительно его восточные фантазии привели его в игривое настроение.

Он остановился перед витриной букиниста. Взгляд его пробежал по заглавиям ряда книг по праву. Над ними стояли ряды других томов, среди которых он заметил экземпляр *Любовных поэм* Марка-Антуана де Кердрана. Вдруг, в его памяти запела строфа, благородная, чистая, звучная. Другая ответила ей. Андре был изумлен. Эти прекрасные стихи гнали из его души пошлые образы. Стихи очищали атмосферу его мыслей. Великий поэт воспевал не увлечение, не прихоть сердца или чувственности,

но ту любовь, которая захватывает жизнь человека, овладевает ею, наполняет ее; то была чудесная и божественная страсть, которая навсегда поражает и облагораживает того, кто испытал ее. Марк-Антуан де Кердран был одним из таких избранных. От этого вместе со славой он приобрел нечто нежное, значительное и скорбное.

Между тем, Андре Моваль достиг решетки Люксембургского сада. Под посаженными в шахматном порядке деревьями площадки песок был устлан палыми листьями, которые садовники сгребали и собирали в большие золотистые кучи. В длинном бассейне фонтана Медичи они покрывали темную воду своими плавучими гирляндами. То были листья платанов, широкие, с вырезанными краями, желтизна которых была усеяна пурпурными жилками. Один из них застрял в растрепанной шевелюре Полифема, нагнувшегося со своей скалы к Нимфе и Пастуху, страстно обнимавшимся в углублении грота. Андре, опираясь на балюстраду, смотрел на мраморную чету. Белое и жеманное тело Галатеи занимало его. Он любовался его покорной стройностью. Конечно, великая любовь — вещь прекрасная, но и простое объятие живого тела разве не восхитительное наслаждение? Это так, но он не делался от этого менее смешным, стоя здесь, как любопытный школьник, мечтательно любующийся мраморной женщиной! Это было хорошо в четырнадцать лет, когда отец водил его, в дождливые воскресенья, в Луврский музей! Что он тут делал, перед этими героями мифа, спря-

танними под скалой, возле тосканского портика? У него было о чем подумать. Разве для него Галатея не раскрыла своих покровов? Он знал женское тело и наслаждение, которое оно дает. У него бывали любовницы.

Любовницы! Слово показалось ему слишком внушительным для определения мелких любовных приключений, выпадавших на его долю. Поэтому, чтобы придать им больше значения, он предпочитал соединять их в одно единственное представление, делать из них, так сказать, одно тело, одно лицо, так чтобы отдельные индивидуальности не выделялись, но представлялись его уму, как нечто осязаемое и осязаемое, а не как пустая фантазия.

Дворцовые часы, пробившие половину одиннадцатого, вывели его из мечтаний. Нужно было подумать о возвращении на улицу Бо-з-Ар, где он жил. Завтрак был в половине первого, а господин Моваль не любил, чтобы его заставляли ждать, так как к двум часам ему нужно было возвращаться в свою канцелярию. Андре жалел его за эту подчиненность, от которой господин Моваль, однако, не страдал. Он был человеком точным, аккуратным и умеренным. Он даже не курил. В этом Андре завидовал ему. Сам он любил хорошие папиросы, но это подрывало тощий бюджет юноши. Бюджет этот являлся всегда одной из его забот. Как часто эта относительная бедность заставляла его пропускать много приятных увеселений и даже тех маленьких случайностей, которые в Париже, если отдаваться им, как

следует, требуют нескольких луидоров. Эта зависимость, в которой его держали, и на которую он не смел жаловаться, ибо на этот счет он был горд, удалила его от друзей, которых он приобрел в коллеже. Многие из тех, которых он предпочитал, были богаты, а он не считал для себя возможным разделять с ними их развлечения, равняться с ними в удовольствиях, которым посвящали они свой первый пыл молодости. Поэтому, он понемногу перестал ходить к ним и жил одиноко. К счастью для него он любил чтение и прогулки. Все же ему хотелось бы быть немного побогаче. Ах! Синие бумажки не падали в его кошелек подобно золотым листьям на Люксембургской площадке! Он проворно поймал один из них на лету. Чей то хохот заставил его повернуть голову.

— Браво, Моваль!

Антуан де Берсен вместе со своим ящичком с акварелью, положенным на перила террасы, и с большой вазой, около которой он расположился, представлял собой приятную романтическую виньетку. Его широкие брюки, суженные у щиколоток, свободный вестон с отложным воротником, большой галстук, фетровая шляпа с длинным ворсом придавали ему живописный вид. Антуан де Берсен носил усы и острую бородку. У него было цветущее, загорелое лицо с правильными чертами, крепкое тело и тонкие руки. На стуле, позади него, лежал аккуратно сложенный испанский плащ. Андре познакомился с ним, в первый год изучения права,

в одной пивной латинского квартала. Его друг, Эли Древе, представил их. Они встретились снова, и однажды Берсен попросил Андре позировать ему для головы в одной картине — Андре согласился. Благодаря этим сеансам, они стали приятелями, хотя Берсен был много старше его: Антуану было двадцать семь лет. Но художник относился к Андре с дружеской сердечностью, чем Андре был очень тронут.

Антуан де Берсен протянул руку молодому человеку.

— Разве Древе не сказал тебе, что я в Париже? А ведь я поручил ему передать это тебе, но у него сейчас голова кругом идет. Я его неделю две, по крайней мере, не видел. Он воображает, что основывает журнал. Он лучше бы пошел, на что он похож! Впрочем, ты знаешь, как я об этом думаю... Прежде всего здоровье, без которого не бывает ни труда, ни таланта, ни медалей! Ах! в этом отношении я принадлежу к школе госпожи Моваль, твоей матушки. Гений не должен простужаться. Само собой, все это я говорю для себя, а не для тебя, презренный юрист... Ну, не смотри на мою мазню, посмотри лучше сюда. Не правда ли, хорошо?

Кончиком своего карандаша Берсен указывал на старый дворец в итальянском вкусе, возвышавшийся над цветниками, над лужайками, над аллеями сада, обрамленного отлогими площадками. Бассейн простирал свое круглое жидкое зеркало. Вдали, под деревьями, одетыми в золотые листья, меж стволов, белели статуи.

Быстрый карандаш художника набросал несколько линий на бумаге. Он продолжал:

— И к тому же, этот сад полон женщин! Я наблюдаю за ними, когда работаю здесь. Это забавляет меня. Тут встречаются все категории. По утрам, особенно, это бывает смешно. Сюда приходят буржуазки, возвращающиеся от обедни или из магазинов, работницы, служанки, торговки, настоящие дамы, маленькие бульварные феи. Трем четвертям из них совершенно нечего делать в сих местах, как говорится в трагедиях. Я уверен, что они делают крюк, чтобы зайти сюда. Их привлекает сюда правильность, образцовый порядок этого места, его благоустроенный вид, его некоторая неизменность, потому что, видишь ли, они больше всего на свете любят то, от чего веет продолжительностью, постоянством. Принято говорить, что они ищут приключений, романтики, — как бы не так! Им нужна лишь уверенность в том, что завтра будет походить на сегодня. Поэтому то они и любят деньги, так как при них непредвиденное сводится к минимуму. И от этого же происходит их склонность к браку. В каждой женщине таится скрытая буржуазка. Правда, у них бывают минуты безумия. Они бросают свои чепцы через мельницы, но при этом, не желают ничего лучшего, как стать самим мельничихами... У меня, вот, есть любовница, Алиса, девчонка лет двадцати. Семнадцати лет она бросила своих родных для того, чтобы пуститься во все тяжкие. Это скорей указывает на темперамент, не

так ли? Один бог знает, где только она не путалась! И что же, едва только она водворилась у меня, как возымела только одну мысль — разыгрывать большую даму! Образцовая хозяйка, милый мой. Ты ее увидишь, когда придешь в мою мастерскую, так как мы живем вместе, с лета... Не хочешь ли пообедать с нами сегодня вечером?

Андре Моваль покачал головой.

— Невозможно, среда — это день дяди Гюбера.

Антуан де Берсен не настаивал. Он знал, что Андре Моваль — покорный сын. Приглашенный в прошлом году к родителям Андре, он угадал, с кем имеет дело и явился к ним в корректном сюртуке. Он держал себя у них как молодой человек из хорошего общества, не как художник, а как сын провинциального дворянина, который, если и имеет в Париже мастерскую, все же владеет в своей провинции и усадьбой и голубятней. Андре был ему благодарен за выказанный такт. Впрочем, Антуан очень понравился господину и госпоже Моваль. Дядя Гюбер, присутствовавший на обеде, объявил, что молодой Берсен похож, как две капли воды, на убитого при Сольферино некоего Монара, из 3-го стрелкового полка.

— Тогда приходи, когда захочешь, около пяти часов. Ты познакомишься с Алисой. Ну, а у тебя есть ктонибудь в настоящее время?

Берсен засмеялся:

— Нет... в таком случае обращаю твое внимание на Селину, натурщицу. Она находит тебя очень

милым. К тому же, ты нравишься женщинам, поро-сенек! Вот, полюбуйся собой.

На одной из страниц своей записной книжки, Антуан, во время разговора, наскоро набросал силуэт юноши. Андре узнал себя в нем и не остался недовольным своим видом. У него было овальное, свежее лицо, с пробивавшимися усиками. Да еще Берсен не мог нарисовать прекрасной пряди волос на его лбу из за шляпы, закрывавшей ее. С подобным лицом ему не было никакого основания бояться не быть любимым женщинами, не только какойнибудь Алисой или Селиной, но настоящими женщинами, из тех, которые любят не по расчету, не по профессии, но для наслаждения, для страсти, для любви. И он желал этой любви, любви взаимной и добровольной, пылкой, свободной, нежной, в которой оба любовника совместно наслаждаются друг другом, в которой сердце участвует так же, как и чувственность; которую не нарушает ни одна забота, чуждая сладострастию; которая, слившись из чувства и чувственности, ищет в них совершенства и умеет усиливать свое обаяние прелестью пейзажей, красивым расположением вещей, изяществом украшений, элегантностью туалета, красотой и благоуханием цветка.

Антуан де Берсен взял из рук Андре Мовая листок и разорвал его на кусочки.

— Довольно, Нарцисс! Вот, посмотри ка лучше.

Он толкнул локтем юношу, указывая на двух гуляющих, которые приближались к ним, и про-

шептал ему на ухо два имени, заставившие его вздрогнуть.

Первый из них был уже пожилой человек, высокого роста, слегка сгорбленный, с лицом благородным и добрым. Он шел, опираясь на трость и разговаривая со своим спутником, менее высоким, чем он сам, но хорошо сложенным и с изящной внешностью. Второму было около сорока пяти лет. Из под темных бровей смотрел пронзительный взгляд. У обоих в петличке красовалась ленточка Почетного Легиона. Проходя около молодых людей, старик отшвырнул концом трости лоскутки бумаги, только что брошенные Берсеном.

Андре Моваль смотрел им вслед. Взволнованным голосом он спросил Берсена:

— Тот высокий — Марк-Антуан де Кердран, не так ли? А другой?

— Другой? Да это — Дюмэн, романист. Разве ты не видал его портрета, написанного Спира, в последнем Салоне? Это поразительная вещь.

Жак Дюмен был знаменит. Успех он имел выдающийся столько же в литературе, сколько и в свете. Он выступил тридцати с лишком лет и сразу достиг известности, которая делалась все большей с каждой новой книгой. Будучи замечательным писателем и проницательным наблюдателем, он сделался могучим и тонким изобразителем современной Парижанки. Женщины были без ума от его романов, в одно и то же время смелых и тонких, и они выказывали свою благодарность романисту за то, что

он разгадал их. Дюмэн, несмотря на несколько связей, наделавших шуму, был не столько человеком, имеющим успех у женщин, сколько каким то оракулом феминизма, советчиком и духовником. Андре Моваль задумался. О чем могли говорить между собой великий поэт любви и проникательный психолог любви, проходя по этому грустному осеннему саду? Каким сентиментальным и чувственным воспоминаниям предавались они, ступая по увядшим листьям этих аллей?.. Андре хотелось бы подслушать, о чем они говорят. Он завидовал и тому и другому... Подобно одному из них, он хотел бы познать великую страсть, ту, что оставляет в сердце благоуханный и горький пепел; подобно другому, он хотел бы срывать на своем пути разнообразные цветы и сохранить в своей памяти их высохшие и душистые лепестки; пережить, как Марк-Антуан де Кердран, единственное и полное откровение любви, и как Жак Дюмэн научиться распутывать все ее хитрости и разгадывать все ее маски!

Антуан де Берсен, закрывши свой ящик с красками, прервал его раздумье:

— Они идут завтракать к Фуайо. Таково преимущество возраста и славы. Нам еще далеко до них, не правда ли?.. Ну, до скорого свидания, мне нужно идти домой. Алиса должна позировать для меня голой сегодня после полудня, а я голоден.

Искусным движением он развернул свой испанский плащ и задрапировал им свои плечи, потом, пожав руку Андре, он удалился крупными шагами,

в то время, как этот последний направился по дороге к улице Бо-з-Ар.

Андре Моваль шел и думал об Антуане де Берсен. Какое странное существо! В глубине души он ненавидел труд и его порабощающую силу. Он любил охоту, лошадей, физические упражнения, а целый день проводил за мольбертом. Он любил постель, позднее вставание, и вставал рано. Он охотно предавался бы светской жизни, ее удовольствиям, а жил в стороне в своей мастерской на улице Кассини. Он жил, так сказать, вопреки самому себе, но в этой постоянной борьбе его поддерживало что то могучее и глубокое, его неустанное стремление к известности и славе. Так как случайный природный дар сделал из него художника, то он со всей своей энергией развивал и культивировал этот дар. Это было «его добро», и он стремился к увеличению его ценности, подобно своим деревенским предкам, старавшимся увеличивать свои доходы. Талант художника упал на него с дерева жизни, подобно тому, как на шевелюру Полифема у фонтана Медичи, упал тот лист, который Андре только что видел весь покрытый пурпуром и золотом, оттого что осень вытерла о него свои чудодейственные кисти!

III

Любопытным человеком был г. Гюбер Моваль, дядя Гюбер, как его называли в семье. С тех пор как Андре помнил его, он видел его в своих воспоминаниях всегда одним и тем же. По внешности дяде Гюберу не прибавилось ни одного дня. Между тем, добряк дядя не был молод. Сводный брат господина Моваля, он был гораздо старше его, но годы, казалось, не были ему в тягость. У дяди Гюбера была круглая голова и коротко остриженные волосы. Он носил усы и эспаньолку, и эти украшения его лица всегда сохраняли прекрасный черный цвет. Правда, что этим неизменным цветом они были обязаны употреблению сильной краски. Значит, дядя Гюбер мог безнаказанно стариться так, что этого никто не замечал, по крайней мере по его растительности. Что до остальной его особы, то и с ней не происходило перемен. Дядя Гюбер был среднего роста; он не худел и не толстел. У него была все та же военная, немного деревянная походка. Но господин Моваль предполагал, что его брату все же не удалось избежать общей участи. Он указывал даже множество признаков, по которым видно было, что дядя Гюбер слабеет. Всякий раз, как касались этого вопроса, господин Моваль, в конце-

концов, таинственно прикладывал ко лбу свой согнутый указательный палец. При легком стуке, производимом этим движением, господин Моваль подымал глаза к потолку и вздыхал.

Несмотря на такие намеки со стороны господина Моваля, дядя Гюбер чувствовал себя недурно. У него, к тому же, всегда было великолепное здоровье, и поэтому он ужасно опасался болезней. Андре помнил, что во время довольно сильной скарлатины, которой он захворал лет одиннадцати, дядя Гюбер, во избежание заразы и под тем предлогом, что его присутствие не могло принести никакой пользы, воздерживался от посещения улицы Бо-з-Ар, довольствуясь вестями, получаемыми у привратника. Хотя господин Моваль и многое прощал тому, кого он охотно называл «этот чудак Гюбер», он считал дурным такой избыток осторожности и дошел до того, что назвал это эгоизмом и трусостью. По этому поводу между обоими братьями возникло некоторое охлаждение. В течение этого времени, дядя Гюбер перестал приходить обедать по средам, чего он до того никогда не переставал делать. Тогда то Андре впервые увидел таинственное движение отца и услышал знаменитый стук, все чаще и чаще повторявшийся теперь, когда в семье заходила речь о бедняжке дяде...

Все таки, в конце концов, дядя Гюбер снова появился в доме. Однажды, в среду, когда все выходили из за стола, добряк велел доложить о себе. Андре побежал к нему навстречу. Такой прием все

уладил. В следующую среду для дяди, по обыкновению, был поставлен прибор, и обеды снова продолжались, как прежде. Господин Моваль не был недоволен тем, что эта ссора таким образом прекратилась. Конечно, он не сделал бы первого шага, но раз уж брат сам вернулся, он был рад этому возвращению. Господин Моваль испытывал некоторое удовольствие оттого, что дядя Гюбер раз в неделю, во всякую погоду и во всякое время года, проходил путь из Сан-Мандэ, где он жил, на улицу Бо-з-Ар. Регулярное присутствие дяди Гюбера доставляло тайное удовлетворение его самолюбию. Оно как бы сообщало ему достоинство главы семьи, чем он гордился. Из за него кто то беспокоился. Дядя Гюбер мирился с таким положением вещей, и хотя был старшим, признавал за господином Мовалем превосходство. К тому же, господин Моваль считал себя в праве притязать на него. Он был женат, имел сына, занимал высокий пост в важном учреждении и представлял собой, как он сам говорил «центр»: в то время, как дядя Гюбер, холостой, без места, не занимал никакого положения в обществе. Да и жил то он чорт знает где, почти вне Парижа, у заставы. Было естественно, чтоб он и беспокоился. Дяде Гюберу, казалось, нравилось, что дела обстояли так, и он сам, после женитьбы господина Мовалья, установил такие отношения. Он избавил раз навсегда своего брата и невестку от необходимости отдавать ему визиты, выставляя, как предлог отсутствие у него благоустройства, расстояние, квар-

тал. Разве у старого холостяка может быть свой угол?

Итак, дядя Гюбер был чудачком, и Андре довольно скоро понял это. Совершенно так же, как он не желал, чтобы его посещали, он ненавидел, когда вмешивались в его дела или расспрашивали о его занятиях. При малейшем вопросе по этому поводу он делался сумрачным и отвечал довольно сухо. Вообще, о нем было известно лишь то, что он сам соглашался рассказывать. Все остальное составляло тайну. На что употреблял дядя Гюбер свои дни и вечера, где проводил он их, кого он посещал? Тут он был нем. У него было небольшое состояние, маленький домик с крохотным садиком. Он никогда не жаловался на свое одиночество. Дядя Гюбер был, по-своему, мудрецом.

Впрочем, это был превосходный человек, легко соглашавшийся с мнением другого, не оспаривая его. Господин Моваль ценил в нем приятного слушателя. О развитии Мореходного Общества и об улучшении условий службы господин Моваль мог рассуждать перед своим братом, не боясь противоречий. Единственная область, в которой дядя Гюбер позволял себе иметь свое мнение, были военные вопросы. Но тут уж дядя Гюбер оказывался совсем несговорчивым. Он один на свете точно знал, что такое армия, чем она не была и чем она должна быть. Организация, вооружение, тактика, все это составляло область его исключительного ведения, и он совершенно не терпел, чтобы ктонибудь про-

никал в нее. Он бдительно стоял на часах у входа и выстрелил бы во всякого, кто захотел бы пробраться туда.

Эти притязания происходили оттого, что восемнадцати лет он поступил в 6-й стрелковый конный полк, проделал Итальянскую кампанию и принимал участие в битве при Мадженте. По окончании службы, он вернулся к своему очагу в чине вахмистра и с медалью за кампанию, ленту которой он тщательно избегал носить. Разве он нуждался в таких значках для того, чтобы его всюду признавали за бывшего военного! Разве не было достаточно его эспаньолки и его военной выправки? Хотя его брат и волочил слегка ногу, когда двигался, господин Моваль предполагал, что это делалось для того, чтобы заставить поверить в какую то старую рану. В сущности, дядя Гюбер ничего не имел бы против какогонибудь повреждения. Эта неприятность доставила бы ему крест, который он заслужил не хуже всякого другого своим блестящим поведением при Мадженте. Но справедливости на этом свете нет, и дядя Гюбер, не переставая браниться на то, что он был обойден, не проявлял никакой неприязни к своему прежнему ремеслу и продолжал им интересоваться. Все, касающееся защиты родины, не переставало занимать его, и в своей семье он составил себе из всего этого нечто в роде специальности, перед которой все должны были преклоняться.

Благодаря этому неоспоримому военному авторитету, дядя Гюбер сумел внушить восхищение своему

племяннику. Как и все дети, маленький Андре страстно любил оловянных солдатиков. У него была их целая армия, которую он методично и яростно устанавливал для битвы. Дядя Гюбер являлся авторитетнейшим судьей в этих играх. Поэтому то Андре с нетерпением ожидал каждую неделю среды. Как только раздавался дядин звонок, он прибегал. Обед казался ему бесконечным. По окончании еды, в тот момент, когда госпожа Моваль вставала из за стола, Андре с восторгом слушал, как дядя Гюбер произносил свою традиционную фразу: «Ну, дорогая невестка, я знаю, вы не любите табаку; я останусь здесь, выкурю трубочку... малыш посидит со мной...»

Эти слова весело раздавались в ушах Андре. Тогда, пока г. и г-жа Моваль уходили в гостиную, он бежал за коробками, в которых лежали пехотинцы, кавалеристы и артиллеристы. Он вынимал жестяные укрепления, картонные крепости и, отодвинув тарелки и стаканы, располагался в углу на скатерти. Блаженный миг! Дядя Гюбер вынимал из кармана свой кисет из свиной кожи, набивал свою маленькую трубку с длинным почерневшим мундштуком, и смотр начинался. Дядя Гюбер, между двумя затяжками, отвечал на вопросы племянника и поучал его своим стратегическим знаниям. Запах олова, покрытого лаком, смешивался с запахом трубки, дым которой казался Андре дымом самой славы!

Впоследствии, когда Андре подрос, оловянные солдатикки стали менее забавлять его, но боевые вечера по средам попрежнему были для него полны

очарования. Что за прелестные истории битв выслушивал тогда Андре из дымящихся уст дядюшки Гюбера! Дядя подкреплял их своими личными воспоминаниями. Он чистосердечно присоединял к своим повествованиям очевидца события и анекдоты, о которых он читал. Казалось, что этот ветеран принимал участие не только в Итальянском походе, но также и в Китайском, и в Крымском и в Мексиканском. Даже великие войны первой империи казались ему такими близкими, что можно было подумать, что он также присутствовал в те славные дни. Все это смешивалось в уме Андре и составляло один торжественный фон, на котором поступью героя шествовал дядюшка Гюбер. Андре испытывал к своему дядюшке великое восхищение и не мог не вздрагивать от воинственного трепета всякий раз, как господин Гюбер Моваль давал ему пощупать сквозь кожаный футляр револьвер, который он носил с собой, чтобы иметь возможность отражать опасные встречи, которым он подвергался, возвращаясь поздно в такой малолюдный квартал!

[x К несчастью, всему бывает свое время, и наступил час, когда военные забавы Андре отодвинулись на второй план. Рассказы дяди Гюбера, слишком часто повторяемые, стали не столько возбуждать восхищение слушателя, сделавшегося менее наивным, сколько вызывать нарождавшееся критическое отношение. Андре стали бросаться в глаза некоторые неправдоподобности. Играл ли, например, дядя Гюбер ту самую роль при Мадженте, которую он себе

приписывал? По мере того, как уменьшалась вера Андре, вещи, не раз рассказанные его героем, теперь заподозренным, теряли понемногу свой интерес. Таинственное постукивание по лбу господина Мовалья получало для Андре более ясный смысл. При том же, он чувствовал, что становится все более и более равнодушным к разговорам о вооружениях, о реформах, о тактике, которые вел с ним дядя.

Вот почему он с меньшей радостью смотрел на уход из за стола г. и г-жи Моваль, оставлявших его наедине с дядюшкой Гюбером, с его кисетом из свиной кожи и с его трубкой. Ему хотелось бы поговорить о других предметах, но с дядей Гюбером нечего было и думать об этом. Правда, Андре по-прежнему очень любил своего добряка дядюшку, но порой, слушая его, он зевал и раздумывал о средствах, которые могли бы прекратить курение маленькой трубочки, которая не наполняла больше комнату прежним героическим и волшебным облаком!

Теперь, когда Андре Мовалью было девятнадцать лет, общество дяди Гюбера откровенно докучало ему, и каждую неделю он с грустью сознавал приближение дня, когда ему придется выносить послеобеденный разговор этого превосходного человека. Впрочем, дядя Гюбер стал меньше говорить с ним о Мадженте, о баллистических новостях и о тактических нововведениях. У господина Гюбера Мовалья был и другой конек. Его занимала также политика, и он сообщал Андре свои предвидения в этой области. Дядя Гюбер беспокоился. Он всегда примечал

«черные точки на горизонте». По его словам, все предвещало европейские осложнения и близость мирового пожара. С каждой неделей война казалась ему все неизбежнее, а война с такой армией, как у нас, это было бы поражением, кашитуляцией, расчленением государства. Эти предсказания раздражали Андре. Если войне суждено было быть, никто не мог воспрепятствовать этому. К чему беспокониться заранее? Придется провести плохие минуты, и каждый устроится, как сможет. А там видно будет. В сущности, он не верил зловещим пророчествам дяди Гюбера. Его юность и его невольный оптимизм инстинктивно возмущались против этих мыслей о поражении; но если он иногда замечал дяде, что Франция все таки великая страна, что ее армия — все таки армия, ее пушки — пушки, ее ружья — ружья, ее солдаты — солдаты, господин Гюбер Моваль вздыхал так глубоко, с отчаянным видом теребя свою бородку, что Андре не смел усумниться, будто страна не достигла последней степени слабости, беспомощности и распада!

Андре Моваль несколько раз попытался спастись от этой повинности по средам, под предлогом какойнибудь прогулки с товарищами. Г-жа Моваль любезно помогала ему в этих хитростях. Но в следующую среду дядя казался таким огорченным отсутствием в предыдущий раз своего племянника, что Андре покорился. К чему огорчать превосходного человека, которого он любил, к тому же? Впрочем, эта великодушная покорность была вызвана в нем чувством

признательности. Эта признательность относилась к событию, имевшему место несколько лет назад. Ах! в тот вечер дядя Гюбер не казался ему скучным!

Андре Мовалю было около пятнадцати лет, когда произошло событие, за которое он сохранил благодарность к дяде. В тот день, когда он вернулся домой — была как раз среда — ему открыла дверь горничная его матери. Эта девушка была красива, молода и кокетлива, и звали ее Розиной. Розина! при этом воспоминании сердце Андре билось сильнее. Розина!.. Пока он вешал свое пальто на вешалку, он чувствовал ее позади себя. Вдруг он повернулся. Он посмотрел на нее улыбающуюся и лукавую. Он оказался во власти какого то резкого и сильного движения. Не будучи в силах противиться искушению этой свежей кожи, он смело схватил талию Розины своими жадными руками, и запечатлел звучный поцелуй на шее камеристки в тот момент, когда г-жа Моваль переходила переднюю, из которой она тотчас убежала, вскрикнув.

Андре помнил драму, последовавшую за этим сюрпризом: г-жу Моваль в негодовании и слезах, г. Моваль, предупрежденного о скандале, строгого и презрительного, и патетическую сцену, вызванную шалостью, которою он был обязан одной прогулке по Люксембургскому саду со своим другом Эли Древе, во время которой они беседовали о женщинах, кура первые папирсы; Андре помнил и выговоры, и свою комнату, куда его заперли, и обед, принесенный насмешливой кухаркой, и слезы сожаления и позора,

которые он пролил, ужасно стыдясь того, что мать застала его за такой непристойной лаской. Он считал себя как бы обесчещенным в ее глазах. Он хотел умереть, и все же Розина была очень красива, и кожа ее — нежна. При этих то обстоятельствах появился дядя Гюбер. Андре при виде его, входящего в комнату, покраснел до ушей. Что то скажет ему дядя Гюбер? Присоединит ли он свои упреки к упрекам г. и г-жи Моваль, также порицая его, со своей стороны, за прегрешение с прислугой? Между тем, у дяди, казалось, не было дурных намерений. В то время, как Андре стоял, смущенно опустив голову, дядюшка Гюбер подвинул себе стул. Усевшись на него верхом, как он любил это делать, он вытащил из кармана свой кисет и трубку. Когда чиркнула спичка, Андре поднял глаза. Окруженный облаком дыма, дядюшка Моваль дружелюбно посматривал на племянника. Ободренный этим, Андре снова сел. Для приличия, Андре выпил несколько капель вина, оставшихся на дне стакана. Когда он ставил стакан на столик, вдруг он почувствовал, что рука дяди хлопает его по коленям, в то время, как голос произносит с громким смехом: «Ну-с, пострел, я узнал прелестные вещи о тебе. Поздравляю, мой мальчик; оказывается, тебе уже нравится юбка»...

И в то время, как Андре смотрел на него с изумлением, он прибавил, затыгиваясь: «Честное слово, я тебя понимаю... плутовка то хорошенькая... Ах, ветренник какой!»

Андре захотелось броситься на шею дяде Мовалю. Как! ни порицания, ни упрека; более того — какая то сочувственная снисходительность! Так значит, тот сорванный поцелуй был лишь естественным? Значит, его вина была простибельна? Значит, он не был чудовищем, раз его дядя смеялся этой шалости и заключил: «В другой раз старайся, по крайней мере, чтоб тебя не поймали на месте преступления, чорт возьми, но, честное слово, из за всей твоей истории не стоило подымать столько шума! К тому же, я все устроил. Конечно, уж Розине придется завтра уйти, но тебя оставят в покое».

По мере того, как дядюшка Гюбер говорил, Андре чувствовал себя облегченным. Завтра никто не будет больше думать об его грешке. Ему казалось, что жизнь снова вступает в свое течение. И это чудо совершил дядя Гюбер, и он, сидящий верхом на стуле, в облаке дыма от трубки, казался ему каким то снисходительным и освобождающим гением!

Андре часто вспоминал об этом приключении по средам, когда дядюшка Моваль, после обеда, принимался за свои излюбленные разговоры, и часто также, рассеянно слушая его, он думал о хорошенькой Розине своих пятнадцати лет. Что случилось с ней после того, как она покинула их дом? И он с грустью вспоминал ее лукавые глаза и ее крепкий и свежий затылок.

В то время Андре уже начал интересоваться женщинами. С ранних пор он был чуток к их красоте и грации. Ребенком, в Люксембургском саду,

в Тюильри, он искал общества маленьких девочек. Какие занятные игры он устраивал с маленькими Жадон! Их отец, г. Жадон, был товарищем г. Мовали по Мореходному Обществу. Они встречались на прогулках... Как он любил их, этих трех Жадон, всех трех старше его, так как младшей теперь было двадцать один год, а старшей — двадцать пять, Этьеннету, Евгению и Луизу, подруг своих забав! Он испытал к ним сильные чувства, так как у детского возраста — свои страсти. К несчастью, маленькие Жадон, став барышнями Жадон, утратили, выросши, всю миловидность и красоту, и Андре перестал интересоваться ими; но, вместо них, он стал интересоваться некоторыми особами, бывавшими в их доме, лица и присутствие которых ему нравились, на которых он смотрел со странным вниманием, и о которых мечтал, когда их не было.

Из них особенно одна волновала его. Ее звали Шарлоттой Леруа. Ей было тридцать лет, и она не была замужем. Госпожа де Сарни пригласила ее в Варанжевилль, где Мовали проводили лето. Мадемуазель Леруа была приятна, немного полна, у нее было свежее лицо, прекрасные глаза, умные и ласковые. Она была сиротой, и жила одна. Она сразу понравилась Андре. Она была очень мила с ним. Они часто гуляли вместе. Она не отказывалась сыграть с ним партию тенниса. В то время Андре было четырнадцать лет. Он был одновременно большим шалуном и очень рассудительным мальчиком. Часто прогуливаясь по аллеям рядом с мадемуазель

Леруа, он исподтишка любовался ее гибкою талиєю и ее изящною походкою. Однажды утром, перед завтраком, его тетка, госпожа де Сарни, послала его отнести мадемуазель Леруа телеграмму, только что прибывшую на ее имя, в то время, как мадемуазель Леруа поднялась в свою комнату, чтобы снять шляпу. У двери, Андре постучался. Послышался голос мадемуазель Леруа: «Войдите». Но на пороге он остановился, покраснев до ушей. Мадемуазель Леруа в нижней юбке и корсете поправляла свою прическу, стоя перед зеркальным шкафом. Андре увидел белую грудь, темные подмышки и поднятые кверху, обнаженные руки. Мадемуазель Леруа рассмеялась, сказав просто: «Телеграмма! давайте, Андре», и прибавила: «Я думала, что это горничная». Андре убежал. За столом он не поднимал глаз со своей тарелки. Днем он отправился в сосновый лесок и уселся там на крутом берегу. Море было серо. Ветер покачивал гибкие вершины деревьев. Было приятно и тепло, ему хотелось плакать.

После этой маленькой сцены Андре Моваль пережил довольно тревожный период, о котором он вспоминал не без некоторого стеснения, период, если можно так выразиться, полового и физиологического любопытства. Женщины представлялись ему физически таинственными существами, о которых он подолгу думал с какой то смесью точности и неопределенности. Это было время запрещенных книг и разговоров шепотом. Друг его, Эли Древе, более осведомленный, чем он, посвятил его во многие

вещи. Все это возбуждало в Андре какое то бесстрастное любопытство, которому не соответствовало никакое определенное желание. Поцелуй Розины был скорей бравировкой. Ведь Древе хвастался выходками покрупнее!

Его собственная выходка имела одно определенное следствие. От смутных мечтаний, которыми он ограничивался до тех пор, она привела его к более реальным желаниям. С того самого дня его мечты получили цель. Они подготовили его к акту, сущность которого ему была известна, выполнение которого он мысленно предвосхищал, и более или менее близкий момент предвидел.

Случай представился, благодаря содействию Древе, приблизительно, когда Андре исполнилось шестнадцать лет. Служанка из пивной, с которой его познакомил Древе, пришла на помощь его неопытности. Она жила в маленькой комнате на улице Мсье-ле-Пренс. Андре посещал ее довольно регулярно в течение нескольких месяцев, потом сразу перестал ходить к ней и не подыскивал ей заместительницы. Он остановился, как только улеглось его чувственное беспокойство. Затем наступил фазис чувства. Андре вообразил, что глубоко влюблен в мадемуазель Леруа. Потом он бывал страстно влюблен в некоторых героинь романов и многие лица на знаменитых картинах. Мастерская Антуана де Берсена прекратила весь этот платонизм. У Андре появилось несколько любовниц: натурщицы, девицы из его квартала, маленькие работницы. Не привя-

завшись особенно сильно ни к одной из них, он научился у них понимать наслаждение, но, переходя таким образом от одной к другой, он хранил в глубине сердца желание ласк более верных, более нежных, более пылких. Он с тоской и грустью спрашивал себя, узнает ли он когда нибудь истинную любовь! Когда он уедет в далекие страны, куда уведет его карьера, определенная родительской волей, неужели он не увезет с собой ни одного из прекрасных воспоминаний, дающих изгнанникам возможность мечтать и примешивающих к горечи разлуки сладость хранимого памятью любимого образа?

IV

Андре Моваль быстро застегнул свое пальто. Дул резкий северный ветер. К счастью, сегодня утром, отправляясь на лекцию, он нашел висевшим в передней свое зимнее пальто, которым г-жа Моваль заменила осеннее. Вставши рано, г-жа Моваль посмотрела на градусник и решила, что температура требует такой перемены. За завтраком это послужило темой для разговора. Решительно наступала зима, и декабрь обещал быть суровым. В Мореходном Обществе были получены депеши, гласившие, что на Средиземном море царил непогода. Па ли ка о, на возвратном пути из Китая, встретил, вероятно, сильную бурю на широте Александрии, так как из Палермо о нем не было никаких вестей. Такое запаздывание, хотя и не внушало опасений, начинало тем не менее становиться ненормальным. Потерпел ли этот пароход какую нибудь аварию? И господин Моваль поглаживал свои аккуратно подстриженные бакки, придававшие ему вид моряка. Занимаясь постоянно судоходными делами, он приобрел в своей наружности какие то морские черты. Нередко в своих разговорах он употреблял морские выражения. В тот день господин Моваль был немало нервен. Он часто испытывал беспокойства

этого рода. Море опасно и изменчиво. Госпожа Моваль, когда муж делился с ней своими заботами, грустно вздыхала. Если господин Моваль, из глубины своей комфортабельной канцелярии, мог опасаться только шквалов — неприятностей своей сидячей жизни, нельзя будет сказать того же о его сыне, когда он доверится волнам, и когда ему, в качестве молодого консула, придется достигать, среди бурь, какого нибудь отдаленного заморского поста. И в мыслях бедной госпожи Моваль, при этой перспективе, кружились смерчи Тихого океана и циклоны Индийского. Поэтому она, пока господин Моваль рассуждал об опоздании П а л и к а о, с тоской смотрела на Андре, кушавшего котлету, все же радуясь при мысли о том, что северный ветер, свистящий на парижских перекрестках, менее опасен, чем сильные ветры, гуляющие по волнующимся морским просторам. Несмотря на аппетит, обнаруживаемый им, она находила, что у ее сына усталые глаза. Только бы он не простудился! И она перечисляла про себя последние предосторожности, подсказанные ей материнской предусмотрительностью. Тонкое пальто, во время замененное ею теплым, настоящий хороший огонь дров и кокса, вместо пламени сучков и сосновых шишек, горевших по утрам осенью, который она велела развести в комнате ее сына, поручив слуге заботливо поддерживать его, в надежде, что Андре проведет день дома. Но увы! домоседные заботы госпожи Моваль были обмануты, так как Андре, тотчас же по уходе отца в канцелярию,

также выразил желание выйти из дому. Что за бешеные эти молодые люди, вечно стремящиеся на улицу, и зачем это Андре итти навещать своего друга Антуана де Берсена в отдаленный квартал Обсерватории, по такому морозу! Но Андре, казалось, не приметил разочарования, доставленного им матери, которая, дав себя нежно поцеловать, услышала, как он запирает дверь квартиры и бегом спускается с лестницы.

Очутившись на тротуаре, Андре Моваль начал осматриваться. В конце концов, погода, несмотря на неприятный северный ветер, была не плоха. Очищенное небо сверкало яркой и тонкой лазурью. На конце улицы возвышалось здание Школы художеств, перед которым был двор, обнесенный решеткой. Андре любил эту перспективу и эту несколько театральную декорацию, которая, казалось, ожидала актеров какой нибудь исторической драмы. В самой глубине — дворец; перед ним большой вымощенный двор, с его статуями, колоннами, архитектурными обломками, заимствованными фасадами. Все это вместе имело довольно гармоничный вид. В центре Парижа это представляло собой как бы искусственный форум, в котором античность, готика и возрождение сочетались в живописном ракурсе. Такая поучительная смесь была приятна глазам. Часто, в хорошую погоду, Андре, выйдя из дому, заходил сюда на минуту выкурить папироску, блуждая среди старых камней. Летом от них исходил запах солнца и развалин. Голуби важно прогуливались по булыж-

никам, меж которых пробивались местами былинки, или ворковали, взобравшись на капители. Иногда, пройдя по темным, прохладным и звучным коридорам, Андре проникал в старинный монастырь Августинов. На одной из стен обители находится раскрашенная лепка фриза Делла Роббиа. Цветные фигуры старого тосканского мастера придают этому тихому месту несколько флорентийский вид. Посреди двора маленький бассейн сверкает как зеркало в зелени кустарников. Под аркадами скрывается памятник Анри Реньо. Андре любил это уединенное и немного мрачное место. Скорбный дар музы Шапю отважному солдату Бузенваля, достопамятному юноше, павшему во цвете лет, трогал его. Ему становилось грустно при мысли о столь печальной участи.

Не будучи художником, Андре Моваль любил прекрасные вещи. Не то, чтобы ему самому хотелось их производить, но ему нравилось наслаждаться ими. Он не был равнодушен ни к музыке, ни к поэзии, ни к другим искусствам. Тут не обошлось без влияния его друга, Антуана де Берсена, открывшего ему глаза на великие произведения живописи. Благодаря Берсену, Луврский музей стал для него не только местом прогулки в дождливые дни. Другой его друг, Эли Древе, сочинявший стихи еще со школьной скамьи, в коллеже Людовика Великого, где они познакомились, со своей стороны, заставил его читать поэтов и заразил его своим восторженным восхищением перед Марком-Антуаном де Кердраном. Андре,

чуткий к прекрасным стихам, действительно высоко ценил Любовные поэмы, но его любовь к литературе не останавливалась на этом, как у Древе. Для более одностороннего Древе лишь один язык богов заслуживал, чтобы на нем говорили, тогда как Андре не пренебрегал прозой и находил очень живое удовольствие в чтении романов. Впрочем, в них привлекала его не одна литературная сторона. Для этого он был слишком молод. В романах его пленяли страсть и психология и особенно роль, которую играют женщины в измышлениях романистов. Романы помогали ему представлять себе жизнь и любовь. Они служили ему нравственными и сердечными руководителями. Поэты казались ему божественными личностями, в то время как романисты представлялись существами более человеческими, впрочем всегда чудесными, так как они являются как бы отгадчиками сердечных тайн. Потому то, когда недавно утром в Люксембургском саду Антуан де Берсен указал ему на Марка-Антуана де Кердрана в обществе Жака Дюмэна, известного автора Буржуазных Связей, если бы он посмел подойти к ним, он высказал бы Кердрану свое восхищение и уважение, тогда как с Дюмэном ему захотелось бы откровенно поговорить на неисчерпаемую тему о любви и женщинах, таинственную сложность и неразрешимые противоречия которых знал Дюмэн.

Правда, до некоторой степени для этой услуги у Андре были его друзья, Берсен и Древе, оба не-

истощимые на эту тему. Но будучи постоянно влюбленными, каждый из них любил по своему. Какой любопытный человек этот Древе, увлекающийся, полный лиризма, потом вдруг насмешливый и циничный, со странной смесью восторженности и шутства! Все предметы его страсти, по его описаниям, были одинаково восхитительными. Его любовницы, а он насчитывал их великое множество, бывали всегда, все, если его послушать, чудесными красавицами. За исключением этой особенности, не было никакой возможности узнать, к какому социальному положению принадлежат эти невидимые богини, только воспеваемые им в пламенных стихах. Но, оставаясь по отношению к ним самим чрезвычайно скрытым и неопределенным, он оказывался гораздо менее сдержанным, описывая физические подвиги, которыми он доказывал им свою страсть, и не удерживался от самых точных и полных подробностей. С невероятным бесстыдством он, так сказать, обнажался перед слушателями. Эта мания казалась еще более странной, благодаря его хилому и жалкому виду. У этого Геркулеса было слабое здоровье, что давало повод сомневаться в реальности его подвигов, точно так же, как его невзрачная и непривлекательная физиономия совсем не объясняла успехов, приписываемых им себе и воспеваемых им в эфирных, звучных, воздушных стихах почти невестственной поэзии.

Впрочем, этот мечтатель не давал своему мечтанию всецело поглотить себя. Наоборот, он смотрел

на жизнь весьма проникательными глазами. Комическое в людях и вещах он обильно награждал потешными и смешными замечаниями, но он был неспособен передавать письменно эту сатирическую сторону своего ума. Взявшись за перо, Древе утрачивал всякое понятие о действительности. Он воспевал лишь розы, лилии, пурпур, золото. Его наблюдательные способности проявлялись только в разговоре, где они выражались каким то едким юмором, веселившим Андре и очень забавлявшим Антуана де Берсена.

Этот последний, в любви, совершенно отличался от Древе, говорил о себе как можно меньше, но довольно охотно о женщинах, которыми ему случалось обладать. Конечно, как художник, он был чувствителен к их телесной красоте, но раз вкусив от наслаждения ею, он ничем так не развлекался, как изучением своих любовниц. Эти психологические анкеты снабдили его память довольно любопытными наблюдениями. Его открытия не оставляли в нем ни гнева, ни презрения, но постигнув какой нибудь характер и хорошенько узнав все его устройство, он испытывал нечто в роде удовлетворения и отдыха. Дело в том, что он не хотел быть ничем и никем обманутым. Единственные вещи, которые его истинно занимали, и которыми он по настоящему дорожил были его искусство и его честолюбие. Они всецело подчиняли его себе. Этот особого рода эгоизм не препятствовал его дружбе с приятелями. Он очень любил Эли Древе и Андре Моваля. Андре замечал

эту привязанность и гордился ею. Большое огорчение для молодых людей их юность, и дружба старших как бы смягчает их стыд за свою молодость.

Раздумывая обо всем этом, Андре Моваль пришел на улицу Кассини к дому, где жил Антуан де Берсен. Он занимал там маленькую квартиру рядом с великолепной мастерской. У дома был приличный вид. Берсен ненавидел бесшабашную жизнь и богему. Его единственной уступкой художническому миру, который он посещал, были его фетровая шляпа, широкие брюки и испанский плащ. Что касается всего остального, то он жил как буржуа: ему прислуживала старая служанка, готовившая обеды из присылаемой его отцом провизии, к которой добряк провинциал присоединял, во время охоты, корзинки с дичью. У Антуана де Берсена, к тому же, были хорошие средства. Мать его, умирая, оставила ему тысяч пятнадцать годового дохода, что давало ему возможность покойно дожидаться того времени, когда к его средствам прибавятся доходы от его кисти. На этот счет у него была полная уверенность. Он сумеет зарабатывать деньги и сделается великим художником...

Между тем Андре позвонил у двери в квартиру. Она открылась, но приземистая фигура толстой Аннеты загораживала дорогу.

— Барин болен. Он не приказывал принимать.

Андре закусил губы. При подобных ответах у него всегда являлось мучительное подозрение. Не было ли это уроком, заслуженным надоедливостью

его двадцатилетнего возраста? Пока он спрашивал старуху о нездоровьи Берсена, отодвинулась портьера, скрывавшая мастерскую, и чей то голос позвал его:

— Ах, это вы, мсье Моваль. Антуан хочет вас видеть. Входите же. Но только не обращайтесь внимания на мой костюм.

Показалась мадемуазель Алиса. На ней был изящный капот, и жеманным движением, не лишённым кокетства, она давала видеть, на красной материи приподнятой портьеры, округленность своей обнаженной руки.

Мадемуазель Алиса — настоящее имя ее было Алиса Ланкере—состояла около шести месяцев любовницей Антуана де Берсена. Блондинка небольшого роста, довольно полная, она имела красивую талию, милые манеры, прекрасные волосы, светлое лицо, красивые глаза, приятные, хотя немного надутые губы, мясистый нос, немного закругленный у кончика. Правда, в этом носе не было ничего неприятного, но чувствовалось как то, что он был самою опасною частью лица! Еще немножко, и он стал бы слишком толстым. Он сделался бы большим носом. Таков, каким он был, он был безупречен, но в нем было что то угрожающее на будущее время. Можно было предвидеть, что на нем отразятся первые удары зрелости. По его форме и составу, в нем угадывалась какая то расплывчатость, бывшая пока в покое, но легко способная заставить его увеличиваться и растягиваться. Несмотря на это, мадемуа-

зель Алиса была приятна на вид. У нее был нежный голос, с неожиданными сухими нотками. Эли Древе, бывавший обыкновенно влюбленным, хотя бы на время писания сонета, в любовниц Антуана де Берсен, казалось, не питал особенной симпатии к этой. У Андре не было на этот счет никакого мнения. Алиса ему не нравилась, но не была неприятной. Он ценил в ней некоторое воспитание. Алиса даже немного злоупотребляла этим преимуществом и охотно разыгрывала приличную особу. Она умела грамотно писать и говорила правильно. Она принадлежала к категории, превосходившей собой обычных любовниц Берсена, и благодаря этому обстоятельству, он решился взять ее к себе, против своего обыкновения.

В то время, как мадемуазель Алиса опускала за Андре драпировку, Антуан де Берсен, приподнявшись с дивана, на котором он лежал, протянул руку молодому человеку. У Антуана было осунувшееся лицо, небрежно повязанный галстук, растрепанные волосы, сумрачный вид.

— Ты, что-ж, старина, нездоров?

Андре, совершенно здоровый, на ногах, чувствовал некоторое превосходство над лежавшим и хворавшим другом. Берсен отрицательно покачал головой, Андре пришел в беспокойство.

— Тогда что же с тобой.

— Да ничего с ним нет, мсье Моваль, совершенно ничего. Он просто боится захворать. Ведь я правду говорю, медведь!

Мадемуазель Алиса, жеманясь, ласкала растрепанную шевелюру художника, видимо чем то раздосадованного. Она продолжала:

— Да уж сколько ни смотри на меня большими глазами, это так. Да, мсье Моваль, этот господин нервничает. Он скверно спал. Может быть, у него был небольшой жар... Он был такой горячий, нельзя было дотронуться до его ног... Ах, я вам даю слишком интимные подробности, мсье Моваль!

Она прикусила губу, сделала испуганное лицо и прибавила, как бы говоря себе самой:

— Нет, медведь не болен. У него теперь свежие руки, да и щеки. Он примет сейчас облатку, а ночью хорошенько поспит около своего дышленочка, и завтра все пройдет.

Она похлопала его нежно по щекам, затем, приняв важный вид сиделки, направилась в соседнюю комнату, откуда стало слышно, как она звенит ключами и открывает ящики. Андре приблизился к Антуану де Берсен, который барабанил пальцами по подушке.

— Правда, что с тобой?

Антуан де Берсен запрокинул голову назад.

— Я сам думаю, что ничего со мной нет, или, знаешь, вот что со мной: мне все надоело, надоело, надоело!

Он сжал зубы и нахмурил брови. Вернулась Алиса с облатками и стаканом воды. Она приблизилась с достоинством, как сердобольная дама к изголовью умирающего.

— Вот, мсье, проглотите ка это.

Она вложила облатку между своих губ и, нагнувшись над диваном, протянула ее ко рту Антуана. Он насмешливо проглотил облатку, нескромным и привычным жестом лаская полный торс молодой женщины. Алиса отскочила, раздосадованная:

— О, Антуан...

Андре удерживался, чтобы не расхохотаться. Он увидел в зеркале раздраженное лицо Алисы, удалявшейся с пустым стаканом; она хлопнула дверью, выходя из комнаты. Антуан закрыл глаза. Большой рыжий сеттер, спавший в мастерской возле печки, потянулся и встал, услышав шум. Когти его закричали по паркету. Он медленно перешел через комнату и, подойдя к Антуану, положил морду на его руку и стал смотреть на него своими прекрасными золотистыми глазами.

— Да, это так, мой красавец Гектор! Я знаю, что ты мне хочешь сказать. Тебе тоже скучно. Ну, разве нам не лучше было бы там, в Пуату, чем в этом грязном Париже!.. Да, вот в такой холодный и ясный денек, как сегодня. С самого утра мы расхаживали бы по полям, в толстых башмаках, стреляли тетеревов, вылетающих издали, или разъезжали по лесам на добром коне, с которого подымается пар в мерзлом воздухе, и покрикивали бы на свору: ату! Потом наступил бы вечер. Сквозь черные ветки показалось бы совершенно розовое небо. Отяжелевшие ноги стали бы ныть. Пообедали бы, как обедают возвратившись с охоты, одновременно из-

дыхая от голода и изнемогая от усталости, а спину согревал бы добрый огонь. Потом спали бы, как животные, ни о чем не думая, чтобы на другой день приняться за то же самое... Не так ли, Гектор, моя хорошая собака, ты это хочешь сказать мне, махая хвостом? Вот это, по крайней мере, жизнь! Ты что об этом думаешь, Андре? Вот такую то жизнь ведет мой Немврод, отец. Он как раз на днях написал мне, что охотится как бешеный и, кажется, его письмо и нагнало на меня сплин.

Сеттер слушал и, казалось, понимал слова хозяйна. Свет убывал в темной мастерской, в которой чугуинная дверца фаянсовой печки раскалилась докрасна. Служанка внесла лампы. Наступило молчание. Антуан де Берсен заговорил снова:

— И какого чорта природа наградила меня талантом? Очень мне это было нужно, скажи пожалуйста? Теперь уж мне не вырваться. Ну, разве на самом деле, я был создан для жертв, которых требует служение искусству? Ах, я сам знаю, оно вознаграждается, конечно. Делаешься знаменитым. Получаешь кресты, почести. Зарабатываешь деньги. Ну, а потом? Когда всего этого достигнешь, будешь старым, потрепанным, отжившим. Время пройдет, и ничего не получишь из того, чего хотел. Не было любви к тем, кого нужно было любить; глупо упущено то, что было бы наслаждением, радостью, счастьем...

В голосе Антуана де Берсен слышался сдержанный гнев, непривычная горечь. Андре знал уже этот

парадокс художника, но сегодня Антуан говорил с такой искренностью, что Андре был тронут. Ему хотелось бы узнать о причине такого наплыва печали. Антуан де Берсен страдал. Андре схватил его за руку. Он робко прошептал:

— Что с вами, Антуан?

Обычно Андре Моваль был на «ты» с Берсеном. С первых их встреч Антуан установил привычку этого «ты», но в эту минуту оно казалось Андре неуместным. Ему думалось, что слово «вы» показывает больше уважения к горю друга и ставит разговор выше тона легкой дружбы, установившегося в их обычных отношениях. Антуан де Берсен почувствовал этот оттенок.

— Да, дорогой Андре, я знаю, что вы меня очень любите, и что у вас доброе сердце. Простите меня за эти смешные жалобы, но сегодня мне не по себе. Дело, видите ли, в том, что третьего дня у меня произошла встреча, которая очень тягостна для меня. Из за нее я был болен всю ночь. Но я не знаю, мой бедный Андре, зачем я вам все это рассказываю. Ну, да все равно — это меня облегчит...

В тот год, когда Антуан де Берсен отбывал воинскую повинность в Пуатье, он был очень радужно принят одним старинным другом своего отца. Этот друг был вдовец и имел дочь двадцати лет. Вскоре у молодых людей появилась друг к другу большая склонность. Отец не сделал ничего, чтобы помешать возникновению этой страсти, которая могла привести лишь к браку, вполне подходящему.

для обеих сторон. Разве Антуан де Берсен не был свободен, достаточно богат, чтобы жениться по своему желанию, и он чувствовал, что предложение его будет принято. Прелестная, веселая, остроумная девушка бесконечно нравилась ему. Ему оставалось лишь произнести одно слово; но у него были свои взгляды на женитьбу. Художник должен принадлежать только искусству. Брак — это помеха, обуза, цепь, гибель свободы, столь необходимой для развития таланта. Это — самоубийство. В этом он был непреклонен в силу одного из тех слепых, нелепых, предвзятых мнений юности, которых не опровергнет ни один довод. Это было догматом его художнической веры, и он считал бы себя обесчещенным в собственных глазах, если бы отказался от него. Раз он решился не жениться, ему следовало бы удалиться; но, если решение его и было твердым, то и любовь его была истинной. Он стал колебаться. В такой нерешительности он дождался последнего срока своей службы. Тогда ему пришлось объясниться. Произошло тягостное, мучительное объяснение, и он уехал с разбитым сердцем, но гордясь жертвой, принесенной принципу, казавшемуся ему тогда неоспоримым. Первое время разлуки было тяжелым, затем Антуан приехал в Париж. Тут от трудолюбивой жизни, которую он вел, от радостной возможности всецело отдаться изучению искусства, его сожаление улеглось понемногу, так что он почти без волнения услышал, полтора года спустя, о замужестве той девушки. Так как отец ее умер, не оста-

вив никаких средств, она вышла замуж за человека гораздо старше ее. С тех пор она жила в провинции, и он ничего не слышал о ней, но третьего дня, переходя через площадь Сен-Жермен-де-Прэ, он увидел ее, проезжавшую в экипаже. Она не заметила его, но он узнал ее, и, странное дело, эта встреча пробудила в нем чувства, которые он считал угасшими. Он думал о ней всю ночь. Он захворал от этого, но теперь все прошло, ему стало легче...

Антуан де Берсен внезапно встал с дивана. Он дружески похлопал Андре по плечу. Они помолчали с минуту, потом Антуан нагнулся и дернул за хвост сеттера, который залаял. Алиса закричала им через полуоткрытую дверь:

— Я вам не помешаю?

Антуан взглянул на Андре, как бы прося держать в тайне все, в чем он ему признался, и ответил:

— Нисколько. Я собирался показать Мовалю этюды, которые здесь у меня. Вот, Андре, в той папке на столе...

На больших синеватых листах выделялись смело набросанные карандашом обнаженные фигуры прекрасного и тонкого рисунка. Антуан де Берсен указал на одну из них пальцем.

— Ты не узнаешь Франсуазы, Франсуазы Буржую, подруги Алины?

Андре покраснел. Он вспомнил. Алиса нагнулась и произнесла с презрением:

— У нее отвратительные ноги.

Антуан де Берсен пожал плечами. Не переставая перебирать содержимое папки, Андре спрашивал себя, почему его друг взял к себе в дом эту маленькую особу, правда, красивую, но с большими претензиями и со спесью. Если у Берсена была такая сильная склонность к совместной жизни, почему он не женился на той девушке, которую он любил и продолжал любить, судя по волнению, испытанному им при встрече с нею. И Андре представил себе эту неизвестную, о которой он ничего не знал, даже имя которой ему было незнакомо. Ей, а не Алисе, следовало бы быть тут сейчас. Вдруг он вздрогнул. Часы пробили шесть. Он оставил папку и сказал:

— Я должен уйти.

И он с сожалением прибавил:

— Сегодня день дядюшки Гюбера.

Антуан, который обычно охотно смеялся над Андре Мовалем по поводу дядюшки, не возразил ничего. В это мгновение он чувствовал к Андре особенное дружеское расположение.

— Все таки, эти вечера с добрым дядюшкой, не должны быть занятыми... Но я тебя не задерживаю. Семья есть семья.

Мадемуазель Алиса Ланкери согласилась с этим, и когда Андре прощался с ней, она пожала ему руку с большей торжественностью, чем всегда, как и подобает по отношению к человеку, отправляющемуся обедать с дядей, отставным военным, награжденным медалью за итальянскую войну. В самом

деле, хотя мадемуазель Алиса Ланкери, по прискорбному безрассудству, рано покинула отчий дом, отдавшись веселой жизни, она была исполнена уважения к семье, вообще, и к своей собственной, особенно. Не проходило дня без того, чтобы она не восхваляла, перед своим любовником, достоинств Ланкери, ее отца, бывшего страховым агентом, и г-жи Ланкери, урожденной Могон, людей выдающихся, безукоризненной честности, которыми она гордилась. Впрочем, за неимением дяди Гюбера, у нее была тетка, мадемуазель Клемантина Могон, украшенная академическими пальмами, начальница привилегированного учебного заведения в Блуа, куда собирались девицы лучшего общества со всего округа, чтобы почерпнуть познания, необходимые современной женщине. Тем не менее, несмотря на такую почтенную родню, мадемуазель Алиса Ланкери убежала от отца и матери и последовала за неким молодым приказчиком, передавшим ее, после недолгой связи с ней, одному из своих друзей, архитектору, которого она бросила ради разных других обожателей. Эти разнообразные приключения и еще многие другие делали существование мадемуазель Ланкери довольно бурным до того дня, как она познакомилась с Антуаном де Берсен. В ту минуту своей жизни мадемуазель Ланкери находилась в некотором затруднении, будучи без пристанища и без средств. Тогда то ее и нашел Эли Древе и указал на нее Берсену. Художник заинтересовался ею, потом, пораженный ее умом и ее относительной культурностью, решился оставить

ее у себя, потешаясь любопытной смесью развращенности и неприступности, обнаруживаемых ею, смесью инстинктов девки с наклонностями буржуазки, распущенности с жеманством, делавшей из нее характер забавный для наблюдения, тем более, что тело ее было приятно на вид и совсем не противно наощупь.

V

Бесспорно, при рождении Андре, госпожа Моваль была счастлива тем, что имела сына. Она посмотрела с нежностью и любопытством на маленький комоч мяса, болтавший ножками на руках у сиделки, потом голова ее снова упала на подушку, и она закрыла глаза. Ослабевшая и усталая, она хранила в своей мысли образ маленького красноватого тельца. Оно напоминало ей, по неожиданной ассоциации идей, маленькие фигурки, нарисованные на вазе, часто виденной ею на выставке одного антиквара, на улице Сены. Поэтому, она не удивилась бы, если бы на спине новорожденного выросли крылышки, похожие на крылья этрусских гениев, украшавших черный фон выпуклой части античного кратера. И даже маленькое существо, которое она только что произвела на свет, казалось ей до того сказочным, что она не поразилась бы, видя его летающим под потолком. Но нет, в своем полусне, она слышала реальное существо, кричавшее в соседней комнате громко и пронзительно. Она не грезила. Она сделалась матерью мальчика, сына, человека. И, засыпая, она взволнованно думала, что возле нее возникает жизнь со всей ее будущей историей и ее судьбой. Да, этот ребенок вырастет, в нем

проявятся личность, наклонности, страсти. Он станет кем то. У него уже было имя. Он был самим собой. Эти размышления, вместо того, чтобы обрадовать ее, привели ее в ужас, и она проснулась, почти плача. Будущее показалось ей наполненным кознями, заботами, опасностью. Сколько ловушек предстоит избежать, сколько трудностей — преодолеть! Но, вместе со страхом, сжавшим ее сердце перед перспективой предстоящей борьбы, она испытала большую гордость. Для того, чтобы это слабое существо могло расти и развиваться, сколько стихий было призвано к делу! Весь мир станет помогать этой работе. Воздух, огонь, свет, животные, растения соединятся для того, чтобы доставлять ему силу. На все человечество будет наложена дань. Одна женщина уже находилась здесь, чтобы предоставить его потребностям соки своего тела. В мастерских, на заводах люди будут работать на него, и он вырастет под покровительством всеобщего старания. Он уже составлял часть целого мира. Когданибудь он полюбит формы, цвета, пейзажи, существа. Он будет любить и станет любимым, и госпожа Моваль почувствовала в своем сердце укол материнской ревности.

В продолжение недель своего выздоровления, госпожа Моваль, которую утомляли эти заботы о будущем, соединяла с ними воспоминания о своей прошлой жизни. Ей казалось, что целая часть этой жизни только что закончилась событием, открывшим в ней новый период, и она вновь видела в отдале-

нии, одновременно и грустном и милым, исчезнувшие лица и далекие вещи.

Госпожа Моваль родилась в Париже, но, как она сама говорила, улыбаясь, от этого она совсем не стала парижанкой. Правда, ее родители переехали в столицу лишь незадолго до рождения дочери: смерть старшего сына заставила их покинуть провинцию, где жить им стало невыносимо. В Париже господин и госпожа де Клавьер стали продолжать то же скромное и замкнутое существование, которое они вели в Лане, ничего не изменив в своих прочно сложившихся привычках. В их дочери от этого рода жизни сохранилось нечто провинциальное. Она никогда не могла привыкнуть к Парижу. Еще ребенком она боялась шумных улиц, многолюдных площадей, экипажей, прохожих. Ей нужен был покой одного из тех городков, в которых шум колес на улице или шаги по тротуару заставляют с любопытством отодвигаться тюлевые занавески на окнах. Когда отец водил ее гулять, ее мучила мысль, что они никогда не найдут дорогу домой. Когда мать ходила с ней в какой нибудь общественный сад, боязнь заблудиться портила все удовольствие. Она чувствовала себя хорошо только дома, среди старой знакомой мебели, в том покойном квартале на левом берегу, где господин и госпожа де Клавьер по приезде наняли квартиру на улице Фюрстенберг, за церковью Сен-Жерман-де-Прэ. Лишь там ей было хорошо. Ее родители были набожными, добрыми и печальными людьми; квартира их была обширна

и натиралась воском. Редко у их двери раздавался звонок. Господин и госпожа де Клавьер имели мало знакомых. Здоровье госпожи де Клавьер требовало неустанных забот; при этом у бедной женщины был определенный взгляд на свои болезни. Ей никогда и в голову не приходило посоветоваться с какимнибудь другим врачом, кроме доктора Лебон, жившего по соседству, в переулке Бюси и бывшего врачом их квартала. Точно также и господин де Клавьер часто говорил о какомнибудь человеке: «Он из нашего или не из нашего прихода». Такое церковное подразделение Парижа было единственным, которое он принимал во внимание. Так что одной из причин, побудивших господина и госпожу де Клавьер выдать дочь за господина Александра Моваль, было то обстоятельство, что господин Моваль был их прихода. Уже в то время господин Моваль жил на улице Бо-з-Ар. Хотя он и не был особенно усердным прихожанином, молодой человек был представлен Клавьерам Сен-Жермэнским священником. Аббат Рикар знал его с давних пор и мог поручиться за его в сущности набожные чувства. Кроме того, молодой Моваль был из хорошей семьи, обладал некоторым состоянием и занимал, в Мореходном Обществе, место не лишенное будущности и не требовавшее отлучек. И вот молодых людей представили друг другу. Мадемуазель де Клавьер понравилась господину Мовалю, который не был ей противен. Выждав из предосторожности некоторое время, господин Моваль сделал предложение, которое было принято,

и их повенчали. Г. и г-жа де Клавьер не долго жили после этого обряда. Шесть месяцев спустя, тихо скончалась госпожа де Клавьер, а через год умер в свою очередь господин де Клавьер. Госпожа Моваль была страшно огорчена этой двойной потерей. Она испытала ужасное чувство одиночества. Господин Моваль выиграл от нравственного одиночества в котором оказалась его жена. Она питала к своему мужу сильную привязанность и нежность, и, сверх того, она перенесла на него то почтение, с которым она относилась к отцу и матери. Разве он не стал ее единственной опорой, ее единственной поддержкой? И она признала за ним, во всех его поступках и помыслах, первенство, которое, впрочем, господин Моваль считал вполне естественным и должным, как в виду своего положения главы семьи, так и в виду своих личных достоинств.

Поэтому то она осталась с тех пор без воли и без инициативы рядом с этим красивым молодым человеком, холодным и размеренным, правильное лицо которого обрамляли бакенбарды, делавшие его очень похожим на моряка или судью. Несмотря на то, что она превосходила его во многих отношениях умом и чуткостью, она постоянно стусевывалась перед ним. Она принимала его мысли и мнения, не оспаривая их. Рождение сына не изменило ничего в образе ее жизни. Она думала, что не столько родила ребенка, сколько дала сына господину Мовалю.

Господин Моваль ценил такое чувство, и оно льстило ему. Так как авторитет его был раз навсегда

признан, то он предоставил своей жене заботу воспитывать Андре по ее желанию, вмешиваясь лишь при некоторых важных обстоятельствах. Хотя господин Моваль редко ходил в церковь, несмотря на когда то выданные добрым аббатом Рикаром удостоверения в его набожности, он не препятствовал тому, чтобы мадам Моваль водила Андре на церковные службы всякий раз, когда считала это нужным. В результате, Андре, душевно и телесно, был воспитан так, как понимала воспитание его мать: заботливо, одетый по ее вкусу. Госпожа Моваль была благодарна мужу за то, что он положился на нее в этом деле физического и умственного ухода, и не могла ничего возразить господину Мовалю, когда он решил определить приходящим в лицей Андре, которому должно было исполниться тринадцать лет. Госпожа Моваль предпочла бы заведение, во главе которого стоят священники, но господин Моваль указал на терпимость, выказанную им до сих пор, как тем, что он допускал Андре брать частные уроки дома, как этого пожелала госпожа Моваль, так и тем, что дозволил сыну ходить на уроки закона божьего, даваемые аббатом Рикаром, и на службы в приходской церкви. Наступило время более мужественного и более современного воспитания. Поэтому Андре поступил приходящим в лицей Людовика Великого.

Во всей этой истории с лицеем слабая попытка сопротивления, оказанного госпожой Моваль, была внушена ей дядей Гюбером. Дядя подчеркивал свою

религиозность. В его глазах это составляло часть того, что он называл военными доблестями. К тому же, госпожа Моваль и ее деверь отлично понимали друг друга. Она даже прощала ему, благодаря этой своей дружбе к нему, то, что он научил Андре курить и позволял себе иногда косвенные шутки по адресу господина Моваля и его занятий «моряка, который никогда не плавал». Госпожа Моваль, наоборот, была преисполнена благоговения к занятиям своего мужа. Они даже увеличивали его престиж в ее глазах. Мореходное Общество казалось госпоже Моваль чем-то важным. Все эти суда, бороздившие моря, погружали ее в мечтательность, и господин Моваль возвышался при этом в ее мыслях. Он знал морские пути, далекие гавани, страны с экзотическими названиями. В глазах своей жены он принимал участие в гроыхании парового винта, в стоне сирен, в морских качках, в величии ураганов, во всей сума, тохе отправлений, прибытий, приключений; и когда он приходил из своей конторы, потрудившись над всеми этими гигантскими и далекими вещами, ей казалось, что он возвращался с края света и приносил в своей одежде запах ветра и морских брызг.

Впоследствии к этому впечатлению, столь благоприятному для господина Моваля, прибавилась в уме его жены грустная мысль о том, что эти суда когда нибудь отнимут у нее сына и умчат его к одному из постов консульской карьеры, о которой мечтал для Андре господин Моваль. Правда, госпожа Моваль совсем не любила раздумывать о том, что

ее сын станет консулом. но эту перспективу она все же предпочитала мысли, что он мог бы сделаться солдатом!

Это намерение посвятить Андре консульству возникло давно, из потребности противоречить дяде Гюберу, желавшему, чтобы его племянник украсил когда нибудь свою голову «казуаром» Сен-Сирского училища. Чтобы внушить ему подобную склонность, дядюшка Гюбер награждал мальчика, в Новый Год, саблями, ружьями, лядунками, в то время, как господин Моваль, чтобы бороться с влиянием этих игрушек, презрительно называемых им «казарменными игрушками», дарил ребенку пароходики, описания путешествий и целые томы «Вокруг Света». Но то, что для господина Моваля сначала было лишь предлогом для досаждения дядюшке Гюберу, понемногу сделалось вполне определенным намерением. Что до госпожи Моваль, то она скоро успокоилась относительно военной будущности своего сына. Слабое зрение Андре заставило ее, когда ему было лет пятнадцать, свести его к главному врачу, от которого госпожа Моваль вынесла утешительную уверенность в том, что Андре никогда не придется особенно близко узнать суровую лагерную жизнь. Если даже рассказам добряка дяди, которыми Андре начал слишком явно не интересоваться, не удалось бы отвлечь его от военной службы, его близорукость была ему в этом помехой. Итак, желания бедного дяди Гюбера были напрасны. С другой стороны, что касалось решений господина Моваля, госпожа

Моваль предоставила себе право, когда придет пора, вмешаться, если понадобится. Поэтому, имея в виду это вмешательство, она сохраняла свои силы. Ей казалось, что, отрекаясь от всякого проявления своей воли перед мужем, она собирает в себе тайную силу, воспользоваться которой она дала себе обещание. При том же приемный конкурс в министерстве был труден, и Андре изучал пока лишь право.

Впрочем, это изучение немного беспокоило госпожу Моваль. Оно указывало ей на то, что Андре перестал быть школьником. Подобное же чувство было у господина Моваля, объявлявшего себя сторонником взгляда, предоставляющего некоторую свободу молодым людям. К счастью, Андре был благоразумен. Он любил занятия и чтение. Хотя эти тихие наклонности и успокаивали госпожу Моваль, но они же и тревожили ее. Если знакомства и расхаживанья были опасны, то и просиживать целый день в комнате, согнувшись над книгой, было тоже небезопасно; поэтому она сама посылала Андре прогуливаться и посещать друзей. Движение и развлечения необходимы молодости. Что же до развлечения известного порядка, которые могли бы соблазнить юношу возраста Андре, то она предпочитала об этом не думать. Ей не хотелось допускать, что ее столь благовоспитанный сын мог бы находить удовольствие в обществе погибших созданий. Правда юность — легкомысленна, а огонь первых страстей, в двадцать лет, сверкает ярким пламенем; но, если

Андре полюбит — и бедная госпожа Моваль чувствовала, что краснеет при этой мысли — то только нежную и очаровательную особу, к которой госпожа Моваль не могла не испытывать невольного снисхождения и тайной симпатии.

Несмотря на серьезность и благоразумие Андре, госпожа Моваль была вынуждена сознаться себе, что такое разумное настроение не поможет ему избежать некоторых ошибок. Она хранила воспоминание о поцелуе, данном когда то Розине! То было просто детской выходкой, указывавшей тем не менее, что у ее сына пылкий темперамент. Хотя он пока и не давал печальных доказательств этого, тем не менее нужно было следить за его поведением, а что же лучше, чем ранняя женитьба, предохранит молодого человека от глупостей, которым он даст увлечь себя роковым образом!

Имея это в виду, госпожа Моваль охотно думала о тех своих знакомых, дочери которых, по возрасту, подходили бы к Андре. Была младшая Жадон, но она была совсем некрасива, и семейство Жадон не могло быть особенно завидным родством. Господин Моваль никогда не согласится на этот брак. Среди других ее знакомых — впрочем, немногочисленных, так как госпожа Моваль была не особенно общительна, — она также не видела ни одной подходящей партии. Иногда она поверяла свои заботы мадемуазель Леруа которую она очень любила, но мадемуазель Леруа указывала на то, что женить слишком рано молодых людей — опасно. На жалобы госпожи

Моваль она отвечала, что время еще не потеряно, и что нужно дать Андре насладиться немного молодостью. К тому же она ссылалась на то, что Андре, охотно говоривший с ней, не выражал никого желания жениться. Поэтому, госпожа Моваль возлагала все свои надежды на свою золовку, госпожу де Сарни, богатую вдову, знавшую всех невест в Нормандии. Госпожа де Сарни могла бы найти там для своего племянника какуюнибудь красавицу-наследницу. Госпожа Моваль представляла уже себе брачную церемонию в Варанжевилле: старый дом, наполненный цветами и светом, свадебный поезд, извивающийся, по старой моде, по дорогам, окаймленным заборами, пары танцующих на лужайке, под цветущими яблонями, там, где морской ветер будет развевать белую фату той, которую она назовет своей дочерью. Но на подобные намеки госпожа де Сарни качала головой. Как и мадемуазель Леруа, она отвечала уклончиво. «Что вы, дорогая, раньше чем женить Андре, нужно дать ему перебеситься», — говорила она, когда госпожа Моваль просила ее принять участие в ее брачных проектах. Подобные разговоры печалили госпожу Моваль. Значит, ее золовка, так же как и мадемуазель Леруа, признавала, что есть некоторые глупости, которых не избежать молодому человеку? И та и другая смотрели на некоторое распутство, как на нечто неизбежное для молодежи? Следовательно, нужно было покориться этой необходимости, но если подобные события произойдут, они будут заслуживать,

по крайней мере, известной снисходительности, так как, по всеобщему мнению, от подобных приключений не может уберечься ни один самый благо-разумный и самый порядочный молодой человек.

Тем не менее, госпожа Моваль рассчитывала на случай для выполнения своих материнских чаяний. Она тем более хотела их выполнения, что женитьба положила бы конец всем планам господина Моваля на будущее. Женившись, Андре должен будет избрать более постоянную карьеру, чем консульство. Разве можно увозить молодую жену на край света? Конечно, госпожа Моваль очень любила своего мужа, но согласилась ли бы она отдать ему свою руку, если бы ей пришлось отправиться с ним на одном из тех судов, рейсами которых он заведовал, и расписания которых он составлял, и подвергаться случайностям моря? По всей вероятности, нет, так как она не чувствовала в себе отважного темперамента. Жить всегда вне дома, беспрестанно видеть новые для нее страны и лица, показалось бы ей отвратительным и она никогда не решилась бы на это. Она любила заботы по хозяйству, домашние занятия, одиночество и мечты в доме, малейшие предметы и малейшие звуки которого были ей близки. Она любила продолжительное шитье, вышивки, требующие терпения, книгу, над которой можно мечтать, пианино, музыку. Она любила молчание и порядок однообразных дней, когда все предвидено и распределено заранее, и когда остается только отдаваться течению времени.

Эта склонность к домашнему покою была так сильна, что господину Моваль пришлось настаивать на том, чтобы она избрала себе приемный день. Господин Моваль считал, что его положению приличествует, чтобы жену его могли заставить дома раз в неделю. Он был принужден поддерживать сношения со своими сослуживцами по Мореходному Обществу и их семействами, особенно с тех пор, как он сделался важным лицом компании. Нужно было, чтобы жены его начальников и его подчиненных могли видеть, что он ведет существование, соответствующее его чину. Поэтому госпоже Моваль пришлось покориться желанию мужа, и она принимала по вторникам.

Этот день бывал днем жертвы, и она с мукой ожидала его приближения. Позавтракав и одевшись, она тщательно прятала ноты, покрывавшие пианино. Она прибирала начатую работу, книгу, положенную на столик. Она снимала даже некоторые из безделушек, которыми она любила окружать себя, и которые не подходили к чопорной строгости их обстановки. Эти безделушки, купленные у антикваров их квартала, казались господину Мовалю неудобными излишествами, присутствие которых он выносил, не переставая внутренне порицать их. К чему были нужны, в самом деле, эти коробочки из плетеной соломы, этот старинный фарфор, эти кусочки старых тканей, все эти мелкие, разнообразные предметы? И госпожа Моваль по впечатлению, которое они производили на ее мужа, понимала, что лучше

не выставлять их перед серьезными особами, делавшими ей честь своим посещением.

Итак, по вторникам она ожидала их. Раздававшийся звонок заставлял ее вздрагивать. Она всегда боялась увидеть чье нибудь новое лицо, что случилось лишь очень редко. Обыкновенно являлись одни и те же особы: госпожа Жадон с тремя дочерьми, несколько пожилых дам, знакомых семьи господина Моваль и называвших его Александром, и несколько жен его сослуживцев. В числе последних находилась госпожа де Мирамбо, муж которой состоял начальником отделения господина Мовалья. Госпожа де Мирамбо приводила с собой свою горбатую племянницу. «Мирамбоши», как называл их господин Моваль, когда бывал в шутливом настроении, были покрыты цветками лилии в виде брошей и брелоков, над чем тихонько посмеивалась госпожа Жамбер, жена другого сослуживца господина Мовалья. Госпожа Жамбер, старая, сухая и прямая дама, скромно одетая во все черное, была свободомыслящей и республиканкой и состояла в отдаленном родстве с покойным Жамбер-Лионом, либеральным адвокатом во время второй Империи и министром культов во время третьей Республики. Она не упускала случая намекнуть на это родство, точно так же как и госпожа де Мирамбо не скрывала, что некий Мирамбо состоял поверенным принцев в Вандее и был расстрелян при Кибероне. Госпожа Моваль страшно опасалась встречи этих двух дам, взаимная антипатия которых, по какому то таинственному стечению обстоятельств,

заставляла их обыкновенно сталкиваться друг с другом. Часто приходила мадемуазель Леруа, и ее присутствие вносило некоторое веселье в приемный день госпожи Моваль, который она оживляла легкомысленными и вольными разговорами стареющей девицы.

Бывало также, что не приходил никто. Тогда, сидя перед своим чаем и пирожными, госпожа Моваль принималась мечтать, и мечта ее всегда была одинакова: звонят, и входит красивая молодая дама, у нее огненные волосы, красный рот и нарумяненные щеки. Она говорит ясным, нерешительным голосом: «Вероятно, она ошиблась... Она, значит, попала не к господину Мовалю.. Да.. к господину Андре Моваль. Она просит прощения... Она думала...» И госпожа Моваль, в своем сне наяву, с любопытством разглядывала эту слишком надушенную и слишком изящную особу, бывшую несомненно любовницей ее сына.

Часто, пока она мечтала таким образом, дверь неожиданно открывалась, и перед госпожей Моваль появлялся высокий юноша, целовавший ее в обе щеки. Это был Андре, который, зная, что она одна, забежал к ней выпить чашку чая и полакомиться пирожными. В те дни мать особенно нравилась ему, так как она надевала красивое платье. В сорок четыре года госпожа Моваль была еще приятна лицом и обладала молодой фигурой, и Андре любил видеть ее хорошо одетой. Он говорил ей по этому поводу комплименты и пользовался случаем, чтобы

получить от нее все, чего он хотел. Обычно, в подобные минуты он выпрашивал у нее какую нибудь денежную прибавку. Живя на всем готовом, он получал ежемесячно на свои мелкие удовольствия некоторую сумму, которой, увы, ему никогда не хватало. Госпожа Моваль добавляла к ней тайком, не переставая упрекать себя в безволии. На что мог Андре тратить свои деньги? Правда, он охотно покупал книги и давал их затем переплетать в кожу и в очень изысканную бумагу. Но эти покупки не объясняли всецело расходов юноши, и госпожа Моваль возвращалась к мысли, что у него есть любовница.

Однажды она осторожно расспросила Антуана де Берсена по этому поводу. Улыбнувшись, художник ограничился ответом, что Андре казался ему очень благоразумным. С другой стороны, госпожа Жадон конфиденциально сообщила своей подруге, что Андре встречали в Люксембургском саду в обществе особы легкомысленного вида. Но, увидев недовольное лицо госпожи Моваль, госпожа Жадон более не принималась за свои намеки. К тому же, разве кто нибудь поручал ей наблюдать за поведением молодого Моваля? У всякого свои дела, и хотя выдать замуж трех дочерей — немалая забота, она предпочитала ее неприятностям, которые не замедлит доставить госпоже Моваль ее столь избалованный сын. Его бедные родители предавались несомнительному спокойствию. Пробуждение будет жестоким. И госпожа Жадон особенно жалела господина Моваля, впрочем, сама не зная, почему.

Господин Моваль, вернувшись из своей конторы, около шести часов, никогда не пропускал случая появиться на мгновение на вторниках своей жены. Он справлялся, много ли приходило народу, и кто был. Он дорожил тем что его дом посещали, и, входя в гостиную, он с удовольствием смотрел на чайный стол и пирожное. Ему казалось, что все это подходило к его положению и к образу его жизни. Если в гостиной он встречал Андре, то пользовался этим, чтобы поговорить с ним о манерах и поведении, приличных благовоспитанному юноше. Ему хотелось также, чтобы сын его больше любил общество. Это было бы куда лучше, чем компания какогонибудь Антуана де Берсена или Эли Древе. Особенно последний совсем не нравился господину Мовалю. Поэтому, застав в один из вторников Андре возле матери и спросив его, чем он занимался весь день, господин Моваль пожал плечами с легкой досадой, когда сын ответил ему, что он прохаживался с Древе по Лувру.

— Что за странная выдумка — оставаться взаперти в такой прекрасный день! — произнес господин Моваль.

И он принялся расхваливать ясную, холодную, залитую солнцем красоту этого январского дня. Ах, если бы не его контора!

— Но, папа, дело в том, что у Эли сильный насморк, и он скверно кашляет! Для него было бы лучше оставаться в музее, чем быть на улице.

Госпожа Моваль восхищалась трогательной добротой своего сына. Смягчившись, она вмешалась в разговор:

— Нехорошо так кашлять в его лета; бедный мальчик, ему следовало бы полечиться!

Андре согласился. Древе чувствовал себя совсем нехорошо. Доктор, к которому он обратился, высказал опасения, что у него затронуты легкие.

— Ты должен бы поговорить об этом с его отцом, папа. Отец Древе совсем им не занимается.

Отец Древе, счетовод при Компании, был толстым, краснолицым человеком, всегда в испарине, которому предстояло умереть когданибудь от апоплексического удара. Господин Моваль сначала служил в том же отделении, как и господин Древе, но быстрое повышение очень скоро переместило его, тогда как отец Древе, простой служащий, останется им навсегда. Счетовод, гордясь дружбой своего сына с сыном господина Моваля, пользовался по этому случаю мелкими услугами господина Моваля, который, гораздо менее его польщенный этой близостью, терпел ее, так как принципиально признавал, что высший служащий не должен выказывать высокомерия перед низшим. При том, самый факт службы в Компании придавал отцу Древе некоторую значительность в глазах господина Моваля. В ответ на слова Андре, господин Моваль принял свой обычный важный вид.

— Я поговорю об этом с отцом Древе. Этому молодому человеку следовало бы провести зиму на

юге, в Алжире. Через Компанию мы достали бы ему бесплатный проезд.

Андре покачал головой.

— Да, Алжир, это было бы прекрасно, но у Эли нет ни одного су.

Господин Моваль поморщил брови.

— Но какого чорта он ничем не занимается, твой товарищ? Его отец тоже на это жалуется.

Андре возразил:

— Но, папа, он — поэт, он пишет восхитительные стихи.

— В конце концов, у него, может быть, есть талант. Что до его здоровья, то ты не слишком безпокойся. У меня когда то был друг, его звали Огюстом де Нансель. Все врачи приговорили его к смерти. По их словам, ему не предстояло прожить даже шести месяцев. И что же, теперь ему столько же, сколько и мне, сорок девять лет, и он все жив, и, должно быть, не чувствует себя так уже плохо, так как года три или четыре тому назад он женился. К тому же, он большой чудак этот Нансель. Его жена в два раза моложе его. Она должна быть прелестна, по его словам. Ты можешь об этом судить сама, так как он обещал привести ее к тебе в один из вторников, Луиза.

Госпожа Моваль встрепнулась.

— Да, милая. Сегодня в бюро мне подали карточку моего Нанселя, которого я не видал более пятнадцати лет! Входит он, и я снова вижу его приблизительно таким же, скорее помолодевшим,

и со мной он обходится так, как будто бы мы расстались вчера. Ах, это чудный человек; я думаю, между нами, что он не совсем в своем уме. Он пришел просить меня об одной услуге. Мы поговорили. После женитьбы он живет в замке Буамартен, около Вандома, но так как его жене скучно жить круглый год в деревне, они купили маленький отель на улице Мурильо, устройством которого они сейчас заняты. Они думают принимать. Это будет прелестным домом для тебя, Андре, так как тебе необходимо бывать в свете. Ей-богу, в твои годы я бегал по балам и, как раз, с Огюстом де Нанселлем мы танцевали как бешеные.

Андре поморщился. В прошлом году он присутствовал на двух вечерах, на одном, даваемом Жадонами для развлечения дочек, на другом, устроенном госпожой де Мирамбо для того, чтобы показать свою племянницу-горбунью. У Жадонов квартира, из которой вынесли мебель, с золочеными стульями от Беллуара, показалась ему зловещей. Вальсировали даже в комнате господина и госпожи Жадон перед широкой супружеской кроватью, покрытой вязаным одеялом. Кружащиеся пары заполняли собой гостиную и столовую. За роялем, тапер с головой Наполеона III походил на изображение на монете в сто су, которую ему предстояло получить в награду за свои аккорды. В буфете, устроенном в умывальной комнате, танцующие утоляли жажду различными сиропами. Бутылки сидра заменяли шампанское. Над буфетом, на полках стояли в ряд шляп-

ные картонки. Барышни Жадон головокружительно переходили из объятий в объятия, а госпожа Жадон тоскливо спрашивала себя, в которые же из них будут окончательно заключены ее детища. Господин Жадон, страдавший расстройством желудка, совершенно не отходил от двери некоего прохода, в котором он время от времени скромно исчезал.

У Мирамбо Андре проскучал еще больше, чем у Жадонов. Гостиная у них была большая, и ее украшали семейные портреты и картина, изображавшая казнь Мирамбо, расстрелянного при Кибероне. Матери почтительно прислоняли свои стулья к этой исторической стене. Разносили освежающие напитки на больших подносах, украшенных гербами. Какая то старая барышня сидела за роялем и, не снимая митенок, наигрывала монотонные польки и сонливые кадрили. В буфете, восковые фрукты примешивались к настоящим, которые подобное соседство заставляло казаться жалкими и бесцветными. Молодые люди походили, одни на семинаристов, другие на конюхов. Один из танцоров растянулся под люстрой. Молодые девушки были скучны и плохо одеты. Горбатая племянница, со своим красивым лицом и безобразным станом, была похожа на мученицу. Ее тетка преследовала ее и не позволяла ей ни на одно мгновение отдыхать на этом балу, данном в честь ее, и Андре с жалостью смотрел на бедняжку, с трудом носившую на своих плечах тяжелую ношу своего уродства; госпоже де Мирамбо хотелось бы, чтобы оттуда высо-

чил муж для племянницы, подобно чертенку из коробки.

Господин Моваль прервал молчаливые размышления Андре.

— Не похоже, чтобы это тебе улыбалось, мой мальчик!

И, так как Андре улыбнулся, он прибавил:

— Ага, танцы тебе ничего не говорят!.. Мы не любим утомлять себя! Ба! ты не станешь презрительно отвертываться, когда перед тобой закружатся индийские баядеры, японские гейши и восточные танцовщицы. Твой сын—дилетант, Луиза! Ну, ты можешь сказать, чтобы гасили свечи. Сегодня уж больше никто не придет.

И господин Моваль, не дожидаясь прихода лакея, задул сам жирандолу на камине.

В продолжение всего обеда Андре был озабочен. Его отец появился в гостиной как раз в тот момент, когда он собирался просить мать о выдаче вперед своего жалованья. Сегодня днем он отдал Древе все содержимое своего кошелька. Отец Древе давал своему сыну квартиру и кое как кормил и одевал его, но этим ограничивалось его великодушие. Поэтому Андре дал Эли немного денег, чтобы тот мог себе купить фланелевый нагрудник и сиропу от кашля... И он снова слышал его, этот кашель, глухо и глубоко отдававшийся, в то время, как Древе в Музее читал ему сногсшибательное стихотворение, которое он только что написал и которое он собирался послать Марку-Антуану де Кердрану, в знак своего

восхищения. И позднее, когда он лежал тепло закутанным в кровати, и пока в камине угасал огонь, Андре снова видел Древе, декламирующего свои стихи, в то время как припадок кашля сотрясал его худые плечи и впалую грудь... Ах, ему был нужен юг, солнце... и когда Андре засыпал, ему казалось, что он слышит шум большого парового винта, уносящего его друга в страны здоровья и света.

VI

Алиса, опершись коленом о бархатный диванчик, смотрела в зеркало. Поправляя кончиком пальцев локонов прически и находя себя красивой в отражавшем ее зеркале, она презрительно надула губы: чьи то имена и надписи бороздили стекло, покрывая его сплошными царапинами. Затем, проведя по губкам маленькой палочкой румян, как бы для того, чтобы стереть складку отвращения, сморщившую их, она обернулась к Антуану де Берсену:

— Ну, не глупо ли это, писать всякие пустяки на зеркалах!

Молодой человек опустил карту кушаний, которую рассматривал.

— Что поделать, душа моя, мы не в приемной благородного пансиона, управляемого твоей знаменитой тетушкой, госпожей Могон, лауреатом Академии. Мне очень жаль, что это так, но приходится мириться с этим. Ну-с, что ты будешь есть?

Она хотела было дать отпор, но слово «есть» оказалось магическим. К лакомствам в ней было еще больше склонности, чем к обидчивости. Ее дурное расположение духа улетучилось, и лицо ее приняло выражение, которое Антуан де Берсен очень хорошо знал. Оно бывало у нее за столом и в кро-

вати. Наслаждение и хорошая пища составляли ее главную заботу вместе с желанием быть принятой за приличную особу! Подобная претензия, раздражавшая порой Антуана де Берсена, в тот вечер казалась ему просто немного смешной. К тому же, ему было весело. Он много работал за последнее время и окончил картину, в которой Алиса позировала ему для главной фигуры, и которую он не остался недоволен. Поэтому, чтобы отпраздновать это довольство собой, и чтобы почтить выздоровление Эли Древе, оправившегося от довольно сильного бронхита, он устроил этот обед в ресторане; был приглашен и Андре Моваль. С тех пор, как Берсен доверил Андре свои старые сердечные горести, он питал к нему еще большую дружбу, как бы для оправдания себя в собственных глазах в том, что избрал в наперсники молодого человека...

Между тем Алиса подошла и оперлась на плечо Антуана, который отдавал приказания вошедшему на звонок метр д'отелю. Когда кушанья были выбраны, Антуан с удовольствием откинулся на спинку стула. Он любил этот старый ресторан Лаперуз, его кабинеты с низкими потолками, его пузатый фасад, чугунные балконы которого имеют изгибы старинных комодов. Конечно, Алиса предпочла бы более эlegantное место, но у него были основания остановиться на этом ресторане. Если Андре Мовалья и можно было приглашать куда угодно, то с Древе дело обстояло иначе. У чудака, с его лицом Гренгуара только что вынутаго из петли, был такой

жалкий и потрепанный вид! Вдруг его размышления были прерваны.

Выведенная из терпения, Алиса барабанила ногами по тарелке:

— Послушай, у тебя удивительные друзья! Нечего говорить, они не спешат:

И она прибавила с иронией:

— Я понимаю еще, что ты пригласил Моваль — он приличный молодой человек, но Древе! Ах, вот он — Моваль! Ну-с, вы очень рано приходите!

Андре Моваль стал извиняться:

— Я прошу у тебя прощения, Антуан, я не виноват.

Алиса посмотрела на него с оскорбленным видом. Андре извинялся перед Антуаном! Значит, ее принимали за ничто, с нею не считались! Она вдруг возненавидела Андре той ненавистью женщин, которая возникает из их оскорбленного тщеславия.

Андре объяснял:

— Папа в очень скверном настроении. В компании до сих пор не получено известий об Токио. В Порт-овом Эхо появилась очень едкая статья. Пришлось отвечать. Папе необходимо было сложить с себя ответственность.

Ненависть Алисы слабела. Андре Моваль, в конце концов, был сыном важного человека, причастного к общественным делам. Благодаря этому, Андре приобретал в глазах молодой женщины некоторую значительность. Она подумала о том, что он когда

нибудь выступит на дипломатическом поприще. Ее раздражение перешло на Древе.

— Знаешь, твой Древе смеется над нами, если он только не застрял внизу потому, что его не хотят впустить.

Как только она кончила говорить, появился кельнер. Какой то господин спрашивал господина де Берсена.

Алиса разразилась скверным смехом.

— Вот видишь!

Она все еще смеялась, когда показался Древе.

— Тысяча извинений, господа, но мне пришлось обнять кассиршу и подарить ей локон моих волос. Ах, женщины! Здравствуйте, мадам Алиса, здравствуйте, старые друзья. Уф!

Он пыхтел и дышал с трудом. Его пальто было ему слишком велико, оно болталось вокруг его худого тела и ударялось о его длинные ноги; шея его была обмотана старым кашне, а в руке он держал фетровую шляпу не первой свежести. У него было худощавое лицо, впалые щеки, вздернутый нос, маленькие рыжеватые усы, почти красные волосы, хриплый голос и странные глаза, зеленые с золотыми искорками, полные нежности, ума и насмешливой иронии.

— Простите меня, прекрасная дама, что я не облекся в одежду академика со всеми побрякушками, но ведь мы все здесь свои, не так ли?

Алиса с презрением мерила его взглядом, пока он вешал свою ветошь на вешалку. Антуан дружески толкнул его:

— Замолчи, не изображай шута и ешь.

Гарсон подавал суп. Древе развернул свою салфетку. Он затрясся от кашля. Антуан де Берсен и Андре Моваль обменялись беглыми взглядами.

Они редко видели его более взволнованным, более безумным. Он мало ел, но много разговаривал и пил. В нем, в этот вечер, поистине, сидел какой то чорт. Сама Алиса, в конце концов, стала смеяться порою весьма комичным выходкам запоздавшего гостя. Берсен оживлялся от близости с ним. Кухня была хороша. Вино развязало языки. Алиса выпила, один за другим, несколько бокалов шампанского. Она не была лишена остроумия, но у нее было резкое, злое остроумие, яд которого скрывался под ребяческими выходками. Немного пьяная, она представляла маленькую девочку. Андре должен был нарезать ей мясо, давать ей пить, как малютке. Возбужденная пищей, светом, кабацкой обстановкой, она понемногу разошлась. Ее сущность гулящей девицы всплыла наружу. Ее лицо, движения, стали вульгарными. Развеселившийся Антуан следил за ней исподтишка, смеясь шуткам Древе. Теперь Древе, видимо, нравился Алисе. Она понимала, что, в крайнем случае, можно удовольствоваться таким мальчишкой. Он был некрасив, но забавен. Когда Древе хвастался, что он неотразим, он, быть может, не совсем лгал! Его она предпочла бы даже Андре Мовалю. И, в исполнение своих непристойных мыслей, она потихоньку пожимала под столом ногу своего любовника, заде-

вая одновременно Древе и нагибаясь к Андре, чтобы сказать ему что то на ухо.

Андре Моваль был рассеян. Он представлял себя в ночном кабаре, похожем на этот, наедине с женщиной. Выйдя из закрытой кареты, которая привезла бы их сюда, он поднялся бы по лестнице вслед за ней, в струе ее духов и задеваемый ее платьем. Сняв мантию, она появилась бы в бальном платье с бриллиантами на шее и большим цветком на лифе. Сквозь стены проникала бы цыганская музыка, стоны длинных смычков, проводимых по нервно натянутым струнам. Затем, когда дверь закрыли бы на задвижку, она выказала бы слабое сопротивление. Тогда он взял бы ее за руки и, прижавши свои уста к ее устам, на широком и мягком диване, он овладел бы не только предметом своей прихоти, но и женщиной своих мечтаний. Испытываемое им в данную минуту блаженство повторялось бы до бесконечности, подобно их сплетенному изображению, которое отражалось бы из зеркала в зеркало до глубины пространства и времени... И потом он мог бы уехать. Что значили бы тогда далекие страны, чужие края, морские пространства, раз он увозил бы туда с собой все богатства воспоминания!

Андре Моваль вздохнул. Вино возбудило его воображение. Нервный смех Алисы прервал его грезу. Он посмотрел на нее. У нее были красные щеки. Нос у нее припух. Антуан де Берсен закуривал сигару. Гарсон подавал кофе и приносил ликеры. Древе, облокотившись на стол и положив голову на

руки, пристально смотрел перед собой, с выражением такого блаженства на худом лице, что Антуан де Берсен заметил это:

— Скажи пожалуйста, что с тобой сегодня, Эли? Ты только что был, как бешеный, теперь, ты словно одурел. Отвечай же.

Древе тряхнул головой и принял серьезное выражение.

— Ты влюблен.

Голос Алисы прошептал:

— Да нет же, он охмелел... Если вам нехорошо, вы выходите... знаете...

Она недоверчиво отодвинулась. Она снова начала ненавидеть Древе. Она сердилась на него за то, что смеялась его шуткам. Что подумал гарсон!. К счастью, должно быть, знали, что Антуана звали господином де Берсеном. Частичка «де» при фамилии ее любовника успокаивала Алису на счет мнения, которое могли бы составить о ней. Она задумалась: Алиса де Берсен, какое красивое имя! Между тем Древе протестовал:

— Да нет, я не охмелел!

Алиса пожала плечами:

— Значит, совсем пьян!

Древе сделал отрицательный знак, потом он прибавил с напыщенным жестом:

— Нет, я — опьянен, опьянен счастьем и гордостью!

Он умолк. Вдруг он покраснел до ушей и очень быстро проговорил:

— Ну, вот что. Я послал одно стихотворение Марку-Антуану де Кердрану, и он не только ответил мне, но даже пригласил меня к себе.

Он выпрямил свои узкие плечи и просунул палец за пристежной воротничек, обтягивавший его худую шею с выдающимся кадыком, как будто бы волнение душило его. Алиса рассматривала его подерживая рукой подбородок и положив локоть на скатерть:

— Вот врет то!

Древе медленно вынул из кармана лист бумаги, осторожно развернул его и положил его на стол:

Вот письмо, которое он мне написал.

Антуан де Берсен и Андре Моваль нагнулись над автографом. Алиса уронила насмешливое «батьюшки!», за что Антуан наградил ее строгим взглядом. Она с презрением закурила папиросу. Андре и Антуан слушали Древе.

Сегодня я был у него. Я узнал у его привратницы, что он бывает дома около двух часов. В полдень я был в Люксембургском саду. Я видел, как он прошел через сад, направляясь на улицу Флерюс — завтракать. Он остановился на мгновение, чтобы посмотреть на лебедя в бассейне... И я сказал себе «Дорогой мой, ты скоро позвонишься у его двери; тебе откроют; он заговорит с тобой...» Я никогда не проводил двух более прекрасных часов. Сад был почти пуст. Воздух был холоден, как лед, и мне казалось, что я вдыхаю силу, радость, надежду.

Антуан де Берсен пробормотал:

— Великолепный режим для выздоравливающего. Продолжай.

Древе сделал равнодушное движение.

— Без четверти два я пустился в дорогу. Я перевязал свой галстук, смотрясь в воду бассейна. Я не узнавал себя. Я никогда не видел себя таким. Я не мог подниматься по лестнице. Я присел на одну ступеньку. Я уже не знаю, как я смог позвонить. Мне открыли. Это был он.

Голос Древе пресекся в таком смешном фальцете, что Алиса расхохоталась. Антуан де Берсен ударил кулаком по столу.

— Оставь его в покое, ты видишь, что он взволнован!

Тон обращения был до того груб, что Алиса откинулась назад, как будто бы он бросил в нее камнем. Древе воодушевлялся.

— Это был он. Он впустил меня и сказал, что рад меня видеть, да, он, Марк-Антуан де Кердран. Мне показалось, что с того мгновения для меня начинается новое существование. Он знал мое имя. Я был кем то в его глазах. Сначала мне захотелось провалиться сквозь паркет, потом мне стало казаться, что я всегда был там, и что я никогда не уйду, что ему были известны все мои мысли и что всегда было и будет так. Потом он взял мое стихотворение, лежавшее на столе, и надел пенснэ. Я видел его руки, державшие бумагу, изборожденные толстыми жилами. Я совсем не чувствовал смущения.

Эли Древе оттолкнул свой стул. Он машинально принялся подражать жестам и голосу мэтра. Его

привычки мима, более сильные, чем его волнение, вновь овладели им. Марк-Антуан де Кердран не скрыл от него, что его стихотворение малого стоит, даже ровно ничего, но, тем не менее, в нем можно было видеть отдаленный, почти неприметный признак поэтического призвания. Поэтому он пригласил его к себе не для того, чтобы говорить ему комплименты, но затем, чтобы дать ему некоторые советы, которые могут быть ему полезными. Пусть он не доверяет первому удовлетворению, даваемому нам, когда мы молоды, нашим творчеством, каким бы оно ни было; наоборот, пусть он научится быть требовательным, недовольным, строгим, по отношению к себе. Искусство не забава. Оно требует терпения, усилия, особенно времени, времени. Время и есть великий учитель!. Так он, Кердран, нашел свою дорогу лишь после долгих блужданий. Он работал, рвал, переделывал. Только после многих лет бесплодного труда, к сорока годам, он почувствовал, что овладел своей мыслью и своей формой. Тогда он познал ощущение полноты, изобилия, уверенности...

И Древе подражал тяжелой и могучей походке старого поэта, его широким движениям. Он проводил рукой по своим коротко остриженным волосам, как бы желая отбросить назад воображаемую седую шевелюру, в то время как Антуан де Берсен и Андре Моваль смотрели на него, такого худого и жалкого! Дело в том, что советы Марка-Антуана де Кердрана, обращенные к этому юноше, которого изнурила, быть может, смертельная болезнь, прини-

мали какой то зловещий и иронический оттенок. Да, конечно, работать, тянуть и ждать; но болезнь то, станет ли она ждатель?

Угадал ли Древе то, о чем подумали его друзья! Вдруг он остановился в припадке сильного кашля. Его бледное лицо покраснело. Он на мгновение замолчал, потом снова сел и сказал:

— Вот! Что бы там не случилось, сегодня я был ужасно счастлив.

— Да, этот Кердран — шикарный тип, — заключил Андре Моваль и прибавил:

— Уж поздно и пора идти спать.

Древе запротестовал:

— Чтоб я лег спать!

Антуан де Берсен похлопал его по плечу.

— Господи, мы все этим займемся! Ну будь благодарным. Береги свою славу, старина!

Древе усмехнулся.

— Слава славой, но есть еще и любовь. У меня свиданье... Ах черт возьми, я опоздаю!

Он снял с вешалки пальто и обмотал шею своим кашне.

— Ложиться спать, скажешь тоже! Разве у меня есть чем заплатить за номер моей курочке! Хочешь, я выучу тебя удивительной штучке, которую я выдумал. Ты садишься в омнибус, в омнибус, который проходит немалое расстояние, например: Пигаль — Винный рынок, Пантеон — Курсель, Клиши — Одеон, Трокадеро — Западный вокзал. Залезаешь на империал. Зимой, попоздней, там нет ни одной души. Ку-

чер сидит к тебе спиной, кондуктор внизу. Там наверху, ты как у себя дома, катишься в темноте. Можно свободно поговорить, и какая красота! Грешься о газовые фонари. Словно раджа в паланкине на спине слона или как царица Савская на своем дромадере. Очень торжественно; ну, прощайте... Берсен, одолжи мне двадцать су.

Он вытащил серебряную монету из сдачи, которую принес гарсон, в то время, как Алиса надевала свою мантилью, и исчез.

Андре Моваль возвращался пешком по набережным. Было холодно. Звезды блестели. Голова у него слегка кружилась. На часах Института пробило полночь. Марк-Антуан де Кердран приходил туда каждый четверг. Быть может, когданибудь и Эли Древе будет восседать под этим куполом, если не погибнет от той нелепой жизни, которую он вел, и Андре подумал о тяжелом омнибусе, уносившем, вероятно, в эту минуту его друга в холодном ночном воздухе... Антуан когданибудь станет знаменитым. Что до него самого, то он никогда не узнает славы. Да и к чему она ему? Он охотно мирился с мыслью о скромной, незаметной, тихой жизни. Он не сделается знаменитым человеком, но он станет страстным любовником. Любовь заменит ему все. Ах, как он сумеет вкусить ее утонченные утехы, ее жгучую отраду! Как это пламя осветит всю его жизнь! Антуан и Эли будут трудиться, чтобы создавать красоту, нарисованную или написанную, в то время как он, он будет наслаждаться живой красо-

той, тою, которую можно заключать в объятья, той, которой можно касаться своими руками, своими устами, и которая остается вечной, вследствие желания, которое она вызывает, и воспоминаний, которые она оставляет.

VII

Андре Моваль подумывал о подарке ко дню рождения матери. Господин Моваль всегда в этом случае дарил жене, от своего имени и от имени Андре, какуюнибудь вещь, которая нравилась ему самому. Добрейшая госпожа Моваль, каков бы ни был подарок, всегда приходила в восторг от сюрприза и того удовольствия, которое он ей доставлял; но постепенно, подрастая, Андре заметил, что вкусы его матери отличались от вкусов отца. Поэтому, в тот год, когда он выдержал экзамен на аттестат зрелости, он попросил у господина Моваля позволения выбрать самому отдельно какуюнибудь маленькую вещицу, которую он даст на память госпоже Моваль.

Господин Моваль согласился на желание Андре, который был тогда уже молодым человеком. Андре помнил гордость и волнение, охватившие его при этой первой покупке. Он приметил за несколько дней перед этим, на выставке антиквара на улице Сены, старинный фарфоровый кубок, вполне отвечавший его желанию. Госпожа Моваль любила подобные старинные вещи. Только бы эта миленькая безделушка не стоила слишком дорого. Он вошел в магазин с бившимся сердцем. К счастью, цена

кубка не превышала его средств! Вечером он потихоньку показал его господину Мовалю. В тот вечер господин Моваль был в очень хорошем настроении. Он получил формальную уверенность в том, что его избрание в кавалеры ордена Почетного Легиона появится в Официальной газете в ближайшее 14 июля. Поэтому он снисходительно посмотрел на приобретение сына... Что за странная идея дарить такую бесполезную вещь! Что до него, то он купит для госпожи Моваль лампу на подставке, которую ему давно хотелось иметь...

Госпожа Моваль была в восторге от кубка. Ее трогало внимание сына. Он всегда был хорошим ребенком и станет превосходным человеком. К тому же, подрастая, он делался все более нежным к ней, почти галантным. Он интересовался ее нарядами. Господин Моваль, с тех пор, как его положение в Мореходном Обществе стало значительным, увеличил оклад жены. Удовлетворяя желания мужа, хотевшего видеть ее изящною, она все же откладывала то, что ей удавалось сэкономить на своем бюджете. Она образовала из этого маленький фонд для Андре. Андре часто прибегал к ее помощи.

Тем не менее, сегодня, по случаю рождения госпожи Моваль, Андре обратился к господину Моваль. У господина Моваль, как и у госпожи Моваль, были свои маленькие сбережения. Он думал, что этот запас должен будет отразить неожиданные случайности, среди которых фигурировали и те, виновником которых мог оказаться когда нибудь Андре.

До сих пор Андре был благоразумен; но теперь когда ему минет двадцать лет, нечего будет удивляться, если он станет выкидывать какиенибудь штуки. Господин Моваль решил терпеть их. Сам он в этом возрасте выкидывал их немало. И он с твердостью ожидал их от своего сына. Замечания, которые ему придется делать, утешали его до некоторой степени по поводу тех затрат, которые ему придется произвести на оплату походов молодого человека. Убедиться в основательности этих предположений было бы уже удовольствием для господина Моваля, но до сих пор Андре не доставлял ему его. Поэтому он почти с насмешкой передал ему маленькую сумму, которую тот спрашивал для подарка госпоже Моваль.

С деньгами в кармане Андре вышел, чтобы взяться за поиски своей покупки. Сначала он хотел пройти в лавочку госпожи Беркенштейн, торговавшей редкостями на улице Аббатства, где он в прошлом году купил очень красивый лакированный мартеновский игольник, которым госпожа Моваль осталась весьма довольна и которым она с той поры всегда пользовалась. Когда он вошел в магазин, толстая госпожа Беркенштейн, занятая штопкой чулок, посмотрела на него поверх очков и не поднялась. Андре высказал ей, чего он желал бы.

— Право, не знаю, посмотрите, может быть вы и найдете чтонибудь. Только будьте осторожны, не разбейте чегонибудь.

Лавка госпожи Беркенштейн была очень загромождена. В ней были самые разнообразные предметы: мебель, рамы без картин, картины без рам, панно из резного дерева, куски тканей, оловянные и фаянсовые блюда, коробки, пряжки. На выставке красовался подбор аптекарских банок, с желтыми этикетками на синем фоне, на которых были начертаны латинские названия медикаментов в картушах. На потолке висели рядышком люстра ампир и еврейский светильник. Андре Моваль не находил ничего подходящего. Госпожа Беркенштейн ласково смотрела на него. Этот молодой человек решительно ничего не купит!

Госпожа Беркенштейн обожала свои безделушки. Поэтому она чрезвычайно дорожила своей лавочкой, расположенной в стороне, на улице, остававшейся чаще всего пустынной; лавочка почти вовсе не привлекала прохожих, и в нее заглядывали лишь редкие посетители. Андре совсем не казался ей опасным: он не отнимет у нее ни одной из вещей, к которым она привыкла.

— Значит, вы не нашли того, что вам нужно?

Андре сделал отрицательный знак. Лицо госпожи Беркенштейн повесело.

— Ах! вы знаете, безделушкам пришел конец! ничего не осталось больше; все расхищено; а из того, что осталось — три четверти подделок. Сходите ка к Вернону, к Дюрбаху, к Ледюку, а потом вы придете мне поведать!

Госпожа Беркенштейн лицемерно вздохнула и прибавила:

— Но вы, вы — не любитель! и тем лучше для вас. Ах, я хорошо понимаю, что вы ищете... чтонибудь для хорошенького подарка. На вашем месте я бы просто поискала в модерне. Ведь, это для вашей подруги, не так ли?

Андре покраснел. Госпожа Беркенштейн снисходительно улынулась ему.

— Известное дело, в вашем возрасте... У меня тоже сын, которому идет двадцатый год... Ступайте ка к вашей дамочке, так то будет лучше, чем коняться в этой пыли.

Не переставая думать о том, как смешна славная госпожа Беркенштейн, Андре Моваль останавливался возле витрин антикваров, многочисленных в том квартале. Ничто не прельщало его. Он вспоминал слова госпожи Беркенштейн. Прижавшись носом к стеклу, он недоверчиво рассматривал выставки. Раза два он совсем было приготовился войти, чтобы спросить о некоторых ценах, но продавцы и продавщицы смущали его. Некоторые из них походили на громил или на утайщиц. У выставленных предметов был вид ворованных вещей, и, покупая их, человек делался как бы соучастником. Сквозь стекла Андре были видны подозрительные взгляды угрюмых господ и дам, с крючковатыми носами. В других местах у людей был вид получше. И мужчины, и женщины представляли собой тип старой Франции. Можно было подумать, что они сами составляли

часть своего хлама. Среди обломков прошлого, спасенных от крушения революций, красовались или профили эмигрантов, или повернутые *a trois quarts* лица старых владельцев замков.

Таким образом Андре Моваль прошел улицу Сен-Пер. Он остановился на мгновение, чтобы полюбоваться маркизой с напудренными волосами, которая, в глубине своего магазина, подобно живому образу прошлого, небрежно играла веерами; затем он продолжал свой путь до улицы Вернейль. На одном из первых домов его внимание привлекла вывеска из кованого железа. Она оповещала о магазине древностей, очевидно открытом там недавно, так как Андре никогда еще не видал его. Он приблизился. Лавка была свежо выкрашена в зеленый миртовый цвет. За большими стеклами витрины виделось мало предметов, но они были расположены со вкусом. Внутри ни загромождения, ни пыли. Навощенный паркет блестел. По стенам висело несколько прекрасных зеркал, несколько картин в золоченых рамах. Тут и там — мебель, уставленная, словно в гостиной. Посреди, на маленьком столике, он увидел несколько плетеных из цветной соломы коробок из тех, что нравились его матери. Магазин был пуст.

Когда дверь открылась, раздался звонок. Он звучал ясно, чисто и резко. Андре Моваль стал ждать. Никто не показывался. Наконец, он услышал легкие шаги. Кто-то спускался по витой лестнице, скрытой в глубине магазина. Появилась молодая женщина.

Она не походила на своих товарок по профессии. Высокая и тонкая, она была одета в темный костюм, вокруг шеи у нее был стоячий крахмальный воротничек, блестящий, как фарфор. Ее немного удлиненное, янтарного цвета лицо, с тонким носом, освещалось странными серыми глазами. Ее каштановые гладко зачесанные волосы были собраны в кучу на ее голове. Рот у нее был извилистый, красивого рисунка, губы очень красные и оттененные пушком. Во всей ее фигуре было что-то одновременно и смелое и сдержанное.

— Что вам угодно, мсьё?

Андре показал на соломенные коробки, разложенные на столике. Своей немного худой рукой молодая женщина расставила на мраморный прилавок мелкие вещицы.

— Это все, что у меня осталось от партии, купленной мною на распродаже Жерэна. Я уже продала самые красивые, но эти тоже очень хороши. Не хотите ли посмотреть?

Андре нагнулся. Одна из коробок была восьмиугольная. Солома составляла шахматную доску, желтую с розовым. Она ему понравилась. В то время, как он рассматривал ее, продавщица взяла другую:

— Эта тоже красива. Внутри у нее зеркальце. Она просунула ноготь в желобок. Крышка не открывалась. Молодая женщина сделала усилие. Ее очень белые зубы закусили нижнюю губу.

— Не трудитесь, сударыня. Сколько стоит вот эта?

— Шестьдесят франков.

Вдруг раздался звонок. Андре, держа в руке свою коробку, посмотрел на дверь.

Вошедшей было лет двадцать пять. Скромное изящество платья выставляло гармоничные и совершенные линии ее тела. Ее лицо имело очаровательный овал, нос был одновременно и тонок, и мясист, и незаметно приподнят у кончика, рот милостив, карие глаза открыты и ласковы, черные волосы блестящи и пушисты. Ток ее был украшен цветами, которые перемешивались с мехом, а вокруг шеи обвивалась боа из голубой лисицы. В руке она держала золотую плетеную сумочку. Вся она была исполнена молодости и жизни, которые согласовались с позвякиванием золотого мешечка, с шелестом приведенных в движение материй, с живым мартовским воздухом, проникавшим сквозь открытую дверь магазина одновременно с запахом фиалки и ириса, исходившим от красивой покупательницы.

— Да, мадемуазель Ванов, это опять я.. Я пришла узнать, попрежнему ли вы несговорчивы насчет табакерки. Уж лучше я вам прямо скажу, что мне безумно хочется иметь ее.

Ее голос звучал ясно и весело. Андре с восхищением рассматривал молодую женщину, на которую мадемуазель Ванов глядела пристально своими странными, серыми глазами. Андре заметил этот сухой и жгучий взгляд, в котором светилось скрытое пламя.

— Ну, хорошо, сударыня, вам я отдам за пятьсот франков. Вы так красивы!

Это было сказано таким смелым тоном и с таким страстным выражением, что Андре показалось, что это он сам громко выразил свою мысль; он покраснел, как будто сказал он сам, и опустил голову, как будто был виноват в дерзости этих слов.

— Вы слишком любезны, мадемуазель Ванов. Я заплачу те шестьсот франков, которые вы просили с меня на днях.

Это «вы слишком любезны» было сказано с некоторой насмешкой, устанавливавшей расстояние. Мадемуазель Ванов, не моргнув, выслушала урок и достала из ящика табакерку, о которой шла речь. Андре услышал, как о столик стукнулась сумочка из золотых колечек и как под рукой в перчатке зашуршали банковые билеты. Мадемуазель Ванов совсем не казалась смущенной. Своими прежними настойчивыми глазами она рассматривала свою покупательницу. Эта последняя, казалось, смягчилась и смотрела по сторонам.

— Кстати, мадемуазель, нет ли у вас того кресла, которое вы мне обещали поискать?

Мадемуазель Ванов отрицательно покачала головой. Ее шея повернулась в накрахмаленном воротничке. Андре увидел ее прекрасный профиль, строгий, четкий. Как он предпочитал ему ласковое и смеющееся лицо другой, с ее бархатистыми щечками, с ее тонким носом, с ее ртом. Мадемуазель Ванов ожидала со дня на день обещанной вещи. Она прибавила:

— Но у меня есть очень красивая кровать в стиле Людовика XVI. Не хотите ли подняться на антресоли? Вы позволите, мсьё?

Андре из приличия рассматривал соломённую коробку. Молодая женщина поколебалась, потом, обращаясь вдруг к мадемуазель Ванов:

— Но, мсьё, может быть, также захочет посмотреть на эту кровать, мадемуазель?

Андре поклонился. Обе женщины пошли впереди него по витой лестнице. Она вела в довольно обширную комнату с низким потолком, уставленную старинною мебелью, придававшею ей несколько жилой вид. Кровать стояла в глубине. Она была украшена резными гирляндами и сосновыми шишками. Со своими подушками, выпячивавшими покрывало из старинного шелка, она не была мертвой вещью, но чем то живым. Чувствовалось, что если приподнять старинную ткань, то под нею окажется тонкое полотно простыни, мягкость матраса. Она напоминала о сладких снах и любовных бодрствованиях прошлого, того времени, когда жизнь была более праздна, более ленива, чем наша, когда любовь занимала больше места, чем теперь, и когда ее одной хватало для развлечения сердца и ума. Своей разукрашенной и любовной грацией кровать эта наводила на мысль о положениях тела, полных томления и неги, о движениях и отдыхе в любви.

Все это быстро представилось мысли Андре Моваля, пока мадемуазель Ванов раздвигала занавеси у окна. Стоя рядом с молодой незнакомой дамой,

он все глядел на эту пустую кровать. В комнате носился скрытый и неуловимый запах, так сказать, запах обнаженных женщин. Чьи сладострастные тела сплетались когда то на этом ложе? Он мельком представил себе перламутровые тела во вкусе Фрагонара или Бушэ, пышные и игривые с волнистой полнотой и с подвижными ямочками. Смущенный, взволнованный, раскрасневшийся, он видел, как они вытягиваются в грациозных позах. Голос мадемуазель Ванов прервал его мечтание.

— Не правда ли, сударыня, она прекрасна?

Впрочем, она досталась мне от господина Маркорана, который купил ее у потомков знаменитой мадемуазель Брикур, получившей ее в подарок от мадемуазель Талестрис, танцовщицы, когда Брикур оставляла для нее домик в Рувльском предместьи. А вот, посмотрите, что ее делает еще более любопытной.

Мадемуазель Ванов, в головах кровати, там, где гирлянда образовывала медальон, нажала пружину. Показавшийся овальный круг обрамлял небольшой рисунок гуашью. Он изображал двух женщин, с обнаженной грудью, с розами в волосах, которые, нежно обнявшись, приставляли одна к груди другой по аллегорической стреле. Незнакомка и Андре наклонилась, чтобы лучше видеть. Их головы почти касались одна другой. Андре вдохнул тонкий запах ириса и меха. Молодая женщина выпрямилась первая. Мадемуазель Ванов снова привела в действие пружину.

— Она очень красива, мадемуазель Ванов, но, я боюсь, немного дорога для меня.

Мадемуазель Ванов улыбнулась. Улыбка странно освещала ее страстное и строгое лицо. Она сказала: — Десять тысяч франков.

Незнакомка разочарованно надулась. Размахивая своей сумочкой из золотых колечек, она направилась к лестнице:

— Ну, до свиданья, мадемуазель Ванов. Не забудьте моего кресла. Я зайду на днях.

Мадемуазель Ванов поклонилась.

— Может быть, вы мне скажете ваше имя и адрес, я тогда дам вам знать.

— Нет, в этом нет надобности. Я часто бываю в этом квартале. Прощайте, мадемуазель.

Выходя, она грациозно поклонилась Андре Мовалю. Его охватило внезапное чувство грусти. Как, он, значит, никогда больше не увидит этого ласкового и прелестного лица, этого милого носика, этого рта, этих прекрасных глаз! Мадемуазель Ванов молча заворачивала соломенную коробку. Андре заплатил, взял сверток, который ему подала продавщица, и, очутившись на улице, принялся бежать.

Добежав до набережной, он остановился, посмотрел направо, налево и топнул ногой о тротуар. Если б ему не пришлось платить за эту проклятую коробку, он мог бы догнать молодую женщину, узнать, может быть, на улице ее изящный силуэт. До самого дома перед ним шел ее образ, в то время как ему казалось, что в воздухе носится запах меха и пруса.

VIII

— Уж не знаю, право, каким обедом я угощу вас сегодня, мой бедный Гюбер; мне пришлось отказать нашей кухарке. Она готовила хорошо, но стала до того требовательной, что я вынуждена была заменить ее другою. Ну, да вы сами судите...

Это известие, которое в другое время имело бы большое значение для дядюшки Гюбера, казалось, оставило его довольно равнодушным. Госпожа Моваль заметила его рассеянный вид. Обыкновенно Гюбер Моваль охотно принимал участие в хозяйственных заботах своей невестки, но сегодня у него был вид человека, у которого много других хлопот в голове. Не отвечая ничего, он совал в карман связку газет, которые упорно вылезали оттуда. Несмотря на это, госпожа Моваль грустно прибавила:

— Ах! становится все трудней ладить с прислугой.

Дядя Гюбер качнул головой в знак одобрения и проронил: «еще бы, чорт возьми!», выразительно говорившие о его собственных неурядицах с прислугой.

Не раз дядюшка Гюбер признавался в них госпоже Моваль. Да, если все пойдет таким порядком, скоро придется отказаться держать прислугу. Служанки, которых нанимают в Париже, невыно-

симы. Раньше оставалась возможность приглашать тех, кто приезжали из провинции. Таким образом удавалось иногда найти здоровых, крепких, трудолюбивых девушек. Теперь же бездельницы приезжают в Париж с чрезмерными требованиями. Это видно даже по их наряду. Они являются одетыми по последней моде. Нет уже больше этих легких чепцов, этих плюсовых головных уборов, которые радовали взор и от которых веяло деревней. Да, жизнь становится все труднее. Между тем, он, Гюбер Моваль, был только скромным холостяком, и существование его было так несложно.

Как бы несложно ни было существование дялюшки Гюбера, оно являлось часто предметом разговоров между господином и госпожей Моваль. Оно никогда не переставало их занимать, и они часто задавали себе вопрос: что обыкновенно делал дядя Гюбер? Занятий — никаких. Знакомых — мало; он ненавидел свет. Конечно, было известно, что он страстный читатель газет и большой любитель следить за политикой, но это не могло занять всего его времени. Правда, была еще у него склонность ко всему военному! Ежегодно дялюшка Гюбер присутствовал на смотре 14 июля, точно также как и на всех похоронах высших офицеров сухопутных и морских и всех значительных особ, погребение которых сопровождалось каким нибудь парадом войск. Отсюда он выносил заключения о состоянии нашей армии. Он посещал также салоны живописи. Искусство само по себе не занимало его, но он

находил удовольствие в картинах батального содержания. Перед последними он подолгу простаивал и охотно спорил о них с господином Мовалем, который, со своей стороны, предпочитал марину и экзотические сюжеты, особенно если они изображали страны, обслуживаемые суднами Мореходного Общества. Госпожа Моваль оставляла спорить этих господ. Она особенно ценила пейзажи. Деревья, вода, цветы волновали эту парижанку, проводшую почти всю свою жизнь в городе. Ежегодно она посещала салоны, чтобы изучать природу. Она выносила оттуда впечатления, которые она сравнивала с немногими сельскими воспоминаниями, оставляемыми ей ежегодными летними поездками в имение своей золовки, в Варанжевилле. Там, в продолжение месяца или двух она радовала свои взоры сочной и богатой нормандской зеленью.

Дядя Гюбер прервал мечтания госпожи Моваль, доставая свои часы. Господин Моваль опоздал.

— Теперь это с ним часто случается. Его начальник, господин Делаво, болен, и все дела направляют к нему. Вчера он пришел только в восемь часов.

Дядя Гюбер сделал гримасу. Госпожа Моваль прибавила:

— Я даже боюсь, что ему нельзя будет получить отпуска в этом году, и мне одной придется ехать с Андре в Варанжевилль...

Эта помеха была бы очень неприятной господину Мовалю. Он очень любил Варанжевилль, его луга,

его обсаженные дороги, его утесы, с которых видно как проходят пароходы, направляющиеся из Диеппа в Ньюхэвен, и откуда можно иногда разглядеть большие суда немецких компаний, идущие из Гамбурга в Америку.

При слове «немецких» дядя Гюбер поднял брови. Госпожа Моваль становилась нервной. Отсутствие мужа начинало беспокоить ее.

— Ну, сестрица, успокойтесь, этот добряк Александр не пустился в море, не предупредив вас, хотя, между нами сказать, я не понимаю, как он не полюбыхитствовал испытать это хоть раз. Однако, сейчас более половины восьмого.

Госпожа Моваль волновалась.

-- И Андре тоже нет дома... Ах, вот, по крайней мере, один из них!

Раздался звонок. Господин Моваль и Андре вошли вместе в гостиную. Они встретились на лестнице. Господина Моваля задержали в конторе. Андре засиделся у Антуана де Берсена, где Древе им читал стихотворения.

За столом господин Моваль развернул свою салфетку и попробовал суп. Дядя Гюбер следил за ним.

— Ну, это съедобно. Я думаю, Гюбер, что Луиза рассказала тебе о наших неприятностях с прислугой...

Андре не принимал никакого участия в разговоре. Рифмы Древе звучали еще в его ушах. Его рассеянность не ускользнула от госпожи Моваль. О чем это ее сын мог так задуматься? И она сама

замечталась было, как вдруг господин Моваль обратился к ней.

— Ах, кстати, Луиза, у меня снова был Нансель, но я был так занят, что виделся с ним всего лишь минуту. Он приходил благодарить меня за то, что я сделал для одного родственника его жены и извиниться, что до сих пор не привел ее к тебе, но они устраниваются, и госпожа де Нансель бегает по магазинам. Оказывается, она в роде тебя, страшно любит старье. Вы отлично сойдетесь. Мне кажется, что Нансель хотел бы, чтобы его жена ближе познакомилась с тобой. Она немного одинока в Париже. У них мало знакомых.

Андре при слове «старье» поднял голову. Вдруг он снова увидел лавку мадемуазель Ванов и красивую покупательницу, виденную на днях. Со времени той встречи, он часто думал о ней. Он думал о ней с удовольствием и с сожалением. Как мог он быть настолько глупым, чтобы не последовать за ней, не постараться узнать, где она жила, кто она была! Он несколько раз проходил перед лавочкой на улице Вернейль, всегда пустой. Дела мадемуазель Ванов, должно быть, были не блестящи; и на какие средства жила эта странная лавочница, с горящими глазами, которая делала скидку своим покупательницам, потому что они красивы? При других обстоятельствах любопытство Андре было бы задето странной мадемуазель Ванов. Тут скрывалась какая то странная тайна парижской промышленности, но его занимало лишь воспоминание о не-

знакомке. Где была она теперь? Увидит ли он ее когда нибудь?

Между тем дядюшка Гюбер, слушавший с неодобрением и насмешкой слова господина Мовалья, пожал плечами:

— Ах, так вот каковы они — твои Нанселли! ха, ха! они устраиваются, друзья мои, это отлично. Вы готовите жилища пруссакам, дети мои!

Господин Моваль, встававший из за стола, засмеялся:

— Ну, милейший Гюбер, тобой опять овладела твоя пессимистическая мания; и подумать, что вот тридцать лет как ты нам пророчишь это нашествие! Ах, Кассандра из Сен-Мандэ, ты опять за свое! Ну, я тебя оставлю с Андре. Ты потом приходи к нам.

Когда дверь закрылась за господином и госпожой Моваль, дядюшка Гюбер вынул свой кисет из свиной кожи и свою умело обкуренную трубку. Андре покорно смотрел на него. Как ему было знакомо это движение! С самого детства он видел его каждую неделю. Эти воинственные прорицания дяди!

Дядя Гюбер закурил свою трубку, затем он налил себе рюмочку рому и проговорил конфиденциальным голосом:

— Голубчик, твой отец — сумасшедший! Пруссаки будут у нас менее чем через две недели.

Андре посмотрел не без изумления на дядю Гюбера, но чудак не шутил. У него был удовлетворенный и важный вид пророка, которому не поверили,

но который, в конце концов, окажется правым. Он продолжал:

— На этот раз мы погибли.

Что хотел этим сказать дядя Гюбер? Андре прочел сегодняшние газеты, валявшиеся на диване у Антуана де Берсена. В них не было ни одной сенсационной новости. Тем не менее таинственный тон дядюшки напугал его:

— В чем же дело, дядя?

Дядя выпил свою рюмку рому и погладил бородку:

— Дело в том, что то, что я всегда предсказывал, случилось, клянусь трубкой!..

Он замахал своей трубкой и пододвинул свой стул к стулу Андре.

Дядюшка Гюбер следил издали за ходом дела. Давно уже он изучал все его признаки. Ах! все спрашивают себя, чем он занимается весь день? Да тем, что отдает себе отчет во всем происходящем вокруг, а это не делают, зевая по сторонам. Теперь он уверен в том, что говорит. Составилась уже великая коалиция, которой суждено стереть Францию с мировой карты. Не одни только пруссаки будут в Париже через две недели, но вся Европа, да, Европа, Европа!

Дядюшка Гюбер воодушевился. А для того, чтобы дать отпор врагам — нет армии! Уж это то дядюшка Гюбер знал, не так ли? Такой старый солдат, как он. Впрочем, чтобы убедиться в этом, достаточно присутствовать на больших похоронах. Армия! У нас

нет даже понтонеров. Ох, эти понтонеры! И дядюшка Гюбер посмеивался в бородку:

— Итак, голубчик, ты видишь, до чего мы дошли... Ах, мы теперь готовы для аннексии!

Андре Моваль недоверчиво слушал дядю Гюбера. Он был немного не в своем уме, а за последние несколько месяцев его странности увеличились. С другой стороны, слова старого солдата волновали Андре. А если он говорит правду? И Андре все слушал, пока столовая наполнилась дымом от часто набиваемой трубки...

Господин Моваль открыл дверь:

— Что это вы с Гюбером обкуриваете тут друг друга? Фу, какой дым!.

В гостиной дядюшка Гюбер сделался молчаливым. Андре успокоился. Ему казалось, что он только что освободился от кошмара, но вид у него был усталый, так что, когда дядя Гюбер ушел, госпожа Моваль пошла за своим сыном в его комнату.

— Ты не болен, мой родной, ты ничего не ел за обедом? Почему ты так долго просидел, запершись с дядей? Нужно было раньше прийти к нам. Ну, спи хорошенько.

Когда мать удалилась, Андре разделся. В кровати он закурил последнюю папиросу. Тонкий запах турецкого табаку заставил его подумать о голубых странах. Да, а если то, что говорил дядя, было правдой? Что если завтра не будет ни Франции, ни консулов, и следовательно, ни путешествий, ни солнца, ни Востока! Все рассеется как светлый дым, рас-

творявший в воздухе свои движущиеся и душистые кольца.. Вот что! завтра он пойдет спросить у Берсена и Древе, что они обо всем этом думают.

На другой день, в тот момент, когда он собирался идти к Антуану де Берсену, он подумал, что художник, наверное, станет смеяться над ним, если он передаст ему рассказы дядюшки Гюбера, этого старого мечтателя. Своими опасениями он боялся также показаться немного трусом в глазах своего друга, так как Берсен не прочь был прогуляться к границам. Служа в драгунах, он полюбил скачку на маневрах, ночевки на сене, ночные тревоги. Он охотно бы взялся и не на шутку за саблю и штуцер. Что до Древе, то Андре были известны его взгляды. Древе не двинул бы мизинцем, для того чтобы выбрать, быть ему французом или немцем. Родина! что она делает для великих писателей! Да, у нее есть Марк-Антуан де Кердран, и какими же почестями его осыпают? Она думает, что выполнила все свои обязательства по отношению к нему, украсив его петличку несчастной красной ленточкой, вырядив его в зеленый фрак и дав ему трехуголку и шпагу с перламутровой рукояткой! Вот и все, и она допустит его умереть почти нищим в скромной квартире, которую он занимал на улице Флерюс, и которую он разделял со своим пуделем и любимой черепахой. Так пусть его оставят в покое с отечеством! Перо, бумаги, женщины, вот все, что ему нужно. А на Францию ему наплевать! Впрочем, он желал лишь одного, чтобы был язык, исключи-

тельно литературный, в роде латинского, слова которого были бы лишь неизменными цветными кубиками в мозаике идей.

Андре раздумывал обо всем этом, спускаясь по лестнице. Погода была прекрасная и почти теплая. Стояли первые дни апреля. Небо было светлое и ясное. В конце улицы на солнце двор Школы Художеств красовался своей театральной декорацией из колонн и портиков, которая, казалось, была готова служить подмостками для какой-нибудь возвышенной трагедии. Андре направился к решетке. С обеих сторон на него смотрели добрыми покойными глазами бюсты Пюже и Пуссена, утвержденные на своих каменных постаментах. Привратник, сидя на соломенном стуле, у двери своей каморки, крошил хлеб голубям. На его груди блестели кресты. Этот бывший военный доживал мирный остаток своей воинской жизни. Значит, в войне нет ничего ужасного! Этот старичок с нашивками, так же, как и дядя Гюбер, принимал участие в сражениях и, в конце концов, не чувствовал себя хуже от этого. Между тем предсказания дяди снова приходили на ум Андре. Как, Париж, в этом прекрасном весеннем освещении, Париж обратится под прусскими гранатами лишь в кучи развалин и горы пепла!

Между тем Андре проник во двор Школы. Скульптурный фасад замка Гайон походил на какие-то триумфальные ворота. Два голубя пронеслись в воздухе, напоенном солнцем. Андре подумал о крылатых путниках, переносящих за пограничную ли-

нию вести из осажденных городов. Он представил себе, как он засовывает под крыло одного из таких вестников записку, написанную на шероховатой бумаге. Это, конечно, любовное письмо. Оно полетело бы далеко, далеко над дымом бастионов, за грохочущие форты. Верная птица несла бы его с собой в своем полете. Наконец, утомившись, она свалилась бы на дворе какогонибудь старинного замка, вся трепещущая от совершенного путешествия. Молодая дама подняла бы птицу. Своими нежными пальчиками она приподняла бы распластанное крыло, отвязала бы воздушную записку... И у этой дамы было бы овальное личико, мило вздернутый носик, свежий рот, карие глаза. Андре отлично узнавал ее, хотя видел ее лишь раз, да, один раз!

Он прошел несколько шагов. Возле него подымались на своих подножиях изуродованные статуи. Кто так обезобразил их? И Андре снова видел ту же молодую даму. На груди ее виднелся красный крест сестер милосердия. Длинными рядами были уставлены маленькие белые кровати, но посреди комнаты была другая кровать, покрытая покрывалом из старинного шелка. Ее украшали гирлянды, а на ее спинках были вырезаны сосновые шишки. И молодая дама нагибалась к овальному медальону, на котором можно было различить фривольный рисунок...

Не переставая думать обо всем этом, Андре дошел до маленького дворика Школы; вокруг бассейна блестяли зеленые деревья, и Андре стал прогули-

ваться тихими шагами по галереям. Перед памятником Анри Реньо он остановился. Он посмотрел на бюст художника. Это лицо, такое молодое и умное, трогало его. Опершись о столб, мраморная Муза протягивала герою пальмовую ветку памяти и славы. Берсен часто говорил о Реньо, талантом которого он восхищался. Андре прочел переписку художника. Ему была знакома его жизнь, его любовь к свету и цветам, его склонность к живописным пейзажам, его пребывания в Испании, в Алжире, в Марокко. Он тоже когда нибудь будет жить в такой же обстановке, бывшей столь дорогой творцу Саломеи и Мавританского правосудия. Он тоже будет жить в белом доме с внутренним двором, где будет журчать стройный фонтан. Вместо легкого неба апрельского Парижа он видел расстилающуюся над собой яркую лазурь Востока. На улицах он будет встречать плавно идущих верблюдов и бегущих мелкой рысью ослов. За белыми стенами сада, над которыми будут возвышаться султаны пальм, он услышит, как будут раздаваться глухие барабаны и стонать крикливые флейты. Порой в выжженной деревне, подослепительным солнцем, раздастся в вихре красок и головокружении галопа, стрельба арабских джигитовок. Потом он вернется домой и подымет к себе на террасу... На западе небо окрасится цветом меди. Он услышит глухой шум падающего на землю граната или апельсина, отрывающегося от слишком отягощенной ветки; ему будет казаться, что молчанье заигрывает с кучей звонких плодов,

в то время как ветер, поднявшийся к вечеру, будет приносить из пустыни песчинки, а над выпуклым куполом мечети луна покажет свой двойной сверкающий рог. И тогда, конечно, от Парижа его будут отделять многие мили, но что ему будет до этого? Там у него не останется ничего, что бы его удерживало. У него не было возлюбленной!

И Андре снова стал разглядывать Музу и мраморную подставку. Этот образ славы был также образом любви. И он вспомнил слышанную им историю о Реньо, Реньо, бывшем во время войны женихом девушки, которую он любил. Да, юноша запасный шел на врага с сердцем, полным любви. И Андре представлял себе роковой день. Бюзенвальский парк в снегу, атаку, отступление и эту шальную пулю, которая поразила художника-солдата. Может быть, и он покончит таким же образом, ибо, если наступят события, предсказанные дядюшкой Гюбером, то ему тоже достанется. Скромные обязанности обозника не застраховывают от опасности. Это будет смерть «штафирки», но все же смерть!

Он растрогался. Первые весенние дни располагают к меланхолии. Они часто уже заставляли Андре думать о смерти, но каким то неясным, косвенным, отдаленным образом. Сегодня мысль о ней делалась более определенной. В конце концов, чего ему особенно жалеть в жизни? Разве уж так приятно жить и так желанно стариться? Какие могли быть удовольствия у только что виденного им старого привратника, крошившего хлеб своим голубям? А дядя

Гюбер, что брал он от жизни? И Андре представил себе его прежним, в пышной форме стрелка, уезжающего галопом на своей лошадке в Италию. Вероятно он тоже боялся смерти, когда в его ушах свистели и гремели маджентские пули и ядра. Смерть пощадила его, и он прожил длинную жизнь. Он прожил ее плоско, кропотливо, мелочно, бесполезно, делая всегда одно и то же — что именно, этого никто не знал, впрочем—зарывшись в своем домике в Сен-Мандэ, забавляя свой ум глупостями и химерами вроде его ложных предсказаний, не подтвержденных ничем основательным и бывших одним из тех пустых умозаключений, которые производятся при звоне блюдечек, в провинциальных кафэ, в час вермута и абсента, оракулами из подпрефектур или уездных городов.

Он совершенно напрасно опечалился нелепыми разговорами этого старого сумасшедшего, дялюшки Гюбера, которые предстали перед ним во всем их смешном виде. Для Парижа еще не настал последний день. Вдруг Андре почувствовал себя как бы облегченным от тяжести, давившей его воображение, а мраморная Муза на победном постаменте заменялась иным образом, образом уже близким его грезам и улыбавшимся ему своим кротким живым лицом.

IX

Обычно во вторник, приемный день его матери, Андре Моваль справлялся, возвратившись домой, был ли кто нибудь в гостиной. Если там бывали еще гости, он уходил к себе в комнату, несколько не собираясь отвечать на насмешливые замечания госпожи Жадон, упрекавшей его за то, что он не ходил на чай, даваемый еженедельно ее дочками. Из этих отсутствий Андре госпожа Жадон заключила, что теперешние молодые люди совсем не любят хорошего общества. Госпожа Моваль извинялась за сына, под тем предлогом, что он занимается. Он действительно готовился к своему экзамену по праву. Нет, он был серьезен и много читал. Госпожа Жадон покачивала головой, как человек, желающий, чтобы его убедили, но не перестающий думать свое. Андре, которого госпожа Жадон раздражала, избегал ее как чумы.

В этот вторник Андре спешил увидеться с матерью. Днем он оставил ее, обеспокоенной письмом, полученным из Варанжевиля. Госпожа де Сарни жаловалась на сильное нездоровье, и госпожа Моваль телеграфировала золовке, прося известий. Здоровье госпожи де Сарни беспокоило Андре. Ему было жаль, что тетка захворала, хотя это и казалось ему естественным. Страданье, в глазах молодых

людей, является как бы законным достоянием пожилых. Оно то и служит источником уважения к ним. Тем не менее, Андре хотелось знать ответ на телеграмму. Поэтому, не спросив ни о чем у слуги, он открыл дверь.

Когда дверь открылась, он слишком поздно понял свою неосторожность. В глубине комнаты незнакомый высокий и худощавый господин с бритым лицом, мокал пирожное в чашку чая. Перед ним, госпожа Моваль ставила чайник на столик. Повернувшись спиной к двери, сидела дама. При виде всего этого, Андре сделал шаг назад, но господин заметил его и поднялся со своего стула. Андре попался. Госпожа Моваль делала ему знаки:

— Войди же, Андре. Позвольте мне представить вам моего сына.

Андре приблизился. Бритый господин поклонился.

— Я очень счастлив познакомиться с сыном одного из моих старых друзей...

Андре понял, что перед ним был господин де Нансель. Сидевшая тут же дама была, вероятно, госпожой де Нансель. Он повернулся, чтобы поздороваться с ней. При виде ее, у него закружилась голова. Та молодая женщина, которую он встретил в лавочке мадемуазель Ванов, грациозно протягивала ему руку и смотрела на него так, как будто бы никогда не видала его.

— Очень рада познакомиться.

Голос госпожи де Нансель не выдавал ни удивления, ни смущения. Андре узнавал его нежный

и несколько замедленный звук, так же, как он узнавал прелестное лицо. В нем, впрочем, что то изменилось. Оно было более серьезно и более важно. Г-жа де Нансель не была более той прогуливающейся дамой, бегающей по Парижу, куда ей вздумается, а красной особой, делающей церемонный визит вместе со своим мужем. Андре спрашивал себя, следует ли ему намекнуть на их встречу у изголовья любовной кровати, которую Талестрис украсила для Брикур аллегорическими образами? Было ли вежливо оставить молодую женщину в уверенности, — на тот случай, если она его узнала, — что он, увидев ее однажды, не сохранил об этом воспоминания? Господин де Нансель прекратил это колебание, обратившись с речью к Андре. Он заговорил с ним об его занятиях. Он сам когда то изучал право...

Отвечая господину де Нансель, Андре исподтишка рассматривал госпожу де Нансель. Вместо того, чтобы улечься, его волнение все возрастало. Его мать разговаривала с госпожой де Нансель которая, приподняв вуалетку, покусывала пирожное.

Она подошла к своему мужу:

— Уже поздно, Огюст. Не пора ли нам уходить?

Андре, вдруг, пришел в отчаяние. Как, она уже уходит! Она снова исчезнет! Он победил свою робость и посмотрел на нее. Ему хотелось дополнить тот ее образ, который он хранил в себе, снова увидеть тонкий нос, прекрасные карие глаза, рот, все это лицо, о котором он так часто думал в течение

месяца, и которое, благодаря чудесному случаю, снова приблизилось к нему.

Теперь все поднялись. Господин де Нансель сожалел о том, что не может дожидаться своего старого друга Моваль и просил передать ему поклон. Г-жа де Нансель мило благодарила госпожу Моваль за ее любезный прием. Она выражалась с простым и естественным изяществом, благодаря которому госпожа Моваль чувствовала себя легко. Госпожа Моваль была в восторге. Есть ли у госпожи де Нансель приемный день? Нет. Они только что кончили устраиваться и рано собираются уехать в деревню, но надо будет найти возможность увидеться снова.

Андре слушал. Ему хотелось бы, чтоб этим банальным словам не было конца, чтобы отец его вдруг пришел и этим продолжил бы визит. Он нервно дернул свой галстук, который развязался. Госпожа Моваль увидела развязавшийся бант. Она по привычке поправила его на шею сына. Андре казался раздосадованным. Госпожа де Нансель улыбалась.

В продолжение обеда Андре Моваль был очень молчалив. Предметом разговора между отцом и матерью было посещение Нанселей и здоровье г-жи де Сарни. Телеграмма из Варанжевиля, пришедшая, когда сядились за стол, была скорее успокаивающая. Что до Нанселей, то госпожа Моваль объявила, что она от них в восторге. Он, казалось, был хорошим человеком. Она же была прелестна. Господин Моваль обратился к Андре:

— А ты, Андре, ничего не говоришь. Ну, как ты ее находишь, госпожу де Нансель?

— Очень милой.

— Ты весьма лаконичен, чорт возьми. А между тем, в твоём возрасте следовало бы уже составлять себе более определенные мнения.

Госпожа Моваль засмеялась:

— Это правда! Но я всегда забываю, что Андре взрослый. И подумать только, что я ему поправила галстук перед этой красивой дамой!

Она заметила легкую досаду Андре и в ней усмотрела причину его молчания. В самом деле Андре Моваль испытывал странное ощущение. Он почти жалел о том, что снова увидел неведомую покупательницу мадемуазель Ванов. Ему было жаль того безымянного образа, столь часто уже посещавшего его грезы. Госпожа де Нансель теряла уже эту первую тайну, которой она была окружена в его глазах. Она переставала быть далекой и недосыгаемой. Случай неожиданно приблизил ее к нему. Правда, госпожа де Нансель казалась ему столь же восхитительной, как и при первой встрече, но он был вынужден изменить некоторые подробности этого воспоминания, и он чувствовал себя смущенным этой новой близостью.

Между тем господин Моваль продолжал говорить о Нанселях.

— Он, по крайней мере, на двадцать пять лет старше ее.

Госпожа Моваль заметила:

— Она, кажется, очень любит его.

— Это не препятствует ему стать рогатым.

Андре покраснел от того, что сказал. Он отпустил эту грубость дурного тона от дурного расположения духа и с досады. Ага, ему повязывают галстук! С ним все еще обращаются как с ребенком. Непристойность употребленного им выражения подтверждала, что он больше не был им.

Возмущенная госпожа Моваль протестовала:

— О, какое скверное слово, Андре!

Господин Моваль повеселел. Мысль о том, что господин де Нансель мог быть обманутым, не была ему неприятна. Его собственное супружеское счастье как бы возвышалось от возможного несчастья друга:

— Ну, не сердись, Луиза, а ты, Андре, знай, что так не выражаются в хорошем обществе. Можно сказать, в крайнем случае: обманутым; это — единственное, что я тебе могу позволить.

Андре без всякого удовольствия посмеялся словам отца. В сущности, мысль, что госпожа де Нансель может изменить мужу, была ему скорей неприятна. Мысль, что она полюбит когонибудь, раздражала его, так как было невозможно, чтобы она любила этого господина де Нансель, с его бритым лицом, слегка сутулым высоким станом, узкими плечами, длинными худыми руками, сухое пожатие которых он сравнивал с приятным пожатием госпожи де Нансель, которая, удаляясь, оставила на его пальцах свое нежное и душистое прикосновение.

X

Картина Антуана де Берсена, посланная в Салон, не имела ни одного из тех успехов, о которых читаешь в романах, и которые в один день из неизвестного человека делают знаменитость. На вернисаже публика не толпилась перед ее рамой, и заказы не поплыли на следующий день к молодому мэтру. Не произошло ни одного из этих событий, но газеты благосклонно отметили юного дебютанта. Критика хвалила замечательные достоинства этой картины, ее великолепные краски, ее смелый рисунок. Из Антуана де Берсена со временем выйдет кое что.

Андре Моваль весьма гордился успехом своего друга. Поэтому, в первую неделю, последовавшую за открытием выставки, он несколько раз ходил смотреть картину Антуана. Его забавляли замечания публики. Однажды, когда он пополудни бродил по залам, перед тем как зайти туда, где был выставлен этюд женщины Берсена, он почувствовал, что кто то хлопает его по плечу:

— Здравствуй, Андре. Да, это я, я пришел взглянуть еще раз на свою мазню. Здесь, в толпе, лучше чем в мастерской, отдаешь себе отчет в том что сделал.

Антуан де Берсен казался веселым. Он снял свою фетровую шляпу и вытер лоб, так как в залах было жарко. Между полом и суровым холстом потолка летала тонкая пыль, поднимаемая ногами посетителей. Андре взял его под руку и повел за собой.

— Ну, да, я доволен. Скажу не хвастаясь: мне думается, что картина моя хороша. О, в ней нет ничего поразительного, но она написана художником. Вот я и на своем коне. Теперь нужно знать, куда направляться. Ну, а пока пройдем к скульптуре, здесь можно задохнуться. Ты видел Марка-Антуана де Кердрана, написанного Виньодем?

Они остановились возле портрета автора «Любовных поэм». Виньодем написал его с кропотливой точностью. На красивом, кротком и благородном лице был виден след годов, но оно хранило отпечаток силы и мира. Берсен смотрел на него.

— Он — отличный человек, этот старик Кердран. Ты помнишь советы, которые он давал Древе при его первом посещении. Ну, так все это было сказано для того, чтобы пустить ему пыль в глаза. Кривлянье учителя перед учеником. Это долго не продолжалось... Теперь он очень мил с Эли. Он заботится о нем, помогает ему помещать его стихи в журналах. А самое смешное то в том, что Древе потерял к нему всякое уважение. Еще немного погоды, он станет называть его старой развалиной. Ах, дорогой мой, какой урок! Вот увидишь, если я достигну чего нибудь, как я буду обходиться с начи-

нающими. Лапы прочь, мои голубчики! Но присядем на минутку в буфете, мне хочется пить.

На некотором расстоянии от того стола, где им подавали, шумно разговаривала группа молодых людей и пьющих женщин. На одной из них была большая шляпа с цветами. Берсен смотрел на нее.

— Нужно будет заказать такую шляпу Алисе.

— А как она поживает, Алиса? — спросил Андре.

Берсен засмеялся.

— Очень хорошо, очень хорошо.

Он продолжал:

— Я смеюсь, дорогой мой, потому что сегодня для нее выдающийся день... Да, ее семья не хотела видеться с ней с тех пор, как она убежала из дому. Отец пришел в ярость, мать несколько меньше его, особенно, когда узнала, что ее дочь сделалась любовницей приличного человека. Так что дело, в конце концов, уладилось. Сначала стали переписываться. Эти буржуа смягчились. Быть признанной любовницей господина де Берсена — это заслуживает некоторого уважения. Наконец, сегодня они спелись. Алиса отправилась к своим родителям и проведет весь день с ними. Забавно то, что она попросила у меня два лундора, чтобы поднести им по подарочку, — перчатки мамаше, ящик сигар папаше. Я согласился дать Алисе два лундора, но позабылся тем, что заставил ее заработать их до ухода, ха, ха, ха!

Антуан обмакнул губы в пенившийся перед ним бокал. Андре был возмущен насмешливым

жестоким и почти враждебным тоном, каким ему друг говорил о своей любовнице. Зачем же он живет с ней, если не любит ее? Антуан уловил неодобрительную гримасу Андре:

— Мне кажется, что мои шутки вам не по вкусу, юный Моваль! С женщинами нужно обходиться по их заслугам и по тем чувствам, которые они вызывают. Мое чувство к Алисе очень несложно. Она забавляет меня своим тщеславием и своими смешными сторонами. Кроме того, у нее красивое тело, вот и все.

Он осушил до конца свой бокал пива и, помолчав, прибавил:

— Что поделать, я проворонил свою жизнь со стороны чувства. Я тебе однажды рассказал, как. Не будем больше говорить об этом.

Он замолк снова, затем продолжал:

— И какой я, должно быть, дурак! А она то, думает ли она еще обо мне?.. Ах, каким я был глупцом. Ну, мне нужно идти благодарить господина Шарли за его статью в «Палитре». Ты пойдешь со мной, Андре?

Он поднялся. Андре Моваль колебался.

— Нет, я еще пройдуся разок, потом пойду домой. У меня скоро экзамен, а я не особенно силен.

Когда Антуан де Берсен оставил его, Андре Моваль снова поспешно поднялся по лестнице, которая вела в залы живописи. Он шел быстро, обращая менее внимания на картины, чем на проходивших

дам. Почему не встречалась ему госпожа де Нансель среди всех тех, с которыми он сталкивался?

Госпожа Моваль отдала ей визит, но не застала ее. В оба вторника, которые следовали за этим, Андре выдумывал предлоги, чтобы оставаться дома. Он надеялся, что госпожа де Нансель, может быть, снова придет к госпоже Моваль. Поэтому, при всяком звонке он спрашивал у Жюля, их лакея, кто пришел. Затем он грустно возвращался в свою комнату, услышав, что звонили госпожа Жадон, мадемуазель Леруа или госпожа де Мирамбо.

Впрочем, если бы то была и сама госпожа де Нансель, это бы ему несколько не помогло, так как он не посмел бы явиться в гостиную. Как он покажется там в тот день, раз обыкновенно он никогда туда не входил? Тем не менее он был бы счастлив от сознания, что молодая женщина тут. Таким образом она как бы приблизилась к нему в его мысли. Вечером его мать заговорила бы о ней, описала бы ее туалет, передала бы то, что она говорила; но точно так же, как госпожа де Нансель не приходила больше на улицу Бо-з-Ар, она не прогуливалась ни в одной из зал, по которым быстрыми шагами проходил Андре, напрягая зрение, и откуда он, в конце концов, спустился в отдел скульптуры.

Тут он замедлил шаги. Белые формы статуй нравились его мечтам. В этом обширном стеклянном саду, где песок скрипел под ногами, народу было мало... Среди газона, фонтан для поливки расбрасывал свою радужную пыль. Запах листьев и земли

смешивался с запахом свежего гипса. Андре задумался. Если бы он был живописцем, он с удовольствием написал бы портрет такой женщины, как госпожа де Нансель. С какой тщательностью он парисовал бы ее лицо! Но нет, ему хотелось бы вылепить ее бюст. Разминая глину, он воображал бы, что касается самой формы ее тела. Он несколько раз возвращался к этой мечте. Она доставляла ему тайное и до того поглощающее удовольствие, что он споткнулся о клумбу и чуть не упал.

Клумба эта окружала статую, одиноко возвышавшуюся на круглой площадке и изображавшую обнаженную женщину, в позе ожидания и желания. Перед этой сладострастной статуей остановилась молодая дама. Андре тотчас же узнал ее изящный силуэт. Это была мадемуазель Ванов. Должен ли он поклониться ей? Пока он колебался, мадемуазель Ванов прошла перед ним, не заметив его. Красивые глаза хозяйки магазина казались еще пылавшими от только что виденного ею изваяния. Когда она удалилась, Андре нагнулся над золоченым кусочком картона, приклеенным к цоколю статуи. На нем было написано имя Сафо...

На другой день после посещения Андре Салона, в тот момент, когда господин Моваль после завтрака собирался возвращаться в свою контору, ему подали почту. Она состояла из нескольких маловажных бандеролей, которые господин Моваль разбросал по столу, и одного письма. Он передал его госпоже Моваль.

— Это вам, дорогая.

Госпожа Моваль взяла письмо.

— Только бы оно не было от твоей сестры с известием, что она хворает еще сильнее. Да нет, почтовый штемпель из Парижа.

Госпожа Моваль стала читать:

— Ах! это от госпожи де Нансель.

Господин Моваль спросил:

— Уж не хочет ли еще чего от меня Нансель?

Господин Моваль не любил, чтобы к его любезности прибегали слишком часто. Он считал, что раз сделанное одолжение обязывает к вечной благодарности и требует в будущем полной сдержанности. Госпожа Моваль успокоила его:

— Да нет же. Они приглашают нас на обед в будущую среду. На, вот, прочти!

Андре трепетно прислушивался. Господин Моваль отдал письмо жене.

— Что ж? почему бы нам не поехать? Да, я занят, я знаю... Но какойнибудь вечер, ведь это не край света. И потом я не прочь поглядеть, как они устроились, эти Нансели.

— Тогда, я отвечу госпоже де Нансель, что мы согласны. Вась это в среду...

Госпожа Моваль снова развернула письмо.

— Ах, тут есть пост-скриптум. До чего я рассеянна. Тебя тоже приглашают, Андре.

Андре покраснел. Этот пост-скриптум оскорблял его. Он сухо заметил:

— О, у меня мой экзамен.

Господин Моваль пожал плечам.

— Твой экзамен... Я настаиваю на том, чтобы ты сопровождал нас, Андре. Я желаю, чтобы ты иногда видался с приличными людьми, а не только с богоемой вроде этого Берсена или Древе.

Госпожа Моваль запротестовала.

— Но, Александр, господин де Берсен очень порядочный человек, и бедный Древе мне кажется славным мальчиком.

Господин Моваль поморщился.

— Возможно, но Андре пойдет с нами. Это решено.

Госпожа Моваль замахала своим письмом.

— А дядя Гюбер? Среда — это его день.

Господин Моваль ударил по столу.

— Его день, его день... ну и пусть... Не можем мы всем жертвовать ради удобств Гюбера. Его можно предупредить.

Господин Моваль был сердит на брата. За последним обедом они поссорились. Гюбер становился вспыльчивым и невыносимым. Господин Моваль прибавил:

— К тому же он приходит сюда только для Андре, мы не идем в счет... Пусть Андре ему напишет. От него он отлично примет это известие. Ты берешься написать, Андре?

Андре сделал утвердительный знак. Он не слушал того, что сказал его отец. Он думал о госпоже де Нансель. В продолжение целого вечера он будет возле нее. Она будет говорить с ним. Он узнает те

близкие ей предметы, которые ее окружают. Ему казалось, что таким образом между ними произойдет решительное сближение, что какая то часть его самого останется возле нее. Может быть, он теперь займет маленькое место в ее мыслях?

И когда господин и госпожа Моваль покинули комнату, он долго еще смотрел на оставленный на столе госпожей Моваль конверт, синяя бумага которого казалась ему столь же приятной на вид, как весенний цветок или уголок летнего неба.

XI

Госпожа Моваль кончала одеваться, когда в ее комнату вошел Андре, в одном жилете.

— Мама, хорошо ли сидит мой белый галстук? Госпожа Моваль улыбнулась.

— Какой ты сегодня покорный! Сейчас видно, что здесь нет никакой красивой дамы. Покажи ка. Она осмотрела бантик из белого муслина.

Андре был до того озабочен тем, чтобы не измять манишки, что не обратил внимания на намек госпожи Моваль.

— Хорошо, тогда я пойду надену фрак и буду через минуту готов. Сейчас без пяти семь.

В экипаже, который вез их на улицу Мурильо, Андре, сидя между господином и госпожой Моваль, хранил молчание. Он держался очень прямо. Его галстук и сорочка не переставали занимать его. В этот момент он совсем не думал о госпоже де Нансель. Флакр катился. На Сене продолжительно стонала сирена буксирного парохода. Андре внезапно подумал о судах, которые понесут его когда нибудь по далеким морям, и в сердце его закрадась легкая печаль, делавшая более острым предстоявшее удовольствие...

Экипаж остановился на улице Мурильо. Нанселли жили в небольшом особняке, частью каменном, частью кирпичном. Андре, вышедший первым, рассматривал его фасад, прежде чем позвонил. Мовали прошли в вестибюль. Сердце Андре билось. Когда дверь в гостиную открылась, Андре увидел сначала господина де Нансель, стоявшего посреди комнаты и разговаривавшего со старым господином, которого он покинул, чтобы пойти навстречу приехавшим гостям. Господин де Нансель слегка волочил ногу. Тем не менее, его вид не был лишен благородства, как заметил Андре; но вдруг молодой человек перестал видеть все, что его окружало. Перед ним стояла госпожа де Нансель.

На ней было зеленое платье из тонкого, легкого и как бы хрупкого шелка. У корсажа распускался букет бледно розовых роз. Андре жадно смотрел на нее. В первый раз он видел ее волосы, ее руки, ее обнаженную шею, ее грудь, сквозь гипюр, наполовину ее скрывавший. Перед ним предстал новый человек. Она протянула ему руку, после того как поздоровалась с господином и госпожой Моваль, и живо и весело взглянула на него. В этом взгляде и в этом рукопожатии была какая-то товарищеская симпатия, — как будто бы их возраст приближал их друг к другу и создавал меж ними внезапное согласие. В самом деле, остальные приглашенные на обед казались людьми почтенными. Де Сен-Савен был старым господином с семью баками, госпожа де Сен-Савен — тощей дамой. Их сын, Жюль де

Сен-Савен, чиновник государственного контроля, был в свои тридцать лет уже лысым и выказывал степенность, достойную своей должности. Когда отправились к столу, господин де Нансель повел госпожу де Сен-Савен; господин де Сен-Савен — госпожу Моваль; госпожа де Нансель взяла руку господина Моваля. Андре и чиновник заключали шествие. Войдя в столовую, чиновник сказал Андре достаточно громко, чтобы быть услышанным госпожой де Нансель.

— Госпожа де Нансель сегодня очаровательна.

Он как то смешно выговаривал букву *p*. Госпожа де Нансель, через плечо, повернула наполовину голову, улыбаясь. Ее глаза встретились с глазами Андре. Он наивно любовался ею, приходил в восторг от изящной гибкости ее походки, от гармоничных линий ее тела. За ней шуршало легкое шелковое платье. Андре прислушивался к этому легкому шуму, наполнявшему его уши восхитительной музыкой. Зачем были здесь все эти люди? Ему хотелось бы одному быть с госпожой де Нансель и следовать за ней таким образом бесконечно. В нем все замолкло. Он слышал лишь шелест легкого платья. Вдруг он почувствовал, что им овладевает безумная робость, как будто бы мечта его осуществилась. К счастью, ничего этого не было. Ему не придется даже разговаривать с госпожой де Нансель. Он может только смотреть на нее, смотреть со всем своим любопытством, следить за игрой света на ее лице, наслаждаться ее движениями, ее голосом.

Посаженный за столом между господином и госпожей де Сен-Савен, он не спускал глаз с молодой женщины. Он должен был сделать над собой усилие, чтобы есть, чтобы подносить ко рту ложку или вилку, чтобы кратко отвечать своему соседу или своей соседке. Между тем он боялся своими взглядами и своим молчанием привлечь к себе внимание остальных гостей и особенно госпожи де Нансель. Поэтому он порой заставлял себя интересоваться разговором или сервировкой. Так, он заметил серебро, украшенное гербами, гипюровую скатерть. В корзине красовались розы, и эти розы были более яркого тона, чем те, что носила госпожа де Нансель. Он заметил также, что тарелки были из старинного фарфора, а хрустальные вещи — тонкие и изящные; что вино придавало им красивый оттенок янтаря или пурпура. У всяческой лампы была замысловатая форма, а матовые электрические шары распространяли мягкий свет. Все, что окружало госпожу де Нансель, было выбрано с очаровательным вкусом.

С предметов Андре попытался перенести свое внимание на людей. Лицо отца, которое он видел на противоположном конце стола, оказалось ему совершенно новым. Живя с ним постоянно, Андре чикогда не думал о том, каков он собой. У господина Моваля, видного мужчины с седеющими и аккуратно подстриженными баками, с его красной ленточкой Почетного Легиона, была красивая бюрократическая осанка. Внешность матери, наоборот, была ближе

Андре. Госпожа Моваль была еще весьма милостива. Ее серое платье, украшенное кружевами, было ей очень к лицу. Глядя на нее, Андре чувствовал доверие к ней. Завтра он осмелится заговорить с нею о вечере, бывшем накануне, и о госпоже де Нансель. Завтра, — но он забудет обо всем, кроме предстного лица, от которого ему было трудно оторвать взор! Он принимал во внимание одну госпожу де Нансель. В самом деле, что ему было до того, существует или нет какая нибудь госпожа де Сен-Савен! У госпожи де Сен-Савен были щеки, покрытые красной сыпью, и острый подбородок. Сам господин де Сен-Савен смотрел на нее со скукой и без доброжелательства. Он казался человеком веселым и любящим пожить. В сыне Сен-Савена, чиновника, не было ни капли отцовского благодушия. Картавое воркованье его голоса составляло смешной контраст с его надменным видом. Иногда это забавляло Андре, но взор его инстинктивно переходил на госпожу де Нансель.

Все в ней необычайно занимало его: знак, который она делала слуге, чтобы он не наливал ей шампанского, манера, с которой она, слегка нагнувшись, говорила с госпожей Моваль. Когда она так нагибалась, лицо ее появлялось в полном освещении. Затем, Андре вдруг опускал глаза на свою тарелку. Впрочем, он был бы не в состоянии сказать, что ему подавали с начала обеда. Он едва к нему прикасался и едва разговаривал. Вероятно, госпожа де Нансель считала его глупым и спрашивала себя,

что за мысль пришла ей в голову пригласить подобного дурака. Раздался голос госпожи де Нансель:

— Как странно, что вы почти никогда не заходите в Лувр, вы, которая так счастливы, живя в двух шагах от него!

Андре слышалась легкая насмешка в словах, обращенных госпожей де Нансель к его матери. Что подумает она о его бедной маме? Было довольно невероятно, чтобы они когда нибудь сошлись близко. Их вкусы были слишком различны. Андре опечалился. Госпожа де Сен-Савен разглагольствовала:

— Что до меня, то я отлично понимаю госпожу Моваль. Музеи останутся недоступными для честных женщин, пока там будут продолжать выставлять все эти обнаженные тела, оскорбляющие взор.

Госпожа Моваль улыбнулась.

— О, я не поэтому, сударыня; я очень люблю прекрасные произведения искусства. Скорей мне не хватает времени... У меня мой дом, занятия, и притом же я — немного домоседка.

Господину Мовалю нравилась простота и достоинство, с которыми его жена признавалась в своей склонности к буржуазной жизни. Она была примерной супругой, точно так же как себя самого он считал образцовым мужем.

Госпожа де Нансель засмеялась:

— Ну, а я — совсем не домоседка, я люблю бывать на улице, гулять, бегать по магазинам.

При слове «магазины» она бросила взгляд в сторону Андре.

— Я, — заговорил господин де Сен-Савен, — я захожу Лувр восхитительным местом. К тому же, я сохранил о нем приятные воспоминания. В мое время мы назначали там свидания. Там находилась некая скамейка между двумя залами коллекций Кампана, под часами...

И господин де Сен-Савен вздохнул. Чиновник подумал, что это кажется смешным и воскликнул:

— Ох, папа! не напоминайте нам о вашей распутой молодости.

Госпожа де Сен-Савен прикусила губы. Госпожа Моваль продолжала:

— Бедный старенький Лувр! Ты помнишь, Андре, как ты водил меня по целым часам по Морскому музею?

Андре без удовольствия заметил, что все взгляды устремились на него. Он почувствовал, что для всех он является маленьким мальчиком, с голыми ножками, которого мамаша ведет за руку. Госпожа де Сен-Савен определила общее впечатление:

— Как они быстро растут! Когда я подумаю, что Эдуарду уже двадцать восемь лет!

Госпожа де Сен-Савен молодила чиновника, рассчитывая извлечь пользу для себя из этого обмана. Господин Моваль согласился:

— Да, они быстро растут, и, едва окончив воспитание, покидают нас. Вы, сударыня, принадлежите к счастливейшим, ваш сын при вас, в Париже, тогда как Андре должен поступить в консулы. Он уедет далеко,

Госпожа Моваль сделала покорное движение. Андре принял скромный вид. Большие путешествия придают значительность почти одинаковую тем, которым предстоит совершать их, как и тем, которые их уже совершили. Господин де Сен-Савен, закоренелый бульвардье, не имевший во всю жизнь иных забот, кроме любовных, проговорил:

— Это прекрасная карьера!

Потом он поправил свое пенсне, чтобы рассмотреть красивые обнаженные руки госпожи де Нансель, которая захопала в ладоши:

— О, как мне нравились бы длинные путешествия, долгие переправы; видеть далекие страны, в которых люди другого цвета, чем мы, разговаривают, едят, живут и любят иначе, чем мы!..

— За чем же дело стало, сударыня? Мы можем доставить вас, куда вы захотите.

Господин Моваль замахал рукой. Казалось, он вызывал обширный горизонт морей, которые пересекались судами Мореходного Общества. Госпожа де Нансель опустила голову, чтобы понюхать розы, распускавшиеся у ее корсажа. О каком Востоке, о каком благоухающем Дамаске, о какой цветущей Испании заставил ее задуматься их запах! Андре вздрогнул. Он тоже мечтал о благовонных садах, о неведомых землях, о далеких городах. Длинное бритое лицо господина де Нансель становилось печальным, как будто он боялся, как бы его молодая жена не улетела за моря, подхваченная вдруг тем крылатым Тритоном, который, на объявлениях Море-

ходного Общества, дует в свою выгнутую раковину, среди пены от могучих винтов комфортабельных пароходов, которыми заведовал на всем этом водном просторе господин Моваль. Он имел до того жалостный вид, что госпожа де Нансель рассмеялась:

— Успокойтесь, мой друг, я еще не отправлюсь в путь, и все эти прекрасные проекты окончатся Буамартемом, где мы окажемся через две недели, вдали от опасных сетей, которые нам так любезно расставляет господин Моваль.

Это заявление послужило сигналом к обсуждению летних планов, тем более, что подавались овощи, и их вид вселял в каждом мысль о деревне. Стали расхваливать ее прелести. Госпожа де Сен-Савен должна была провести лечебный сезон в Шатель-Гюйоне, а господину де Сен-Савену доктора советовали попробовать полечиться в Виттеле, но ему совсем не хотелось покидать своего милого Парижа. Сын их собирался в Довиль, а потом на охоту в разные замки. Госпожа Моваль проведет каникулы в Варанжевилле, если позволит здоровье ее золовки. Что до господина Мовалья, то его занятия в Мореходном Обществе помешают ему, вероятно, взять отпуск. Его все жалели.

— А вы, мсье Андре, любите деревню?

Госпожа де Нансель обращалась к нему. Он колебался. Ему хотелось, чтобы его утверждение совпало с мнением молодой женщины. Она продолжала:

— Вы, кажется, не особенный охотник до деревни. А между тем вы должны бы торопиться любить

природу нашей Франции. Наши пейзажи потеряют для вас всякую прелесть после того, как вы увидите столько светлых, солнечных стран. И то же самое происходит с многими другими вещами. Поэтому лучше всего желать их как можно меньше...

В ее голосе как бы слышалось сожаление. Из вазы, которую ей подали, она взяла один плод. Это был персик, прекрасный бархатистый и как бы живой персик. Она повертела его в руках с минуту, потом положила его на тарелку, сказав:

— Мне почти не хочется разрезать его. Он, быть может, совсем не будет так вкусен, как он прекрасен.

Господин де Сен-Савен попробовал свой.

— Напрасно, сударыня, они — восхитительны!

Он стал жадно кусать сочную мякоть плода. Госпожа де Сен-Савен принялась журить его.

— Адольф, то что вы делаете — безрассудно: вы опять заболесте.

Она любила напоминать ему о том, что гастрономия, в его годы, имеет свои неудобства. Чиновник пришел ей на помощь!

— Папа не благоразумен.

Господин Моваль, при мысли о том, что у него не будет отпуска, принимался думать о Варанжевилле с небывалым сожалением.

— Ах, дорогой мой, если бы я был свободен как вы, я жил бы, мне кажется, круглый год в деревне

Господин де Нансель стал давать разъяснения. Конечно, он очень любит Буамартен, но пребывание

там очень уныло для госпожи де Нансель. Было уже весьма благоразумно с ее стороны то, что она соглашалась уезжать из Парижа в июне и возвращаться в него лишь в октябре. Он не может обязывать свою жену выносить слишком долго суровость супружеского tête-a-tête'a.

Пока господин де Нансель говорил, Андре в первый раз внимательно рассмотрел его. Господин де Нансель был не молод и не красив, и ему то принадлежало очаровательное и юное создание, сидевшее за столом против него. Она принадлежала ему потому, что он мог предложить ей почтенное имя, независимое положение, хорошо обставленный дом, туалеты, драгоценные вещи. Взамен этого она отдавала ему свою молодость, свою грацию, свою красоту. И так бывает нередко. Андре подумал об истории, которую ему рассказал его друг, Антуан де Берсен, о той, любимой им когда то девушке, вышедшей из досады и малодушия замуж за человека тоже богатого и старше ее. Пережила ли госпожа де Нансель, как и та, какое нибудь сердечное разочарование? Покорилась ли она жизненной нужде или влечению к комфорту? Как бы там ни было, но во всем этом было что то несправедливое и оскорбительное. Молодые красивые женщины должны бы по праву принадлежать людям молодым. А этот господин де Нансель казался Андре старым и некрасивым, более старым и более некрасивым, чем он был в действительности... Каким бы он ни был, но тем не менее был мужем... Да, когда все уйдут,

он останется здесь! Когда опустеют комнаты, они вдвоем подымутся по лестнице. Вдруг Андре стало грустно. Вечер уже наполовину прошел. Вставали из за стола. Он скоро не увидит больше госпожи де Нансель. Он больше не увидит ее в продолжение целых дней, месяцев. .

Господин де Сен Савен и чиновник взяли каждый по сигаре из ящика, который подвинул им господин де Нансель, предложивший его Андре, когда г-жа де Нансель подошла к своему мужу:

— Огюст, где же мои папирсы?

Господин де Нансель поставил ящик и пошел за маленькйй лаковой коробочкой, которую он передал жене. Она открыла и, взяв там одну папирсу, предложила Андре:

— Не хотите ли одну из моих папирс, мсье Андре?

В коробочке было их всего несколько штук. Андре колебался.

— Да берите же... Вы мне пришлете еще, когда будете консулом на Востоке.

Она, улыбаясь, посмотрела на него. Он покраснел, подумав, что она немного насмехается над ним. Его отец становится невыносим, говоря постоянно об этом консульстве. Госпожа де Нансель чиркнула спичкой и передала ее Андре:

— Поскорей, а то вы сожжете себе пальцы.

Она смотрела на него, пуская клубы светлого дыма. Он тоже глядел на нее. Он чувствовал, что никогда не видал ее так близко. Ее лицо представляло перед ним с необыкновенной четкостью, как

будто бы его собственные глаза сделались более пронзительными. Он видел ее родинку, малейшую подробность ее лица. Он чувствовал, как духи молодой женщины смешивались с тонким запахом восточного табака. Он различал на груди легкое движение кружев, покрывавших ее. Вдруг госпожа де Нансель покинула его. Он увидел, как она болтала с господином де Сен-Савеном, потом остановилась на мгновение возле господина Моваля. Проходя, она поправила на ходу вазу, выпрямила цветок в букете. Закурила вторую папиросу. Чтоб выкурить ее, она уселась на кушетке, почти легла на нее, как будто бы она была одна, как будто бы ее гости исчезли для нее за заколдованным дымом, который она выпускала из своих губ.

Андре очень хотелось бы приблизиться к ней, но он не осмеливался. Поэтому он почувствовал себя почти счастливым, когда чиновник подошел и заговорил с ним. Он насчитывал несколько друзей на Кэ д'Орсэ, но из числа дипломатов; консульскую же службу, повидимому, не ставил ни во что. Андре совсем не слушал его. Он всматривался в то, что его окружало. Гостиная госпожи де Нансель была уставлена старинной мебелью и украшена безделушками, представлявшими собою результат ее поисков у антикваров. Вдруг послышался голос господина де Сен-Савена:

— О чем вы так замечтались, красавица?

Курильщица сбросила ногтем на ковер пепел со своей папиросы:

— Хотите это знать, дорогой мой? Я замечталась о мебели, виденной мной недавно у одной дамы, торгующей старинными вещами.

Андре вздрогнул. Господин де Сен-Савен продолжал:

— А что это за мебель?

— Этого вы не узнаете.

— Бьюсь об заклад, что я угадал!

Господин де Сен-Савен нагнулся к госпоже де Нансель и назвал ей на ухо одну мебель очень интимного свойства. Господин де Сен-Савен после хорошего обеда, любил иногда побалагурить. Госпожа де Нансель и бровью не повела.

— Вы не угадали, дорогой мой, это—кровать.

— Ах, мне хотелось бы быть в ней вместе с вами!

С сигарой во рту, господин де Сен-Савен рассматривал госпожу де Нансель. Изгиб кушетки выставлял красоту линий ее тела. Андре был в негодовании от наглости господина де Сен-Савена. Госпожа де Нансель под платьем покачивала кончиком ноги, обутой в серебряную туфлю, вид которой, казалось, сильно волновал господина де Сен-Савена.

— Вот что, идите ка разыгрывать свою партию, там вы нужны.

Господин де Сен-Савен отправился, чтобы сесть за карточный стол, за которым уже разместились его жена, господин Моваль и господин де Нансель. Госпожа де Нансель поднялась. Андре видел, что ему необходимо сказать ей что нибудь:

— Пройдемте в будуар, мсье Андре, тут у меня больше нет папирос.

И она показала на лаковый ящичек, на крышке которого был изображен рог луны над тремя тростинками камыша.

Будуар, в который Андре последовал за ней, был маленькой комнатой, расположенной рядом с гостиной. Через открытую дверь видно было играющих. Госпожа де Нансель протянула свою закуренную папиросу Андре, который, возвращая ей ее, коснулся своими пальцами пальцев молодой женщины. Около нее, на столике, Андре заметил табакерку, купленную госпожой де Нансель у мадемуазель Ванов. Госпожа де Нансель показала на нее.

— Вы узнаете это?

Он утвердительно кивнул головой, потом, посмотрев друг на друга, они оба рассмеялись. Госпожа де Нансель понизила голос:

— Слушайте, мсье Андре, я должна вам сказать, что вы были очень милы. Да, если бы тогда, когда я встретила вас с вами у вашей матери, вы намерились бы на улицу де Вернейль, мне кажется, я вас возненавидела бы, что было бы, впрочем, нелепо, но это было бы так.

Она замолкла на мгновение. Через открытую дверь до них доносились звон марок и голос разглагольствовавшего чиновника.

— Теперь же, наоборот, вы мне очень нравитесь. Вы доказали, что вы владеете собой, что вы тактичны и скромны. Я люблю это.

Андре Моваль покраснел от удовольствия.

— Но, сударыня, между тем, это так просто, так естественно...

Она не дала ему докончить:

— Я немного смешна, я сама это знаю, но я говорю вам то, что думаю. Все равно. Я уверена, что мы сделаемся друзьями. Ваша мать прелестна и чрезвычайно мне симпатична.

Таким образом она сгладила все, что могло быть слишком фамильярным в ее словах, и прибавила:

— Надеюсь, что будущей осенью мы будем иногда видеться.

Андре был в недоумении. Говорила ли она о нем или о его матери? Госпожа де Нансель поднялась:

— А теперь пойдемте. Нам нельзя оставлять вашу бедную маму в жертву этому скучному болтуну.

Андре последовал за ней. Он был до того смущен, что, возвращаясь в гостиную, он уронил книгу, лежавшую на столе. Он поднял ее. Госпожа де Нансель обернулась.

— Благодарю вас, мсье Андре. Это книга Жака Дюмэна, его последний роман, который он мне прислал. Вы его читали, дорогая?

Госпожа Моваль знала это произведение, которое Андре заставил ее прочесть. Чиновник не был знаком с этим жанром легкомысленных произведений. Госпожа де Нансель была в восторге от романов Дюмэна. Она прибавила:

— Что до него самого, то он очень мил. Я с ним немного знакома, он — друг моей семьи.

Господин де Сен-Савен, покинувший карточный стол, вмешался, подойдя, в разговор:

— Дюмэн, вы говорите о Дюмэне? Я иногда видал его в клубе. Какой кривляка!

— Его избаловали женщины, — вставил чиновник поучительным тоном.

Госпожа де Нансель смотрела на молодого Сен-Савена с лукавой усмешкой. Он принял этот взгляд за сочувствие своему замечанию и прибавил небрежно:

— Говорят, что он любовник маркизы де Коммин.

Госпожа де Нансель подняла свои прекрасные брови с выражением полного равнодушия. Одна из роз, у ее лифа, медленно осыпалась. Андре с тоской смотрел на падавшие легкие лепестки. Один из них застрял в складке ее зеленого платья. А она, спрашивая себя Андре, чья она любовница? Есть ли у нее любовник?

Он думал об этом, когда, по окончании вечера они простились с Нансельями, и пока экипаж отвозил их на улицу Бо-з-Ар. Да, был ли любовник у госпожи де Нансель? Было маловероятно, чтоб она любила своего мужа. Она могла питать к нему уважение, признательность, некоторую дружбу, даже привязанность, но, конечно, не любовь. Господин де Нансель был в два раза старше ее, господин де Нансель не был красив, господин де Нансель не был интересен. Это подтверждается тем, что она постаралась отвлечься от постоянного общества своего супруга, получив разрешение проводить только

лето в Буамартене, а остальное время жить в Париже. Вероятно, в Париже она имела намерение бывать в свете. Она довольствовалась пока тем, что устраивала свой дом, бегала по магазинам старинных вещей, но впоследствии этих развлечений будет для нее недостаточно. Настанет день, когда она захочет располагать своим сердцем, и он, который, может быть, станет ее другом, заметит тогда, что у нее появился новый интерес в жизни, и это причинит ему боль, от которой он будет страдать, от которой он уже страдал.

Господин Моваль, поднимаясь по лестнице, остановился на первой площадке:

— Обед был хороший.

Госпожа Моваль согласилась:

— Превосходный, а господин де Нансель, правда, прекрасный человек. Что до нее, то она очаровательна!

И госпожа Моваль прибавила со вздохом:

— Вот Андре нужно бы совершенно такую же жену.

Андре ничего не ответил. Подсвечник, который он держал, закачался в его руке. Они дошли до двери своей квартиры.

— Держи прямее свечу, Андре, тут зги не видать!

Андре Моваль закусил губу, и, пока господин Моваль вкладывал ключ в замок, он смотрел, как воск скатывался крупными горячими слезами на блестящую медь подсвечника.

XII

Андре Моваль открыл глаза. Его мать склонилась над его кроватью. Видя, что сын проснулся, она выпрямилась.

— В чем дело, мама?

Госпожа Моваль подняла руки к небу:

— Дело в том, мой бедный мальчик, что ты бог знает чего натворил вчера вечером.

Ошеломленный Андре сел в постели.

— Я! что же я сделал?

Госпожа Моваль воскликнула:

— Ты сделал, ты сделал то, что твой дядя Гюбер приходил вчера к нам в четверть восьмого, как всегда по средам; а когда ему сказали, что мы не обедаем дома, он сделался красен, как помидор, так что думали, что с ним сделается удар, и ушел, хлопнув дверью.

По мере того, как его мать говорила, истина выяснилась в уме Андре. Дядя Гюбер, дядя Гюбер...

— Значит, ты ему не написал, как тебе велел отец?

Андре сделал жест признания. Он смутно припомнил, что господин Моваль действительно говорил ему о дяде Гюбере, когда пришло приглашение на

обед к Нанселлям, и что он обещал предупредить его. Госпожа Моваль заохала:

— Какой ты ветренный, мой бедный мальчик. Гюбер стал в последнее время так нервен, так обидчив. Какая неприятность! А потом, что скажет твой отец? Подумать только, что такого ветренника он мечтает послать за границу!

Андре в глубине был пристыжен; но для виду он стал оправдываться:

— Послушай, мама, самому аккуратному человеку случается позабыть написать письмо. Дядюшка Гюбер отделался лишней прогулкой. Не один же он на свете, в самом деле!

Он заснул, думая о госпоже де Нансель и мечтая увидеть ее лицо при пробуждении. Вместо этого, его заставляли думать о докучных вещах, потому что ему, в самом деле, докучали. Он очень любил дядю Гюбера и сожалел, что сделался, хотя и невольно, причиной его огорчений. Эта мысль доставляла ему больше забот, чем предстоящие упреки отца.

Господин Моваль, придя завтракать, довольно легко принял к сведению это событие:

— Ну, что ж делать, из за тебя вышло это недоразумение, ты же должен его и поправить, Андре.

И заговорили о вечере, бывшем накануне. Выйдя из за стола, Андре отправился писать дядюшке.

Ответ Гюбера Моваля пришел на другой день, в виде письма в четыре страницы, адресованного господину Александру Мовалю. Дядя Гюбер в самом

начале исключал из этого события своего племянника. Предполагаемое забытое письмо было простой отговоркой. Ему захотели дать понять, что он надел. К тому же, он сам заметил это. Он понимает урок и уходит в свою палатку. Семейство Моваль впредь может свободно отправляться в гости по всем дням недели, до среды включительно.

Господин Моваль, читая послание брата, повел плечами.

— До чего он вспыльчив и ворчлив! Хуже не бывает характера. Пусть он остается в своей палатке, это будет ему полезно, этому ворчуну!

Тем не менее, в виду, того что в обе последовавшие затем среды дядюшка Гюбер не показывался, его обидчивость стал для Мовалей предметом разговора, который сменялся беседой о Нанселлях... и жизнь шла попрежнему. Андре по целым часам запирался в своей комнате, чтобы готовиться к экзамену. Он занимался. Книги его лежали раскрытыми перед ним, но нередко мысль его отсутствовала. Он часто думал о госпоже де Нансель.

Госпожа Моваль отправилась к ней и застала ее дома. Вернувшись, она рассказала о своем визите. Она извинилась за отсутствие своего мужа, но господин Моваль был так занят в Мореходном Обществе..

— Я извинилась также за тебя, Андре: упомянула о твоём экзамене.

Он ответил, не подымая глаз:

— Ты отлично сделала.

В сущности, он жалел о том, что его мать не предложила ему пойти с нею к госпоже де Нансель. Однажды, в послеобеденное время, отправляясь в парк Монсо, он прошел по улице Мурильо. Окна небольшого дома Нанселлей были широко раскрыты и украшены жардиньерками, полными цветов. Несколько лепестков герани упало на тротуар. Андре украдкой поднял один из них, затем пошел в парк и сел там против Наумахии.

Спустя некоторое время, госпожа Моваль получила короткую записку от госпожи де Нансель, уезжавшей в Буамартен и прощавшейся с ней до осени. В письме этом не было ни слова об Андре.

Это забвение слегка опечалило его. Значит, госпожа де Нансель не помнила больше о нем. У него теперь было тоже меньше времени, чтобы думать о ней. Приближался экзамен. Андре регулярно ходил к своему репетитору, господину Перрену. Он занимался. Его единственным развлечением было — посещать иногда Антуана де Берсена. Так как было жарко, то он заставал его в жилете. Берсен писал портрет Алисы. Древо исчез. По совету Марка Антуана де Кердрана, он писал большую поэму.

Однажды вечером господин Моваль вернулся домой раньше обыкновенного. Его назначили временным директором Мореходного Общества. Такое доказательство доверия со стороны правления Компании льстило его самолюбию, но об отпуске не могло больше быть и речи. Госпоже Моваль придется одной ехать с Андре в Варанжевилль, если

здоровье тетушки де Сарни поправится. Но в первых числах июля от госпожи де Сарни пришло письмо с известием, что ее снова мучит ревматизм, и ей необходимо возможно скорее присутствие невестки. Госпожа Моваль тотчас же уехала, оставив Андре тысячу наставлений. Андре проводил мать на вокзал. Они крепко обнялись. Они еще никогда не расставались.

На следующей неделе Андре Моваль сдал свой экзамен. Господин Моваль повел его обедать в ресторан, а затем пошел с ним в Jardin de Paris. Когда они прогуливались, одна из женщин, шедших им навстречу, ударила, проходя, веслом по пальцам Андре. Господин Моваль продолжал идти. Андре, через некоторое время, догнал его и извинился. Эта женщина была прежде натурщицей Антуана де Версена. Господин Моваль улыбнулся.

— Об этом мы не станем писать матери, Андре.

Госпожу Моваль беспокоила жизнь Андре в Париже. О его приезде к ней в Варанжевилль нечего было и думать. Госпожа де Сарни чувствовала себя нехорошо и требовала постоянных забот. С другой стороны, молодым людям необходим чистый воздух. Таково же было мнение господина Моваля. Почему бы Андре не сделать в продолжение месяца кругового путешествия по Бретани? Есть очень недорогие билеты. Это было решено, несмотря на беспокойство госпожи Моваль. Увы! этот отъезд был лишь началом многих других тревог. Андре был

в восторге. Он начал скучать в Париже и радостно взялся за приготовления к путешествию. Антуан де Версен одобрил его:

— Вот отлично, тем более, что я нанял домик в Люссо, близ Амбуазы. Нам его указала мать Алисы. Ах! вот милый тип, эта добрейшая госпожа Ланкери! Об этом доме она узнала от своей сестры, мадемуазель Клементины Могон, знаешь, у которой в Блуа шикарное учебное заведение! Одним словом, лето мы проводим там. Для тебя есть там комната, если ты захочешь остановиться у нас, возвращаясь из Бретани.

Андре поблагодарил. Он не смел принять приглашения без разрешения отца. Версен прибавил:

— Я приглашал также Древе, но он боится, что там не будет женщин. Он думает, что будет принужден обманывать меня с Алисой.

Мадемуазель Алиса Ланкери, вошедшая при этих последних словах в мастерскую, сделала презрительную гримасу:

— С Древе, какой ужас! Он, вероятно, похож на лягушку. Если он придет, мы заставим его принимать холодные ванны.

Версен усмехнулся:

— Прекрасная мысль. Это будет отлично для его легких. Ах, как ты сведуща в уходе за больными!

Алиса обиделась:

— Ну, да, издевайся надо мной! Как будто бы я ничего ни в чем не смыслю.

Антуан де Версен насмешливо отвечал:

— Не сердитесь, мадемуазель Ланкери, известно, что вы обладаете всеми качествами положительной особы, и что вы незаурядная женщина.

Алиса была оскорблена. Версен продолжал:

— Да, да, деревенская жизнь тебя не пугает: мы это знаем. Ты была создана для скромной, порядочной жизни, и т. д., и т. д. Бьюсь об заклад, что в Люссо ты будешь ходить к обедне по воскресеньям.

Алиса ничего не ответила. В эту минуту рыжий сеттер Версена подошел и положил свою голову на колени художника. Антуан нежно погладил длинные мягкие уши животного:

— Вот тебя я люблю! Ты останешься с нами пообедать, Андре?

Андре извинился. Он никак не мог, из за отца. Антуан дружески похлопал по спине собаку.

— Из за отца. Отлично, теперь — из за отца. Другой раз бывает из за дяди. Какой семейственный человек! Тебе осталось лишь влюбиться в какуюнибудь маленькую кузину, жениться на ней и надевать ей кучу детей. Впрочем, бывают вещи похуже. А дядюшка Гюбер, кстати, как он поживает? Этот взбалмошный старичек пленяет меня!

Андре пояснил, что дядюшка Гюбер попрежнему не показывался. Господин Моваль писал ему, чтобы уведомить о болезни госпожи до Сарни, Андре — чтобы объявить ему об успешно выдержанном экзамене, — оба письма остались без ответа.

Андре твердо решил не уезжать из Парижа, не попытавшись положить конец будированию

дядюшки Гюбера, против которого его отец был теперь сильно раздражен. Накануне своего отъезда он исполнил свое намерение. Возле Лувра он сел в трамвай, идущий в Венсенн. Вскоре тяжелый вагон покатился по простонародным кварталам. Лето не изменяет вида этих кварталов. Они не пустеют, как кварталы аристократического, богатого и элегантного Парижа. Их наполняло прежнее оживление. Андре подумал, что, вероятно, из этого Парижа предместий происходила та Селина, с которой он познакомился у Версена, и которая его встретила тогда, вечером, в кафе-шантане. Она перестала быть натурщицей и жила теперь на улице Шамбиж. У Андре было сегодня вечером свиданье с ней. До своего отъезда в Бретань, он считал необходимым доставить себе это маленькое удовольствие. В продолжение нескольких месяцев он оставался почти благоразумным и сделал некоторые сбережения.

Сойдя с трамвая, он попросил сержанта показать ему, как пройти на улицу, где находился дом его дяди. Он никогда не бывал в этих местах. До чего велик Париж! — говорил он себе. В нем можно жить годами и никогда не встречаться. Поэтому, какое необычайное счастье, что он вдруг познакомился с той неизвестной, которую он однажды увидел в лавочке древностей мадемуазель Ванов! Какое странное стечение обстоятельств сделало из этой незнакомки жену старого друга его отца! Почему господин Моваль и господин де Нансель, потерявшие друг друга из виду со времени их юности,

встретилась снова и возобновили знакомство, так давно прерванное? Случится ли то же самое с дядей Гюбером?

Дом дядюшки Гюбера был одноэтажный, и на улицу выходило три окна. Зеленые ставни были опущены из за солнца. Андре позвонил и стал ждать. Никто не отворял ему. Он позвонил снова. Ему показалось, что он слышит изнутри шаги. Потайное окошечко в дверной створе показывало свою маленькую недоверчивую решетку. Служанка из соседнего дома рассматривала Андре.

— Если вы к господину Мовалю, то его нет дома. Он отправился, как он говорил, провести день в Венсенский лес. Он, должно быть, возле полигона, он всегда туда ходит. Вы лучше не звоните, Онорину он взял с собой.

— Как это — Онорина?

Служанка засмеялась:

— Онорина, ну, это его новая прислуга, конечно!

Андре поблагодарил и удалился. Дядя Гюбер ходит гулять со своей прислугой! Это было странно, но, может быть, бедняк хворал. Андре стало жаль его. Дядя Гюбер был уже немолод. У него свои странности; следует быть снисходительным к нему. Одинокое существование помutilo слегка его разум.

Андре медленно возвращался назад. Он задумался. Он так же, как и дядя Гюбер, будет жить один, так как он тоже не женится. Это было ему ясно. Но домик, в котором он будет жить, не будет

находиться в Сен-Манде. Он представлял его себе где то очень далеко, может быть в Китае. Ему казалось, что он видит его на берегу большой желтой реки, пересекаемой причудливыми мостами, под которыми будут проходить большие пузатые джонки с соломенными парусами. К его загнутой крыше будут повешены колокольчики. Из окна будут видны рисовые поля, пагоды с лаковыми стенами. Он будет ударять в гонг для того, чтобы позвать слугу, который будет приносить ему чаю, трубку с табаком или опиумом. Тогда в его грезах прошедшее станет ему казаться далеким, крошечным и как бы в миниатюре зарисованным в его памяти. Он снова увидит дядю Гюбера, отца, мать, тетку и людей, которых он знал, и своих друзей, и Древе, и Берсена, и Алису Ланкери, и госпожу де Нансель. Он увидит ее такою, какою видал ее вечером на обеде, открывающею лаковый ящичек, в котором находились ее папиросы и на крышке которого были изображены камыши и рогатая луна; в том же бледно-зеленом шелковом платье, украшенном у лифа розами, или же, как в магазине, склонившеюся над любовною кроватью, которую показывала им загадочная продавщица.

Обедая с отцом, Андре ни слова не рассказал о своей прогулке в Сен-Манде. Едва выйдя из за стола, господин Моваль снова принялся за работу. Андре пожелал ему покойной ночи, захватил ключ и ушел. Он отправился в Jardin de Paris. Селина пришла лишь к десяти часам. Они прошлись немного

вместе. Андре был беспокоен. Селина посмотрела на него, смеясь.

— Тебе хочется домой, не так ли?

Он кивнул головой в знак согласия. Когда они вышли из сада, он предложил нанять экипаж. Селина предпочитала идти пешком. Они медленно пошли вверх по Елисейским Полям. Селина говорила. Она бросила натуру. Что это за ремесло? Десять франков за сеанс, плевать на него!.. Не то, чтоб она любила деньги из за них самих, но жизнь ведь так дорога... А что подельывает Берсен? Ей передавали, что он живет с какой то:

— Я видела у него раз — когда ходила туда за брошкой, которую забыла, его женьщину. Она показала мне порядочной кривлякой, но, знаешь, она — хитрая. Она женит его на себе, ты увидишь!

Между тем они поднимались по лестнице, ведшей на антресоли, где жила Селина. Они были встречены лаем маленькой собачки. Селина сначала принесла ей блюдо молока, которое она поставила в ногах постели, потом стала раздеваться.

— Не сердись, вот и я. В котором часу ты должен вернуться домой? Ключ то у тебя есть, по крайней мере?

Окно осталось открытым. Была прекрасная летняя ночь, теплая и тихая. Смолистый запах деревянной мостовой проникал в комнату. Ветерок колыхал порой занавеску, и собаченка с лаем бросалась к ее складкам. Иногда раздавался шум фиакра, ехавшего шагом, и в нем различался железный стук

копыта. Гудел велосипедный рожок, голоса слышались так близко, что могло показаться, что они на улице. У девушки было красивое тело, но красота эта была здоровая, без утонченности, как и ее лицо. Андре задумался. Ах, это была не та любовь, которой он желал теперь, не та нежная, страстная любовь! Селпна не была любовницей, в настоящем смысле слова. В ней не было ничего необыкновенного, таинственного. «То, что она дает», — думал Андре, — «я всегда найду у всякой женщины». И он призывал иные тела, иные лица, которые рассеивались в его воображении, как только он мысленно разделял с ними то же наслаждение.

ХIII

Когда господин Моваль, провожавший сына на вокзал, сделал ему последний прощальный знак, и когда поезд тронулся, Андре испытал странное ощущение. Первый раз в жизни он был один и вполне волен в своих поступках, волен ехать, куда ему захочется, и останавливаться, где ему вздумается. Хотя эта свобода была ограничена маршрутом и сроком билета, но эта помеха как то совсем не чувствовалась. В нем преобладало сознание независимости. В Нанте, при первой его остановке, ему придется выбрать себе гостинницу, заказать обед. Как бы он не забыл чего нибудь, выходя из вагона. Одним взглядом он удостоверился, что его чемодан был на месте, в сетке. Порывшись в бумажнике, он убедился в наличии багажной квитанции. В кармане он нащупал свое портмоне. После этого, он потянулся, закурил папиросу и стал смотреть через окно вагона. Пейзаж показался ему неинтересным. Он будет таким же до Блуа.

Андре зевнул. Он чувствовал себя усталым. Эта усталость происходила, вероятно, от вчерашнего вечера. Он поздно вернулся от Селины, но отец, к счастью, не заметил этого. Из за Селины не стоило бы переносить неприятностей. Он равно-

душно вспоминал об этой девушке. Может быть, было бы забавно взять ее с собой в Бретань. Она все таки была красива, но у него не было средств, чтобы путешествовать с любовным приключением. При слове «любовное приключение» он улыбнулся. Бедная Селина, легкость победы над ней не заслуживала такого громкого названия! Сон окончательно овладевал им. Ему следовало бы купить книгу для дороги...

В Обре, в его купэ вошли два господина... Показалась Луара. Теперь он не расстанется с нею до самого Нанта. Он снова увидит ее в Амбуазе, в Туре, в Сомиюре, в Анжере.

Амбуаз напомнил ему об Антуане де Берсене. Господин Моваль позволил своему сыну остановиться на возвратном пути у Антуана. Из Люссо Андре с художником осмотрят Турень. Они отправятся в Шамбор, в Шомон, в Шенонсо, в Юссэ. Они будут любоваться великолепными украшениями старинных туренских жилищ, их царственными каменными постройками, изваянными утонченным гением старой Франции! Но хотя Турень и пользуется в этой области справедливым преимуществом, существует, тем не менее, в остальных французских провинциях немало прелестных жилищ, в роде Буамартена, соблазнительный вид которого ему прислала госпожа де Нансель на открытом письме, полученном утром в день его отъезда, и которое он бережно вез с собой. Значит, молодая женщина помнила о нем, раз она прислала ему на этом куске

картона несколько любезных слов! Андре повторял их про себя. Он подыскивал ответ на них. Когда ответ будет найден, он выберет какойнибудь живописный вид Бретани, в которую он направлялся. Он колебался, ответить ли ему также простой открыткой или написать настоящее письмо, в котором он красноречиво и в округленных фразах опишет море, утесы, побережье, всю поэзию древней гальской земли, и которое он положит, как благоухающий букет, к ногам владельницы Буамартена.

Прибытие в Нант прервало грезы Андре. По правде сказать, он совсем не испытал того впечатления, которое он ожидал. Нант разочаровал его. Гостиница, где он остановился, показалась ему унылой. Так вот что такое путешествие! В этом нет ничего опьяняющего и трудного. Все тут заранее распределено. Все приводит вас туда, куда вы захотите отправиться. Как только вы выезжаете, вы словно покоряетесь какойто системе цепных колес, которые двигаются сами по себе, так сказать, автоматически, механически. И можно проехать на край света, не встречая помехи, неожиданности, опасности!

На другой день, в Сен-Назере, пароход, который он осматривал, укрепил в нем это чувство. И там тоже все было прилажено, все было размерено, начиная с машин и кончая расположением кают. Повсюду были надписи, номера. Самая огромность этого крупного сооружения исключала мысль об опасности. Чтобы оно возбудило какоенибудь чувство, нужно было представить его себе на

морском просторе, кидаемое волнами, покрытое брызгами, нужно было разбудить его заснувшие борта, мысленно оживить его движением винта. В порту, в гавани оно казалось лишь огромным пустым отеком, унылым, как все покинутые места. Ему не доставало громыхания котлов, морской качки, свистка сирены. И тем не менее Андре не мог насмотреться на этот пароход. Когданибудь он уедет на одном из ему подобных. Каким будет этот день? Будет ли он себя чувствовать грустным или веселым? Будет ли он плакать? Или смеяться? Будет ли он полон надежды или сожаления? Он покинет близких людей, может быть, любимую женщину... Или, быть может, он равнодушно уедет, утомленный своей скучной жизнью, с жаждой новых видов, новых переживаний?

Перед отъездом из Сен-Назера он купил открытое письмо, изображавшее П а р а г в а й, судно, потерпевшее в предшествовавшем году крушение у берегов Южной Америки и пошедшее ко дну со всем экипажем и пассажирами. Андре часто слышал от отца об этой ужасной катастрофе. Господин Моваль подробно и строго обсуждал это дело. Подобных событий Мореходное Общество не знавало.. На карточке Андре написал несколько слов, относящихся к несчастному случаю, и послал картинку госпоже де Нансель. Быть может, получив ее, она растрогается над возможной участью того, кто был ее гостем в продолжение одного вечера. Кто знает, какова будет судьба молодого консула? Андре испы-

тывал бессознательное желание заинтересовать собою госпожу де Нансель. Он почти желал, чтобы во время его путешествия с ним произошел какой нибудь случай, рассказ о котором мог бы взволновать молодую женщину. И тихо, печально он проник в глубь тихой, печальной Бретани.

Он постепенно проникался грустью этой своеобразной страны, грустью, которая составляет ее прелесть и ее красоту, и сообщает ей величие. Она пропитала Андре своими горькими и сладкими благоуханиями. Она доходила до него отовсюду, спустилась с облачного и солнечного неба, подымалась из жесткой и свежей земли. Море, утес, побережье придавали ей видимую форму. Он находил ее повсюду, эту бретонскую грусть — в деревьях, растениях, в облаках, в освещении, в предметах, в существах! Лодки уносили ее с собой на воду, склонив по ветру свои паруса. Андре читал ее в струе за кормою, так же как и в колеях дорог. Он слышал ее в колокольчиках стада, в церковных колоколах. Он встречал ее в деревенском уединении, на сельских улицах, на портовой набережной, на оконечностях мысов, в городах, посвящих хрипые и таинственные названия, которые привешивают на шею своеобразной страны четки из звучных, вещей и чуждых бус-слов.

Таким-то образом, в состоянии какого то сурового восхищения, Андре узнал Круазик с его солончаками, Геранду с ее старыми башнями, Ванн и его Морбиган с сотнею островов, Орэ и его речку, Ки-

берон и Лориан, и Кемперлэ, где протекает Лета, и Белль-Иль с суровыми утесами, и Кемпер. Дуарненез и Одиери с его бухтами и Раз, врезающийся в волны своей огромной шпорой. Ему казалось, что он находится в какой то таинственной стране, из которой он вернется с новой душой. То существо, которое странствовало здесь, не имело ничего общего с Андре Мовалем, посылавшим ежедневно своей семье подробности своего путешествия, рассказывавшим о маленьких событиях, продолжавшим в своих письмах жить своей прежней жизнью...

В Дуарненезе он нанял экипаж для того, чтобы поехать в Морга, где он хотел осмотреть морские гроты, пещеры которых скрыты в скалах, и куда можно проникнуть только на лодке, но было слишком поздно. Пришлось отложить посещение до следующего дня. На сегодня ему надо было удовольствоваться прогулкой по берегу. Когда он пришел туда, был час отлива. Свободно и широко расстился песчаный берег, усеянный бесчисленными маленькими раковинами цвета малины и розы, хрустевшими под ногами. Бесспорно, этот длинный и выгнутый берег Морга был красив, но он видал уже не менее красивые берега. Он видал такие же прекрасные дни, как тот, что приходил к концу, и тем не менее, он испытывал сейчас какое то странное ощущение. Вдруг он остановился. Он слышал среди молчания, как сырая почва оседала под его подошвами, и неожиданная мысль пронизала его ум. Эта мысль не удивила его. Она давно таилась в нем,

но почему же он выразил ее в первый раз? Ну, да, он любит госпожу де Навсэль! Но она никогда не узнает об этом. Для нее навсегда останется неизвестным, что на этом затерянном морском берегу, на закате дня, он в первый раз признался себе в своей любви... Андре пристально смотрел перед собой на свою дожившуюся при солнечном закате, увеличившуюся и уменьшившуюся тень, и его охватывало внезапное, неопределимое и сладостное желание расплакаться, над ухом одной из тех бесчисленных красных раковин, в каждой из которых жило не приметное эхо моря...

XIV

Антуан де Берсен поджидал Андре Мовалиа на вокзале, в Амбуазе.

— Я в восторге от того, что вижу тебя, старина! Надеюсь, что пробудешь у нас долго. Да к тому же, я уверен, дом тебе понравится. Он такой прелестный и потешный. Вот что, дай свою багажную квитанцию извозчику. Что до нас, то, если ты не устал, мы пойдем в Люссо пешком. Бретань сделала из тебя, верно, хорошего пешехода. Но раньше я должен исполнить одно поручение в Амбуазе... Вот, пойдем сюда.

Покинув вокзал, молодые люди вошли в предместье, ведущее к мосту через Луару. Когда они вошли на плотину, перед ними предстала красавица река. Она протекала по песчаному руслу, огнивая длинные зеленые острова. Мост перехватывал ее своими арками. В конце узкой каменной дороги красовался город своим рядом старых домов, над которыми возвышалась громада его замка. Было около четырех часов. Тонкий и блестящий свет разливался по пейзажу. После бретонских суровости и грусти Андре чувствовал прелесть этого кроткого и умеренного величия. Он испытывал как бы облегчение всего своего существа. Переход по мосту

показался ему бесконечным и восхитительным. Он прислушивался к шуму своих шагов; под его подошвами скрипели песчинки, приносимые ветром с берега реки. Вдруг он вспомнил о песчаном морском берегу в Морга.

Острая мостовая на улицах Амбуаза рассеяла его грезы. Дома, между которыми они шли, как и весь город, имели благородный, сонный и ленивый вид. Антуан де Берсен остановился перед мелочной лавкой. Витрина была закрыта шторами. Они вошли. Магазин был пуст. Антуан постучал о пол своей тростью.

— Ах, ты узнаешь жителей Амбуаза. Им лучше не продать, лишь бы не беспокоиться. Когда ктонибудь указывает им на их инертность они лукаво усмеваются. Оказывается, таково действие климата. Здешние образованные люди приводят выражение Цезаря о туренцах из его Комментариев: *Molles Tigones...* Здравствуйтесь, мадемуазель!

Показалась особа с приятным, но сонным лицом. Антуану нужен был тюль для вуалетки. Когда сверток был завязан, Антуан вынул из кармана двадцати-франковую монету. Барышня посмотрела на нее и сказала:

— У меня нет мелочи.

Она отдала обратно монету Антуану де Берсен.

— Мелочи... но не можете ли вы достать ее?

Продавщица посмотрела на него с глубоким изумлением.

— Вы мне заплатите в другой раз.

Антуану стало смешно.

— В другой раз! да вы же не знаете меня.

Торговка, казалось, слегка пробудилась.

— Ах, сударь. Госпожа де Берсен часто приходит из Люссо покупать у нас.

Рука Антуана де Берсена сжала слегка ручку трости.

— В таком случае, как хотите, мадемуазель. Я беру тюль.

Выйдя на улицу, Антуан прошел несколько шагов молча:

— Ты понимаешь, дорогой мой, в провинции «госпожа де Берсен» звучит приличнее... и это ни к чему не обязывает. Не следует понапрасну прекословить женщинам... Пойдем, мне нужно поговорить с книгопродавцем.

Книгопродавец, господин Тюссон, торговал также писчебумажными принадлежностями и детскими игрушками. Антуан спросил несколько романов, между прочим, и последний роман Жака Дюмена, но их не оказалось у господина Тюссона. Антуан написал заглавия на листке своей записной книжки. Господин Тюссон тоскливо посмотрел на него.

— Так вам, значит, нужно все это!

Андре засмеялся, Антуан сделал утвердительный знак, но господин Тюссон оставался серьезным и испуганным.

— Не возьмете ли вы лучше Бальзака, это чтение больше подходит к нашей стране... Ну, что ж,

вы получите свои книги в конце недели, господин де Берсен.

Теперь молодые люди находились на небольшой площади, с одной стороны которой возвышалась огромная крутая грозная стена, на вершине которой находилась абсида часовни. Антуан указал на нее концом трости.

— Не хочешь ли подняться на минутку в замок? У нас достаточно времени.

Они стали подниматься по довольно крутому откосу, который вывел их через сводчатый подземный проход на площадку. Это была обширная земляная насыпь, поддерживаемая стенами и основаниями башен замка. Она была засажена деревьями, украшена цветочными клумбами. Они прошли возле часовни. Антуан показал Андре на изваянных на фронтоне охотника, его собаку и оленя с крестом между рогами.

— Она посвящена святому Гюберу... Там виднеется Кло-Пюсэ, где умер Леонардо да Винчи.

Антуан прислонился к перилам площадки.

— Ах! какими они были сильными, эти старые мастера! Вот он знал все, был живописцем, ваятелем, химиком, философом, инженером, колдуном, и при всем этом, отличным наездником. Он умел нарисовать лицо, построить крепость, выковать меч, составить краску, стрелять из лука, ездить верхом. Он был живописцем, как святой Лука, чародеем, как Симон Волхв, охотником, как святой Гюбер... Тогда как теперь мы кладем всю нашу жизнь на

то, чтобы научиться проводить прямую линию или подбирать два тона. Раньше искусство было всем, мечтой и жизнью; теперь, чтобы быть художником, нужно отказаться от жизни. Ах! наши способности стали ничтожными. Пойдем в городской сад.

В городском саду стояли деревья, рассаженные в шахматном порядке. Внизу у стены, одетой в этом месте огромным плющем, теснились крыши на берегу реки. Слева и справа видно было, как она переходит в двойной горизонт. Вода разрисовывала песок излучинами.

Впереди, за тополями, за полями, за лугами, под голубым и ясным небом, виднелись холмы, покрытые домами. Антуан и Андре сели на скамью. Антуан закурил свою трубку; Андре — папиросу. Они курили молча. Дым рассеивался в неподвижном воздухе. Стояла прекрасная и тихая пора. Антуан нарисовал концом своей трости чье то лицо на песке. В уме Андре, по мере того, как его друг выводил на песке черты, вставало лицо, волновавшее его мысли. Горизонт наполнился для Андре новым смыслом. За теми холмами, которые он видел, там далеко, протекала Луара... Луара... и он думал о том Буамартене, где жила госпожа де Нансель. Была минута, когда он совсем собрался заговорить о ней с Антуаном де Берсеном, но он не сделал этого из стыдливости. Он удовольствовался тем, что наслаждался тайным присутствием любимого образа. Он делал более прелестным для него этот висячий сад,

который, словно корзинку, поддерживали старые исторические камни замка.

Начинались сумерки, когда они дошли до первых домов Люссо. Они прошли вдоль Луары и смотрели, как она сверкала, при заходящем солнце, меж своих песков, ставших пурпурными. Высокие ореховые деревья обрамляли дорогу, от которой подымалось нечто в роде населенного крутого берега. Там в скалах были вырыты кельи, частью покинутые, служившие погребями, частью еще обитаемые. Антуан указал Андре на дорожку, которая извивалась вдоль утеса.

— Теперь нам нужно подниматься, но успокойся, Мы не живем в одной из таких пещер.

Дом Антуана де Берсена находился на верху скалы. Это была старая одноэтажная постройка, крытая черепицами. Странный сад был расположен тремя лежавшими одна над другой площадками, из которых на последней, совсем крошечной, была лишь одна кривая смоковница. Отсюда открывался восхитительный вид на Луару, над которой подымался тонкий серп луны. Собака Антуана, спавшая под смоковницей, прибежала. При ее лае открылось одно из окон дома. Андре узнал Алису Ланкери. Он поклонился ей. Антуан закричал.

— Сойди же, Алиса, вот Андре.

— Сию минуточку, я еще не завилась. Здравствуйте, Моваль.

Антуан пожал плечами. Завивка имела в жизни мадемуазель Ланкери преобладающее значение. Ее

настроение зависело большею частью от состояния ее локонов. Она ценила красоту какого нибудь дня лишь с точки зрения сухости или сырости воздуха, благоприятного или нет для сохранения ее прически.

В тот вечер мадемуазель Ланкеро была в прекрасном настроении, а прическа ее — поразительна. Поэтому обед прошел очень весело. Он был превосходен и к тому же являлся для Андре приятной переменой после кухни бретонских гостиниц. Алиса за всем следила, и Андре заметил, что она не на шутку разыгрывала роль хозяйки дома. К нему она настойчиво обращалась:

— Возьмите же еще жаркого, Моваль.

При имени Моваля, часто повторяемом, старая служанка, подававшая к столу, становилась внимательной. Она смотрела на гостя, как будто бы ей хотелось спросить у него о чем то. Впрочем, она бесцеремонно вмешивалась в разговор. Когда Андре сделал комплимент Алисе по поводу одного из блюд, старуха принялась уверять, что у мадам поразительные кулинарные способности. Антуан согласился. Андре знал, что Берсен — лакомка, и понял, что Алиса привязывала его к себе, потворствуя его склонности к вкусной еде. Антуан потолстел со времени своего пребывания в Люссо.

После обеда все уселись на террасе. Луна блестяла на ясном небе. Легкая сырость пронизывала ночной воздух. С Луары подымался туман. Алиса с непокрытой головой покачивалась в кресле-качалке.

— Так вы больше не боитесь, что ваши волосы разовьются? — сказал ей Андре.

— Да нет же, мой день окончен, и, вы знаете, здесь мы ложимся рано. Это настоящая деревня...

Когда Алиса удалилась, Антуан остался еще некоторое время на террасе. Когда он выкурил свою трубку, он выколотил пепел из нее о каменные перила, поднялся и протянул руку Андре.

— Ну, старина, покойной ночи! Я рано встаю. Ах, дело не в том только, чтобы смаковать стряпню Алисы, нужно работать! Я оставляю тебя, если тебе хочется еще подышать свежим воздухом. Ты знаешь дорогу в свою комнату. Покойной ночи!

Андре проводил его взглядом. Во всех окнах дома, кроме комнаты Алисы, было темно. Андре увидел как на занавеске обозначилась тень. Антуан де Берсен пошел к своей любовнице. Андре это несколько не раздосадовало. Он любил свое одиночество. Пусть он одинок, но в его сердце живет большая любовь! Что ему до удовольствий других, разве его наслаждение не бесконечно благороднее, будучи скрыто от всех? Тем не менее, по какому то чувству скромности, он перестал смотреть на освещенное окно, за которым свет медлил угасать.

Он встал, спустился по грубой лестнице, ведущей к второму выступу, потом сел под смоковницей, сгибавшей свои ветки, сквозь которые показывалась луна, топерь высоко стоявшая. Что то задвигалось в тени дерева, и Андре почувствовал на своей руке

ласку влажного и горячего языка, а из лохматой головы на него дружелюбно смотрели два прекрасных глаза. И он долго сидел таким образом под серебристым деревом, запустив пальцы в шелковистую шерсть сеттера.

XV

Антуан де Берсен подошел к Андре Мовалю с письмом в руке.

— Я писал твоей матери, чтобы успокоить ее на твой счет. На, прочти.

Андре поблагодарил художника. Госпожа Моваль писала ему из Варанжевилля, чтобы выразить ему свою благодарность за сердечное гостеприимство, оказанное им ее сыну. С тех пор, как она знала, что Андре находится в настоящем доме; она менее беспокоилась, чем когда он бегал по дорогам Бретани. Конечно, она сожалела о том, что ее мужу пришла мысль об этом путешествии, совершенном, впрочем, без несчастных приключений. Господин Моваль, наоборот, радовался своей выдумке. Андре вернется в Париж немного более самостоятельным, Он был также доволен пребыванием Андре у его друга Берсена, так как здоровье госпожи де Сарни не допускало присутствия молодого человека в Варанжевилле. К тому же в Люссо, судя по письмам, в которых он регулярно давал о себе известия, он, кажется, вел очень здоровую жизнь.

С самого утра Антуан де Берсен уходил, взяв на плечо мольберт и ящик с красками. Иногда Андре сопровождал его. Часто он оставался под

смоковницей, читая или мечтая. Около полудня выходила Алиса. Утро она проводила в своей комнате, занимаясь туалетом или говоря о рецептах кушаний с тетушкой Коттенэ. С Андре она подолгу рассуждала о своих нравственных и физических достоинствах или о том времени, когда она была в монастыре в Блуа, под высоким надзором ее тетушки, мадемуазель Могон, лауреата Академии. Алиса равно гордилась сама собой, своим воспитанием, своей семьей. Ланкеры были, по ее словам, людьми стоящими выше своего положения. Превратности судьбы, сделавшие из господина Ланкеры-отца скромного страхового агента, не помешали ему иметь дядю, служившего в таможенном ведомстве. Ланкеры были даже сродни одному дворянскому семейству, де ля Лоранжер, у которого Алиса отделяла частицы де и ла с некоторым подчеркиванием.

Андре благоразумно решил покорно выслушивать рассказы Алисы и обходиться с ней, как с хозяйкой и владелицей дома. Хотя он знал, что то, что ему часто рассказывала Алиса, было неправдой, но он не обнаруживал никакого недоверия и остерегался малейшего намека на события, заставившие эту деву перейти от почтенного очага семейства Ланкеры на постель Антуана де Берсена. Поэтому они очень мирно уживались. Он спрашивал себя иногда считает ли его мадемуазель Ланкеры простаком, всецело доверяющим ее рассказам. Нет, было мало вероятным, чтобы такая особа, как Алиса, не лишенная ни хитрости, ни ума, могла обманываться такой

надеждой, но вежливое согласие Андре давало ей иллюзию, будто ее принимают за то, за что она желала, чтоб ее принимали, и эта иллюзия льстила ее тщеславию и удовлетворяла ее потребности в уважении. Она была очень любезна по отношению к Андре. Антуан, возвращавшийся завтракать, находил их разговаривавшими под смоковницей. Антуан часто опоздывал. Алиса обижалась, не столько на само опоздание, сколько на то, что Антуан был так не ревнив и оставлял ее так долго наедине с Андре.

Завтракали; затем, пополудни, все вместе шли гулять. Антуан захватывал свои альбомы, свой ящик с красками. Алиса шла следом за ним, с зонтом в руке. Они располагались таким образом гденибудь в поле, под защитой какойнибудь изгороди, на опушке какогонибудь леса, но чаще всего они спускались к Луаре. Антуан де Берсен обожал ее песчаный и водяной пейзаж, ее луга, окаймленные ивами и тополями, заливаемыми ею в половодье, после которого она оставляет за собой светлые лужи, называемые в этой стране «буарами». Пока он работал, Андре и Алиса отдыхали. Иногда они разувались для того, чтобы пройти к одной из песчаных мелей, которые обходит река в своих излучинах, Бегущая вода тихо шепчется вдоль этих голых островков. Часто Андре выбирал себе более отдаленный из них, куда Алиса боялась пускаться. Там он растягивался во весь рост на нежном, теплом от солнца песке и предавался мечтам.

Мысль о госпоже де Нансель наполняла его душу нежностью и печалью. Она казалась ему одновременно и очень близкой и очень далекой. Что она делала? Может быть, она сидела, как и он, у воды? Он думал об открытке, которую она ему послала и которую он хранил прищипленную к стенке его комнаты. На открытке был виден замок Буамартен, смотрящийся в Луару. Тихая река, казалось, отделяла госпожу де Нансель, держала ее в плену за своим текущим поясом. Андре вздыхал.

Он перебирал в своей памяти те немногие воспоминания о ней, которые у него были: встреча в магазине мадемуазель Ванов, визит у госпожи Моваль, обед на улице Мурильо. Это было все, — да, но у него была уверенность в том, что он любит. Присутствие в нем этого чувства погружало его в томность, полную неожиданностей и неги. Порой он удивлялся самому себе. Он сознавал в себе нечто очень красивое и драгоценное, которое было любовью. Он как то гордился тем, что он один владел своей собственной тайной. Мысль о том, что он мог бы доверить ее Антуану де Берсену, заставила его покраснеть; но если он и наслаждался эгоистически своей любовью, он также и страдал от нее, так как сознавал, что осуществить ее для него было невозможно.

За исключением таких минут упадка духом, часы протекали для него с какой то сладостной печалью.

Несколько прогулок нарушило ленивое однообразие этих прекрасных дней. Берсен захотел показать

своему другу замки Турени. Сначала они отправились в Шомон, в серенький день, когда вся окрестность казалась летучей и готовой рассеяться. Одна только тяжелая громада замка казалась стоявшей крепко. Вид, открывавшийся с террасы, производил такое впечатление, будто бы он был нарисован на каком то воздушном тюле, который вот вот разорвется при малейшем ветерке, и обрывки его смешаются с облаками. За этим призрачным горизонтом должен был скрываться другой, более реальный, одно лишь изображение которого виднелось сквозь туманный покров.

В солнечный день они увидели Шенонсо, сидящий верхом на своей реке, как паладин на турнире; они осмотрели Аза, склонившийся над водой и славный Юссэ. Они посетили Монтрезор и Лош. Его суровая четырехугольная башня пленяет взор своим строгим на половину разрушенным величием. Вокруг башни громоздятся развалины королевской крепости. Она наполнена уступами, подземными темницами, тюрьмами. Сторож провел Антуана и Андре в тюрьму, где жил Людовик Сфорца. В течение долгих лет своего плена, Моро работал над стенами и низким сводом темницы с трагическими терпением и изобретательностью. Он обратил ее как бы во внутренность затейливого миланского сундучка. Он раскрасил камень фигурами, аллегорическими изображениями, девизами, арабесками, загадками и надписями. В этой могиле заживо погребенного, все четыре стены оставались живыми и говорили языком

своей надежды и своей тоски. Их мрачное красно-речье трогало; Андре вообразил себя замкнутым, по какому нибудь капризу судьбы, в этом саркофаге. С преувеличением, свойственным молодости, он не смотрел бы на это заточение как на большое несчастье. Присутствие его любви заменило бы ему свободу!

Точно так же, как в Лоше он под землей вызывал ее образ — повсюду, куда он ни шел, Андре вел с собой госпожу де Нансель. Он охотно присоединял ее к прошлому. Он смелее думал о ней, когда не смотрел на нее, как на реальную женщину, но как на тень, которую он одушевлял по собственному желанию. Таким образом она легче укладывалась в его любовный бред. В этих прекрасных местах он водил за собою другую госпожу де Нансель. Одетая в благородные ткани, украшенная старинным головным убором, она подымалась по высоким лестницам, переходила через обширные залы, облокачивалась на перила террас. Перед этим пышным и далеким образом он не испытывал той робости, которую переживал, вспоминая тонкое и нежное лицо молодой женщины во всей его реальности.

Антуан показал также Андре Блуа и Шамбор. Алиса, не раз отказывавшаяся, из лени или из упрямства, от таких прогулок, захотела участвовать в этой. Она воспользуется путешествием в Блуа, чтобы посетить свою тетушку, мадемуазель Могон. Со времени примирения с семьей, Алиса Ланкери переписывалась со своей теткой. Она сделает ей

визит, пока Антуан и Андре отправятся одни в Шамбор. Мадемуазель Могон благосклонно согласилась на это. Конечно, положение ее племянницы было еще очень неправильным, но добрая дева смутно надеялась на дальнейшее. Поэтому, узнав от своей сестры, госпожи Ланкеры, что молодые люди желают провести лето в Турени, она велела указать им на домик в Люссо. Алиса хотела поблагодарить мадемуазель Могон за указание им жилища. Для этого семейного обряда она надела свое самое простое платье и свою наименее разукрашенную шляпу; она уменьшила также свою завивку. В продолжение всего пути она оставалась важной и натянутой, и Антуан не мог удержаться от хохота, когда Алиса оставила их, направившись к пансиону тетюшки Могон. Они должны были встретиться с Алисой на вокзале, к поезду, отходящему в шесть двадцать обратно из Шамбора.

Когда экипаж, который их вез, переехал мост через Луару, они очутились в заурядной деревне: обработанные поля, луга, фермы, тут и там села, вся местность, лишенная живописности и остававшаяся такой до высокой стены, окружавшей королевское поместье. Вход в него был обозначен грубыми воротами. Старая лошадь бежала рысдой. Направо и налево от дороги рос лесок. Вдруг Андре поднялся и вскрикнул от удивления.

В конце просеки показалось причудливое здание, еще далекое и маленькое. Обширный и странный, унизанный колоколенками, выделявшимся на ясном

небе, своеобразный замок выросал по мере того, как они приближались, и яснее виднелся в своем величественном целом и в своих поразительных частях. Если и снаружи получалось впечатление фантастического, то древнее жилище это казалось еще более необычайным, когда проходили по его бесчисленным и пустынным залам, по пустым галереям, по двойным винтовым лестницам, заключенным во внутренних башнях, по звучному, безвыходному и пустому лабиринту. А на самом замке был расположен другой лабиринт, на этот раз воздушный, и над ним возвышался знаменитый Фонарь, казавшийся волшебным жилищем гения Игривости. Он то и заставил вырасти из этой плоской, лишенной красоты земли это дивное и химерическое чудо, которое как будто пригрезилось какому нибудь честолюбивому Мальчику-с-Пальчику, чтобы украсить им сны Спящей Красавицы или чтобы преподнести его в виде свадебного пирога Иванушке Дурачку, жениху Прекрасной Царевны.

Когда они вернулись на вокзал в Блуа, Алиса поджидала их в зале первого класса; у нее было напухшее лицо и разъяренный вид. Они едва успели сесть в поезд. Когда они были в вагоне, Антуан спросил Алису:

— Ну-с, как же сошел визит к тетушке Могон? Алиса Ланкери сделалась красной, как пион.

— Это — старая шлюха!

Она дала себе клятву сдержаться, но ее гнев и досада были сильнее ее решения. Андре с удивле-

нием рассматривал взбешенное лицо Алисы, которая продолжала:

— Да, дорогой мой, представь себе, приезжаю я в пансион, спрашиваю ее; и вот мне говорят, что, если я — та дама, которую она ждет, то мне следует идти к госпоже директорше в маленький садик при замке... Да, голубчик, на вольном воздухе, вот где она дала мне аудиенцию! На вольном воздухе, как будто бы у меня чума! Мое присутствие могло бы ее скомпрометтировать в пансионе. Понимаешь, в моем положении, и пошла, пошла!.. Мне хотелось плюнуть ей в лицо, но я — благовоспитанная особа! А ну ее, эту тетку Могон, плевать мне на нее! Чтоб ей...

И Алиса Ланкери крепко выругалась. Антуан де Берсен насмешливо смотрел на нее:

— Ах, спасибо, Алиса, я вновь обрел тебя. Ты становилась слишком приличной, моя девочка; ну, облегчай свою душу, Андре не слушает.

Несмотря на разнообразные красоты Турени, несмотря на Шомон, Шенонсо, Лош или Шамбор, Антуан и Андре в своих прогулках предпочтительнее направлялись к Луаре. Она, в самом деле, придает характерность Турени. Луара служит выражением ее томной, тихой и утонченной красоты. Между Люссо и Монлуи был остров, который особенно любил Андре, и который назывался островом Голубя. Старый перевозчик возил туда на своей плоской лодочке. Этот остров был весь из песка. На нем росли ивы и вербы и какие то крупные зеленые

деревья, желтые цветы которых распространяли запах меда. Им был пропитан весь остров. Однажды Антуан, Андре и Алиса привезли туда свой обед. Когда они кончили, спустился свежий и тихий вечер. Антуан, насвистывая, удалился. Андре продолжал сидеть возле Алисы. Он все время молчал. Одна за другой, появлялись на темном небе звезды. Шагов Антуана не было более слышно. Андре задумался..

Вдруг горсть песку ударила его по одежде и голос Алисы произнес:

— Послушайте, дорогой мой, вы совсем не любезны с женщинами!

Она нервно рассмеялась. Андре наполовину различал ее в тени. Она лежала в песке, подложив руки под голову. Она продолжала:

— Помогите мне, по крайней мере, подняться.

Когда она встала, она прибавила:

— Нужно позвать Антуана. Я слышу, что за нами едет дедушка Луи. Я не собираюсь проводить ночь здесь.

В лодке Андре заметил, что Алиса преувеличенно нежно обнимала своей рукой шею Антуана.

XVI

Однажды утром тетушка Коттенэ, принесшая в комнату Андре Моваль его утренний завтрак, сказала ему:

— Неужели, мсье Андре, вы, взаправду, уезжаете на будущей неделе?

Андре подтвердил старухе, что он уезжает. Стоял конец сентября. В первых числах октября госпожа Моваль должна была вернуться из Варанжевиля, и Андре хотелось быть в Париже, чтобы встретить ее. Тетушка Коттенэ продолжала:

— Все таки мы скоро снова увидимся, господин Моваль. Господин де Берсен берет с собой в Париж меня в кухарки. Он привык к моей стряпне и не мог бы обойтись без нее. Я знаю, что барыня стряпает; но, между нами, эти молоденькие всегда воображают, что знают и то, чего не знают. Потом, я не прочь взглянуть, на старости лет, на Париж, тем более, что у меня там есть племянница, живущая на месте, и я совсем не буду лишней, чтобы присмотреть за ней немножко. На этот счет, мсье Моваль, я хотела бы вас кое о чем спросить.

Андре Моваль намазывал масло на свой поджаренный хлеб.

— Спрашивайте, спрашивайте, тетушка Коттенэ.

— Так, вот что, мсье Андре, дело в том, что моя племянница, по прибытии туда, поступила в услужение к некоему господину Мовалю. Не доводится ли он вам как нибудь, этот Моваль?

— Как сказать, тетушка Коттенэ, у меня есть дядя, который живет в Париже и которого зовут Гюбером Мовалем.

— Уж этого я не могу вам сказать. Все, что я знаю, так это, что тот господин живет в Сен-Мандэ.

— В Сен-Мандэ, так это — он, тетушка Коттенэ. Долго ли ваша племянница прожила у него? Хорошо ли ей там было?

Тетушка Коттенэ приняла таинственный вид.

— Еще бы, мсье Андре. Господин Моваль, оказывается прекрасный человек, такой чистенький, такой спокойный. Ах, он совсем не шумит. Добрую часть дня он употребляет на то, что прикалывает булавками маленькие флажки на географические карты, так как, в свое время, он был большим генералом... Но он рассказывал малютке, что вышел в отставку из за того, что ему причиняли гадости или несправедливости, как он говорил, и что с тех пор все было перевернуто вверх дном, и поэтому то в 1870 г. нас побили пруссаки.

Андре Моваль, не переставая есть свой намазанный гренек, едва удерживался от смеха. Он хорошо узнавал во всем этом военные мании дяди Гюбера. Осмелев, тетушка Коттенэ продолжала:

— Все это отлично, но вот грех то какой, бедный барин немного помешан...

Тетушка Коттенэ остановилась, но, видя, что Андре Моваль не опровергал, она продолжала.

— Да, он не в своем уме, и даже малютка, в конце концов, заметила это, когда он в один прекрасный день пришел к ней на кухню, надев на голову свое старое кэпи, и принялся строить ей всякие штучки. Полез с ней целоваться, чего уж! Малютка сначала смеялась, потому что она не какаянибудь нахапка. Но оказалось, что старичок не шутил! Вот оно дело то как было, мсье Андре!

— Вы убеждены в этом тетушка Коттенэ?

— Конечно, меня там не было, но ведь мужчины, знаете ли... Значит, дальше — больше, дальше — больше, так что она даже перепугалась и сбросила его кэпи на пол... При таких условиях она не могла больше оставаться на месте, но она не сердилась на него, бедняжку. Понимаете, это может с каждым случиться, раз девушка такая молоденькая, но в его то возрасте! Ах! вот уж верно был здоровым молодцом, это господин Моваль!

Андре Моваль задумался. Разоблачения тетушки Коттенэ сразу осветили для него домашнюю жизнь лядюшки Гюбера. Бывший военный не расстался окончательно со службой. Тетушка Коттенэ продолжала:

— Так, значит, этот старый безумец и есть ваш дядя!

И она прибавила в виде заключения:

— Это чудно, все таки; вы — такой кроткий, такой тихий и такой пайнька.

Тетушка Коттенэ умолкла для того, чтобы захватить понюшку табаку из своей берестовой коробочки с крысиным хвостиком:

— Да, ни малейшей шалости, настоящий маленький святой! Да взять хотя бы барыню — вы на нее и не посмотрели!

Тетушка Коттенэ насмешливо смотрела на Андре Моваля, который внимательно намазывал масло на другую тартинку.

— А ведь она красива, барыня то! да и ловка же, барину крепко она полюбилась. Бьюсь об заклад, что он, в конце концов, женится на ней.

Андре Моваль жестом выразил удивление.

— Вам церемониться нечего, мсье Андре. Всем известно, что они не венчаны. Уж как она ни вели называть себя барыней повсюду, обмануть никого не обманешь. Туренец то, ведь он хитер! Ну, я вам надоела, мсье Андре. Вот я и ухожу. Докушпвайте ваши гренки; ну, а все таки чудно, что существует два Моваля, так мало похожих друг на друга.

Андре Моваль сделался задумчивым. Таким образом становилось понятным странное существование дяди Гюбера, его отвращение к тому, чтобы приходили к нему в дом и мешали ему. Ах, он старый любезник! Эта склонность чудака к служанкам сильно развеселила Андре. Милый дядя Гюбер, у него осталось хоть это удовольствие в жизни! Что до того, что ему сказала тетушка Коттенэ об Алисе

и Антуане, то это были лишь сплетни и выдумки кумушки, но тем не менее Андре не мог не думать об этом продолжая откусывать свою тартинку. Ах, он не раз пожалеет в Париже об этом вкусном туренском масле...

Несколько дней спустя Антуан де Берсен и Андре Моваль пили после завтрака свой кофе на террасе. Алиса только что ушла к себе в комнату, чтобы переделать завитки, казавшиеся ей несовершенными.

Вдруг Антуан сказал Андре:

— Жаль, что ты уезжаешь, но я увижусь с тобой в Париже около 15-го октября, а оттуда я поеду в Италию. Я хочу провести зиму в Риме, а весну во Флоренции. Я не возвращусь раньше лета.

Он затянулся трубкой и продолжал:

— Да, старина... я пришел к этому решению вчера, пересматривая свои этюды... Они недурны, но им не хватает чего то... Я найду это, может быть, там, в Италии... Я нуждаюсь в размышлении и одиночестве. С моими знаниями успех обеспечен. У меня есть талант. Я смогу, если захочу, зарабатывать деньги, но торопиться некуда. У меня порядочное состояние. Папа откладывает сбережения для меня. Мне нужен не успех, а слава. Я всю жизнь поставил на эту карту. Только слава, ничего другого, потому что, видишь ли, любовь я упустил раз навсегда... Ты знаешь, каким образом... Я постараюсь сделаться настоящим большим художником. Поэтому я уезжаю. Меня ничто не удерживает, я свободен.

Он пристально взглянул на Андре Моваль:

— Да, свободен.

Андре робко сказал:

— Значит, ты не собираешься никогда жениться?

Антуан улыбнулся:

— Жениться!

Концом своей трубки он указал на дом, видневшийся сквозь ветки смоковницы:

— Ах, да!... на Алисе... Господин и госпожа де Берсен.

Он пожал плечами:

— Выслушай меня хорошенько, друг мой. Как мог ты подумать, что я когданибудь женюсь на этой особе? Ах, не потому, что она путалась до того, как сошла со мной, это бы мне не помешало. Если бы она была простосердечна, без всяких претензий, я, может быть, и не отказался бы, но на Алисе—никогда! Выйти замуж—для нее значило бы приобрести буржуазное уважение, удовлетворить свою жажду тщеславия, получить право кривляться в семье, обходиться свысока с тетушкой Могон! Ну нет, это я предоставляю другим. Впрочем, я готов помочь ей в этом. Я отошлю ее к родным и дам ей приличное вознаграждение. Я ее пообчистил, одел, я хочу дать ей приданое. Таким образом она легко найдет какогонибудь простака, который предоставит ей желанное положение и также возможность наставлять рога, ибо, когда она будет замужем, из нее выйдет очень приятная любовница. Адюльтер— вот ее призвание. Муж даст ей то общественное уважение, которым она бредит, а своему любовнику

она принесет то, что составляет сущность ее природы: свою опытность в наслаждении и свою развращенность, так как она порочна и чувственна. Так все будет великолепно. Я устрою все это до моего отъезда отсюда. Я уже написал тетушке в Блуа. Мы ведем переговоры, это добрая дама и я.

Он замолчал. На площадке гравий захрустел под чьими то ногами.

Антуан де Берсен снова набил трубку. Алиса спускалась по мшистым ступенькам, держа письмо в руке:

— Вот, Антуан, письмо тебе, и вам, Андре, тоже.

Андре поблагодарил Алису. Он видел, как в ее глазах появился злобный блеск, когда она рассматривала Антуана. Она, должно быть, слышала то, что говорил художник. Ее закушенные губы слегка вздрагивали.

Доканчивать день отправились на берег Луары.

Через день, накануне отъезда, Андре Моваль и Антуан совершили последнюю прогулку. Алиса отказалась сопровождать их, и оба молодых человека отправились одни. Они дошли до амбуазского леса. Стоял прекрасный день конца сентября, небо было затуманено, на деревьях показывались первые желтые листья. Они легко шагали на свежем воздухе. Возвращаясь, они прошли через Шантелу.

На берегу высохшего пруда возвышалась пагода. Она стояла, одинокая, причудливая и покосившаяся. Это все, что осталось от прежнего замка, вместе с одним из павильонов, указывавших когда-то вход

в парк. Андре и Антуан присели у пруда. Ветер шелестел там сухими камышами. Эти камыши, эта пагода вырисовывались на сером и тонком экране бледного неба, по которому скользят ласточки плели орнамент своими подвижными, окрыленными кружевами.

Андре Моваль был молчалив. Антуан коснулся его руки:

— О чем ты думаешь?

Андре качнул головой. Антуан поднялся. Рыжий сеттер, следивший за ним, радостно запрыгал вокруг него. Погруженный в мечты, Андре продолжал смотреть на пагоду. Он представлял себя далеко, далеко, по ту сторону морей в каком нибудь городе Японии или Китая, надолго сосланным в какую нибудь необыкновенную страну. Там также будут пруды с камышами, которые будут устремлять вверх свои острые и гибкие копыя. Тем не менее, он будет счастлив в своем далеком изгнании. Однажды вечером, таким же серым и покойным вечером, как этот, когда, прогуляв весь день, он вернется в свой экзотический домик и, улегшись на тонкие дыновки, приготовится зажечь в своей трубке для опиума черный трескучий шарик, войдет его желтый, желтый, как собака Антуана де Берсена, слуга и с церемонными поклонами доложит ему, что его спрашивает какая то дама. Он встанет с бьющимся сердцем и в стоящей у порога двери он узнает госпожу де Нансель. Между ними водарится долгое молчание, среди которого будет слышно, как ветер заставляет звенеть колокольчики на крыше,

и она бросится к нему на шею, радостно зарыдав. Она покинет все, чтобы приехать к нему, чтобы жить с ним всегда, так как она будет любить его...

Андре вздрогнул. Рыжий сеттер нежно лизал ему руку. Антуан издала манил собаку. Андре с усилием поднялся и провел рукой по глазам.

Ему казалось, что пагода шатается. О чем это он мечтал? Что это была за химера, более химерическая, чем самые китайские измышления? Завтра он будет в Париже. Будничная жизнь станет снова протекать в своем однообразии. Он опять увидит мать, отца, Древе, своих школьных товарищей. Ничто не изменится, ничто, кроме его самого. Лишь он один не будет прежним.

В душе его была тайна, тайна его любви.

Молодые люди медленно возвращались по сумеречной дороге. Запах осени подымался от земли и спускался с деревьев. Андре подумал, что скоро в Люксембургском саду посаженные в шахматном порядке деревья потеряют свои листья. И он вспомнил о том прошлогоднем осеннем утре, когда он встретился с Антуаном де Берсеном, писавшим этюд на площадке, откуда они видели, как прошли Марк-Антуан де Кердран и Жак Дюмэн, о том утре, когда он остановился перед фонтаном Медичи, любуясь обнявшимися нимфой Галатеей и пастухом Асисом.

Увы! будет ли он когда нибудь держать в своих объятиях ее, обнаженную и влюбленную, ее, чей образ больше не покидал его теперь?..

XVII

Андре испытал искреннюю радость, увидевшись после разлуки с матерью. Госпожа Моваль похудела от тяжелого лета в Варанжевилле. Госпожа де Сарни была требовательной и сварливой больной. Лишь теперь ей, наконец, было гораздо лучше. Что до Андре, то эти два месяца в деревне подкрепили его. Госпожа Моваль рассматривала его с восхищением и не могла наслушаться его рассказов о поездках по Бретани, о прогулках по Турени, о замках, которые он осматривал. Все это как бы возвышало сына в ее глазах, как будто бы он побывал в гостях у знаменитых людей. Господин Моваль, тот оставался спокойным, слушая рассказы о таких исторических посещениях. Все это было пустяком в сравнении с тем, что Андре увидит впоследствии, во время своих путешествий. Благодаря его решению, у его сына будет занимательная карьера. Впрочем, господин Моваль ненавидел бесполезных и праздных людей. Если ему случится когда нибудь уйти из Компании, он сумеет найти разумное занятие.

Говоря таким образом, господин Моваль намекал на дядю Гюбера. В продолжение этих двух месяцев, дядя попрежнему не давал никаких признаков жизни. Хотя господин Моваль и говорил, что он в восторге

от того, что отделался от брата, но, в сущности, он был оскорблен этим исчезновением, начинающим принимать вид окончательного разрыва. Разрыв этот наносил удар самолюбию господина Моваль. Значит, без него могли обходиться. Стало быть, есть люди, которым он не нужен! Убеждаясь в этом, господин Моваль испытывал некоторое сердитое удивление, скрываемое им под притворным; беспокойством. Вероятно, дядя Гюбер был болен, если поступал так. Его здоровье и так слабело за последнее время. Его бегство служило доказательством его помешательства. Все же было бы полезным следить за таким чудачком. В обедах по средам было хорошо то, что, благодаря им, было известно, по крайней мере, что чудачок поделывает. Тогда как теперь он может умереть в своем углу, и никто ничего об этом не узнает.

Андре колебался некоторое время, рассказать ли ему об его визите в Сен-Мандэ и о разговоре с тетусшкой Коттенэ, но он промолчал из чувства сдержанности. Имеет ли право человек открывать то, что он узнал случайно? Он стал уважать чужую тайну, с тех пор как имел свою собственную. Не раз уже имя госпожи де Нансель упоминалось в разговорах господина и госпожи Моваль. Госпожа Моваль получила в Варанжевилле несколько открытых писем в роде того, какое получил и Андре от госпожи де Нансель. В последнем письме она объявляла, что вернется в Париж к концу октября. Когда говорили о ней, Андре слушал, не произнося ни слова.

По какой то странной хитрости чувства, ему казалось, что он не испытывает никакого желания увидеться с нею. Ее образа, хранимого им в памяти, было достаточно для его грез. Он скорее боялся, чем желал, ее присутствия. К чему видеться с нею, как с обыкновенным человеком? Говорить с нею обо всяких пустых вещах казалось ему невозможным. Андре предпочтал, чтобы она оставалась далеко от него. Ее отсутствие избавляло его от необходимости признаться ей в своей любви. К тому же, как найти достаточно жгучие слова? Да еще, пожалуй, она будет смеяться над ним!

Андре Моваль не был самопадеян. Что было в нем такого, что заставило бы молодую блестящую женщину полюбить его? Его молодость? Его лицо? Он не считал себя безобразным, но не находил и красивым. Затем, если даже допустить, что ему удастся привлечь внимание госпожи де Нансель, будет ли это причиной, которая заставит ее думать о нем. Да и думала ли она о любви? Ничто не оправдывало предположения, что она неверна своему мужу. Правда, неравенство лет, существовавшее между ними, позволяло полагать, что она вышла за него замуж скорее по расчету, в силу стесненных обстоятельств, чем по прихоти или по привязанности. Да, но, решившись на это, разве она не нашла в подобном союзе преимуществ и удовольствий богатства и роскоши, которыми она дорожила? И Андре, вспоминая разговоры Антуана де Берсена о том значении, которое женщины придают обеспеченности

и правильной, легкой, налаженной жизни. Госпожа де Нанселль могла думать точно также и быть благодарной своему мужу за положение и обеспеченность, которые он ей доставлял. К чему станет она его обманывать? Потому что он был безобразен, а она красива? Андре Моваль не принадлежал к тем людям, которые убеждены, что у всякой красивой женщины есть любовник. К тому же ему было невыносимо представлять себе, что у госпожи де Нанселль могут быть исключительно чувственные похождения и та непринужденность, с которой его познакомили случайные женщины, которыми он обладал. Для особы с такими изысканными душою и телом, какие были у госпожи де Нанселль, любовь должна быть чем то совершенно иным, и то понятие, которое он себе о ней составил, содействовало увеличению в нем чувства трудности, с которой сопряжено достижение столь утонченных, столь изысканных милостей. Оставалась любовь платоническая. Андре был в том возрасте, когда она не удовлетворяет. Была еще нежная дружба. Она казалась Андре очень недостаточной...

Он, впрочем, думал о ней иногда, как о какой то последней надежде, не без горечи, но и не без приятности. Разве госпожа де Нанселль не сказала ему в тот вечер, на обеде: «Надеюсь, мы станем друзьями?» В этой перспективе была для Андре какая то соблазнительная прелесть. Но были ли те слова более, чем простою любезностью? Кроме того, по всем соображениям, это название друга казалось ему

в некотором роде неприемлемым, и как бы требовало с его стороны доли наивности. Самым лучшим было, следовательно, держаться вдали от госпожи де Нансель и ограничиться в своей любви печальными и страстными мечтами, которым он предавался все лето.

Он был не совсем несчастным...

Однажды, в конце октября, вернувшись из Бон-Марше, куда она ходила выполнить какое то поручение своей золовки, госпожи де Сарни, госпожа Моваль сказала в присутствии Андре господину Мовалю:

— Ах, да! Я встретила госпожу де Нансель. Она все расспрашивала меня о твоём здоровье, Александр, и о твоём то же, Андре. Она была прелестна. Сказала мне, что почти каждый день бывает дома после пяти.

И госпожа Моваль прибавила:

— Она знает, что ты, Александр, занят, но, тебе, Андре, следовало бы пойти к ней какнибудь. Ты должен ей сделать визит.

Андре сделал неопределенное движение. Госпожа Моваль не стала настаивать. Она купила для госпожи де Сарни по очень сходной цене несколько отрезков материй.

С этого дня Андре Моваль стал жить в тревоге. Удовольствие повторять себе, что, если он захочет, он на следующий день может видеть госпожу де Нансель, сменялось мукою, которою его наполняла мысль об этом посещении. Войти в гостиную

госпожи де Нанселль — ему казалось поступком, сопряженным с непреодолимыми затруднениями. Да и узнает ли она его? Он дважды выходил из дому, поставив себе целью покончить с этой мучившей его нерешительностью. В первый раз он прогулял час по парку Монсо; во второй — он отправился к госпоже Жадон.

Эта добрая дама приняла его со смесью снисходительности и достоинства. Она как раз только что прочла в газете, что один из наших консульских агентов в Триполи был замучен фанатиками-мусульманами. Она воспользовалась этим событием, как предлогом для того, чтобы потужить об опасностях, которым подвергаются люди, избравшие такую карьеру. Что это за странная мысль пришла в голову господину Мовалю, хотевшему, чтобы его сын, его единственный сын, покинул таким образом родину! Она не отдала бы своей дочери одному из таких дикарей-консулов, увозящих своих жен чорт знает куда. К счастью, конкурс при министерстве иностранных дел труден. И госпожа Жадон дала понять Андре, что она считает его неспособным достичь той степени, которая дала бы ему возможность быть принятым.

На следующий день Андре пошел к мадемуазель Леруа. Она занимала на улице Бабилон маленькую квартиру, выходившую в сад. Из окна видно было несколько красивых желтеющих деревьев, с обвитыми плющом стволами, круглая лужайка, усыпанная опавшими листьями. Мадемуазель Леруа и Андре

облокотились о подоконник у открытого окна. Возле них, прыгавшие птицы заставляли раскачиваться висевшую клетку. Слышался легкий сухой треск зернышек, хрустевших под их клювами. Порой одна из них слегка вскрикивала пронзительно и кратко. Андре чувствовал себя удрученным горем.

Дни казались ему бесконечными. Древе попрежнему не показывался. Однажды утром Андре получил от Антуана де Берсена записку, в которой тот уведомлял его о своем возвращении в Париж.

Он побежал на улицу Кассини, ему открыла дверь тетюшка Коттенэ. Ее черное платье, чепец и передник с карманами придавали ей вид домоправительницы какогонибудь кюрэ.

— Конечно, мсье Антуан здесь и будет рад вас видеть, мсье Андре. Войдите же.

Антуан де Берсен, с трубкой в зубах, был занят укладываньем бумаг.

— Здравствуй, старина. Ну-с, как живешь после Люссо? Я не писал тебе оттуда потому, что я, ты знаешь, плохой писака. Я рад позвать тебе руку перед отъездом, так как послезавтра я удираю. Да, сначала я проедусь по Испании, потом оттуда в Италию. Я буду в отъезде, по крайней мере, шесть месяцев, а может быть, более.

Антуан казался очень веселым. Он глубоко затянулся своей трубкой.

— Ты ничего не спрашиваешь меня об Алисе?

И Антуан принялся смеяться, глядя на Андре.

Все обошлось очень хорошо. Благодаря ловким переговорам с тетужкой Могон, лауреатом Академии, Алиса окончательно помирилась со своей семьей. Антуан привез ее с собой в Париж, на улицу Кассини, куда, день тому назад, прибыли господин и госпожа Ланкеро за своей дочерью и ее пожитками. Ланкеро привели с собой наемную карету с верхом. Так как господин Ланкеро счел более пристойным дожидаться внизу, в карете, то госпожа Ланкеро поднялась наверх одна. Расстались все они добрыми друзьями с взаимными пожеланиями и любезностями. Антуан выказал при расставании большую щедрость.

В заключение он сказал, смеясь:

— В сущности, она была в ярости. Ну что ж! она выйдет за какогонибудь мелкого служащего, которого будет обманывать... Эта милая Алиса! Кстати, она мне говорила, что с тобой в Люссо... Ты знаешь, на острове Голубя, однажды вечером...

Андре Моваль запротестовал:

— Но это — неправда, никогда в жизни...

Антуан де Берсен дружески похлопал его по плечу.

— Я в этом вполне убежден, глупенький, и ты напрасно постеснялся, если у тебя было на то желание. Я не ревнив, ты ведь это знаешь. Впрочем, кстати о женщинах, я хотел сказать тебе нечто. Юноше твоих лет необходимо иметь угол для оказывания гостеприимства этим дамам. Поэтому я оставлю тебе мастерскую. Тетужка Коттена осве-

домлена об этом, и тебе остается только отдавать ей приказания. Вот ключ от квартиры. Не отказывайся, ты мне окажешь услугу. Таким образом эта старая вертушка будет обязана держать дом в порядке. Постарайся доставить ей работу, старина, этой любви я от тебя ожидаю.

Спустя день после отъезда Антуана де Берсена, которого он проводил на вокзал, Андре Моваль звонил у двери госпожи де Нансель. Как он решился, как очутился он там? Он сам ничего об этом не знал. Слуга ввел его в гостиную. Из за драпировки, отделявшей гостиную от будуара, Андре услышал звук голосов. Мука, испытываемая им, уменьшилась. Госпожа де Нансель была не одна. Кто то находился там, вместе с нею. Может быть, ее муж? Образ господина де Нанселя сделался приятным Андре.

Чья то рука отдернула драпировку. Андре приблизился.

Госпожа де Нансель лежала на своей кушетке возле столика, на котором стоял букет; в пальцах у нее была папироса. В глубине комнаты стоял человек, не имевший ни неуклюжего вида, ни узких плеч господина де Нанселя, и в котором Андре узнал романиста Жака Дюмэна. Дюмэн поклонился Андре без поспешности, с видом, скорее недовольным присутствием постороннего. Он снова уселся, в то время как госпожа де Нансель спрашивала у молодого человека о здоровьи его матери и отца. Как это мило, что он зашел, что он не забыл ее. Где он провел лето? Она поблагодарила его за от-

крытки. Отвечая на ее вопросы, Андре смотрел на нее. Он испытывал наслаждение, которого он не ожидал. Как все его опасения были напрасны! Он мог разговаривать, отвечать. Он мог войти, сесть, взять напрому; все эти действия, казавшиеся ему издали необычайными, не сделались для него причиной неловкого положения, которого он опасался. Тогда почему же он так медлил с этим визитом? Вдруг он смутился. Что думает о нем этот Жак Дюмэн? Разве романисты не умеют читать в наших сердцах? Разве они — не таинственные и опасные колдуны, одаренные страшной властью угадыванья? Глаз Жака Дюмэна наблюдал его. Андре чувствовал, как его давил этот испытующий, острый и тонкий взгляд. Дюмэн казался внимательным и раздосадованным и покусывал свои усы. Несколько мгновений спустя, он поднялся. Госпожа де Нансель выказала изумление.

— Куда вы спешите, Дюмэн? Рано еще, и потом мы еще не кончили спорить. Совсем не любезно с вашей стороны — уходить так. Вы пользуетесь приходом господина Моваля, чтобы бежать, как трус. Представьте себе, мсье Моваль, что мы говорили о любви. Дюмэн предполагает, что одной любви недостаточно, что она нуждается для того, чтобы быть совершенной, в материально-благоприятных обстоятельствах, что ее должны окружать довольство, комфорт, спокойствие, тысяча тонкостей, которые способен доставить ей лишь опытный любовник. Ну а я, Дюмэн, думаю совершенно иначе. Знаете,

если бы я полюбила, я была бы вполне равнодушно ко всему этому. Я любила бы любовь из за самой любви, со всеми ее случайностями, опасностями...

Жак Дюмэн пожал плечами и взял свою шляпу:

— Верьте мне, сударыня, правда на моей стороне.

И, целуя руку молодой женщины, он прибавил:

— До скорого свидания; привет господину де Нансель. Как он поживает?

Госпожа де Нансель засмеялась:

— Да очень хорошо. Ах, знаете, он больше не расстанется с архивом. Виноваты в этом вы... Дело в том, что мой муж — странный человек! У него бывают всякие пристрастия, причуды. С тех пор, как я замужем, я видела его поочередно то нумизматом, то рыболовом, то часовщиком, — теперь он занят историей. Я думаю, что женитьба на мне была удовлетворением одной из таких причуд... Ах, он был бы хорошим типом для романа... Вот что, я вам его даю, Дюмэн.

— Благодарю, я предпочел бы, чтоб вы были героиней этого романа.

Жак Дюмэн склонился, чтобы снова поцеловать руку госпожи де Нансель.

— Вы — глупы, мой бедный Дюмэн?

Когда удалился романист, госпожа де Нансель помолчала некоторое время. Она оправдала одну из роз в букете, стоявшем возле нее. Казалось, она глубоко задумалась. Андре Моваль смотрел на нее и думал о только что произнесенных ею словах.

О любви она говорила, как о чем то естественном, возможном. Для нее любовь — это было приключение. В глазах Андре госпожа де Нанселль становилась неожиданно романтической.

— Но вы все таки, мсье Моваль не рассказали мне, как провели лето...

Андре Моваль встрепенулся. Госпожа де Нанселль принялась слушать его. Он говорил о Бретани, о своем пребывании в Турени, у своего друга. Он стал описывать домик в Люссо, Луару, ее пески, ее острова, Шантелу и его пагоду. Она прервала его:

— А вы взбирались туда, на пагоду?

Он сознался, что нет.

— Вы совсем не предприимчивы. А мне бы захотелось забраться на эту шаткую, острую китайскую штуку, откуда можно видеть далеко, далеко, и которая качается, как будто бы собирается падать...

Андре смотрел на нее. У нее был смелый и решительный вид. Ее нога, обутая в остроносую туфлю, выступала из под платья, такая маленькая, что, казалось, она не могла никуда вести ее. Как представить себе ее, эту изящную ногу, поднимающуюся по ступеням лестницы? Андре вдруг подумал о лестнице Антуана де Берсена. Им неожиданно овладела глубокая грусть. Он встал. Она сказала ему:

— Вероятно это было очаровательно: тот дом в скалах и длинная серебристая Луара. А что, вы часто видаетесь с вашим другом?

Андре объяснил, что друг его в настоящее время путешествует по Италии. Госпожа де Нансель, опустив голову, гладила рукой шелк дивана.

— Заходите еще, мсье Андре, я бываю дома почти каждый день в это время.

И она протянула ему руку, к которой он не посмел прикоснуться губами, и которую этот Жак Дюмэн поцеловал дважды.

XVIII

В течение недели, последовавшей за визитом к госпоже де Нансель, Андре Моваль чувствовал себя совершенно несчастным.

Когда на морском берегу в Морга он убедился, что любит госпожу де Нансель, им овладело странное волнение, большое душевное беспокойство; он отдавал себе отчет в том, что в его жизнь врывается нечто новое. Хотя он до того времени не любил, но книги рассказали ему о муках любви. И он в свою очередь испытает их. Его страх тоскливо вопрошал грядущее.

Вопреки его ожиданию, он не пережил ничего невыносимого. Единственная мысль, заставлявшая его страдать, была мысль о том, что его любовь останется навеки скрытой и напрасной. Впрочем, в виду того, что он не думал о какомнибудь реальном осуществлении своего чувства, он довольно легко покорялся тому, что предмет его чувства не пребывает с ним. Правда, во время своего пребывания в Люссо, он много думал о госпоже де Нансель, но мысль о ней не становилась слишком тираннической. Иногда он даже забывал о ней.

Вернувшись в Париж, Андре Моваль сохранил то же настроение. Тем не менее, столь близкое

присутствие госпожи де Нансель на улице Мурильо делало его нервным и беспокойным, и ему приходилось утешать себя и уверять, что соседство молодой женщины не изменяло ничего в его отношениях к ней... Но обстоятельства обманули его ожидания. Отправляясь к госпоже де Нансель, он думал, что исполняет долг вежливости, тем не менее, он спрашивал себя, не участвовало ли несколько в его внезапном решении предложение квартиры на улице Кассини, сделанное ему Берсеном? Какую же призрачную и нелепую надежду хранил он! Как только он попал на улицу Мурильо, он убедился в своем безумии. Из своего визита он вынес ясную уверенность в двух вещах: во-первых, в том, что он никогда не осмелится, как и прежде, признаться в своей любви госпоже де Нансель; во-вторых, что он впредь не в силах обходиться без встреч с госпожой де Нансель.

Видеть ее! Да. Гулял ли он теперь, ел, или спал, ее образ беспрестанно появлялся перед ним. Он думал лишь о госпоже де Нансель и о своей любви к ней. Она всецело поглощала его. Он даже не беспокоился о том, как бы мать не заметила того сосредоточенного и рассеянного состояния, в котором он пребывал. Госпожа Моваль не раз обращала на это внимание. Андре ссылался на мигрени. У него не было силы притворяться, и едва хватило ее на то, чтобы устоять перед властным желанием говорить о госпоже де Нансель. Если бы Антуан де Берсен был в Париже, Андре, наверное, открылся бы ему.

У него было искушение отправиться к Древе. Он больше не работал, пропускал лекции, целыми днями бродил по улицам.

Однажды днем он отправился на улицу Кассини. Тетушки Коттенэ не было там, и он прошел в мастерскую. В ней все содержалось в порядке и чистоте. Андре сел у стола. Он обещал Берсену написать, добросовестно ли исполняет тетушка Коттенэ свои обязанности сторожихи, и вынул из бювара лист бумаги. Писать Берсену! Но почему бы ему не написать скорее госпоже де Нанселль! Он признался бы ей в этом письме в своей любви и в своих терзаниях. О! он не станет подписываться под этим письмом, но, быть может, госпожа де Нанселль узнает почерк. Андре лихорадочно окунул перо в чернильницу. Оно вышло сухим из нее. В чашечке не было ни капли чернил. Тогда ему захотелось умереть. Почему бы ему не покончить с собой? Что ему до жизни? Ему никогда не узнать ее высшего блаженства — разделенной любви.

Когда он вернулся на улицу Бо-з-Ар, было четыре часа. Поднимаясь по первым ступенькам лестницы, он услышал шелест юбок спускавшейся женщины. Он вдруг вспомнил, что был приемный день его матери. Ему пришла мысль, что эта легко ступающая особа была, вероятно, мадемуазель Леруа. Он сразу почувствовал, что его охватила трогательная симпатия к ней. Как и она, он состарится в одиночестве. Как и она, он будет жить в комнатке, которая будет выходить в сад. Как и она, он станет

разводить птиц по возвращении с долгой консульской службы. И он представил себе сморщенного старика, опирающегося на бамбуковую трость, с кожей, спаленной солнцем Востока. Вдруг он поднял голову. Перед ним стояла госпожа де Нансель и говорила ему своим веселым и молодым голосом:

— Здравствуйте, мсье Андре, я рада, что встретила вас. Я иду от вашей матери.

И, протягивая ему свою руку в перчатке, она прибавила:

— Я приходила к ней немного и для вас и спрашивала у госпожи Моваль, дома ли вы — подвергая опасности скомпрометировать себя, так как там были две почтенные дамы, посмотревшие на меня с возмущением во взоре...

Она смеялась, положив руку на перила; ее ножка выступала из под края платья. Она продолжала:

— К счастью они ушли, и я осталась одна с вашей матерью. Я очень люблю вашу мать, мсье Андре. Мы разговаривали как давнишние подруги. Она, кстати, жаловалась на вас. Она находит вас печальным, озабоченным... Я не говорила ей этого, но думаю, что вы влюблены!

Андре Моваль покраснел до ушей. Госпожа де Нансель расхохоталась:

— Не оправдывайтесь. Это свойственно вашему возрасту. Да, что же это я говорю! Если бы старые дамы слышали меня... или ваша бедная мама! Ах, она — такой чуткий и нежный человек. У нее много вкуса. Она показала мне несколько красивых

старинных вещей, между прочим китайскую чашку, которую вы подарили ей на именины. Знаете, вы — тонкий знаток китайских вещей! Я сама их обожаю.

Пока она говорила, Андре немного пришел в себя от изумления. Он также любил китайский фарфор. Он часто бродил в Лувре, по залам коллекции Грандидье. Госпожа де Нанселль слушала его.

— Ах, да, там есть прекрасные вещи! Но почему бы нам не пойти туда вместе, какнибудь на днях? Мне кажется, вы не особенно любите делать визиты, так как уж недели две вы не посещаете меня. Это даст нам возможность поболтать немного на досуге. Вот что, вы — свободны завтра? Ах, нет, завтра Жак Дюмэн принесет мне свою новую книгу, но послезавтра, хотите в половине третьего? Встретимся мы в первой зале. Решено! Это будет восхитительная проделка. До свидания, мсье Андре!

И, живая и проворная, протянув руку молодому человеку, она быстро сбежала с последних ступеней лестницы и исчезла под сводом выхода.

Когда госпожа де Нанселль рассталась с ним, Андре, вместо того, чтобы почувствовать радость при мысли, что он проведет наедине с нею несколько часов, испытал горькое ощущение. К чему емуэта прогулка? Разве он сумеет воспользоваться ею, чтобы признаться госпоже де Нанселль в любви, которую он питал к ней? Разве он умел говорить те нежные, смелые и грубые вещи, трогающие женские сердца? Разве он какойнибудь Жак Дюмэн? Рома-

нист, очевидно, ухаживал за госпожей де Нансель. Выслушала ли она его признание? Был ли он ее любовником? Сердце Андре сжималось от ревности, и в то же время это предположение наполняло его скверной надеждой... Нет, он не пойдет в Лувр с госпожей де Нансель. Он выдумает какое нибудь препятствие. Подоидя к двери своей квартиры, Андре, вынимая из кармана свой ключ, выронил на соломенный коврик ключ от мастерской Антуана де Берсена. Почему бы ему не воспользоваться им так, как разрешал ему его друг? В конце концов, не одна же госпожа де Нансель на свете. Он опять подумал о той Селине, с которой он провел ночь накануне своего отъезда в Бретань. Завтра же он справится, живет ли она попрежнему на улице Шамбиз.

Садясь за стол, госпожа Моваль робко объявила мужу, что она пригласила обедать Нанселей к четвергу на следующей неделе. Как она решилась на такую смелость? Андре совершенно не мог объяснить себе этого. Обыкновенно мать никогда ничего не решала, не посоветовавшись предварительно со своим мужем. Самое удивительное было то, что господин Моваль нашел это отличным. Следовало отплатить Нанселлям за их учтивость. Господин Моваль распространился о прелести молодой женщины. Госпожа Моваль тоже была нессякаема: «Она такая прелестная, эта бедная малютка, и такая одинокая. Ее муж проводит все время в библиотеках и оставляет ее одну целый день. Господин

де Нанселль какой то смешной чудак. Она, кажется, не особенно счастлива, бедная девочка».

При мысли, что госпожа де Нанселль могла не быть счастливой, Андре растрогался. Он вдруг с омерзением подумал о Селине и, опустив глаза, кончил есть свой компот, в то время как господин и госпожа Моваль продолжали обсуждать проблематичность счастья госпожи де Нанселль.

Через день после этого, Андре Моваль с двух часов был уже в первой зале коллекции Грандидье. Госпожа де Нанселль появилась там только около трех часов. Она быстро поднялась по лестнице. Еще у двери она сделала Андре дружеский знак:

— Я думала, что опоздаю. Это было бы досадно для первого раза, потому что вы больше не захотели бы гулять со мной... Не правда ли? У вас, вероятно, дурной характер, как у всех мужчин.

Она засмеялась, затем, когда Андре запротестовал, она прибавила положительно и со смешной важностью:

— А теперь, мсье Андре, к витринам.

Андре в ту минуту не испытывал никакого желанья смотреть на китайский фарфор и японскую глину. Ему хотелось бы любоваться тем молодым лицом, которое ему улыбалось, но он покорно последовал за госпожой де Нанселль.

Она инстинктивно шла прямо к самым красивым вещам и с живостью толковала о них. Она, казалось, была очень сведуща в искусстве Дальнего Востока. Андре удивился этому. Ничто не могло

быть более естественным: у отца г-жи де Нансель была великолепная коллекция фарфоровых, нефритовых и лаковых вещей, которые пришлось распродать после его смерти. Как это было тяжело! С тех пор у нее сохранилась любовь к безделушкам, но она никогда больше не покупала китайских вещей. Правда, она их любила попрежнему, но ей не хотелось больше иметь их. В одной из витрин она указала пальцем на маленький четырехугольный сосуд. На зеленой глазури, вокруг легких цветов порхал рой бабочек...

— Посмотрите на этот сосуд: у моего отца был почти такой же.

При ее движении, сумочка из золотых колечек звякнула о стекло витрины. Андре предложил освободить ее от сумочки, она согласилась. Маленький мешочек казался ему бесконечно драгоценным. Держа его, он испытывал странную радость. Он был в руках у госпожи де Нансель в день их первой встречи в лавочке мадемуазель Ванов. Надеялся ли он в тот день иметь когда нибудь счастье держать его в своих руках? Знал ли он, что увидит снова ту женщину, которую случай поставил на его дороге! Случай был к нему необычайно благосклонен. На что же он жаловался? Вскоре госпожа де Нансель перестала быть для него незнакомкой. Судьба неожиданно сблизила его с нею. Он увиделся с нею снова, он говорил с нею. И сегодня он был возле нее. Он мог смотреть на нее, сколько ему угодно. Оставаясь наедине с нею в этой пустой зале, он

мог бы, если бы посмел, сказать ей, что любит ее. При этой мысли, у него так скоро забилося сердце, что маленький золотой мешочек задрожал в его руках.

Госпожа де Нансель продолжала прохаживаться по пустой зале. Ее голос раздавался в ней, веселый и смеющийся. Сторож, сначала упорно следивший за ними, убедившись в том, что имеет дело с настоящими любителями, уселся снова на свой просиженный соломенный стул. У Андре было такое сильное искушение воспользоваться случаем для того, чтобы открыть свое сердце госпоже де Нансель, что ему казалось, будто он слышит, как говорит ей. О, он не думал, что его признание доставит ему со стороны госпожи де Нансель что-нибудь иное, кроме ласковой жалости. Может ли она оскорбиться тем, что ее любят, а главное, любят почтительно, безнадежно? Госпожа де Нансель была нежна, она была благосклонна, она была добра. Она сжалась бы над ним, она нашла бы ласковые, утешительные слова. Впрочем, разве она сама не замечает смущения своего спутника? Да нет, она забыла о его присутствии. Она замечала лишь форму предметов, которые рассматривала, их окраску, их изящество: их причудливость. Если она и была всем в его мыслях, он не был ничем для нее. О чем думала она на той скамеечке, на которой она только что уселась, и куда он тоже поместился рядом с нею? Это ощущение отчаяния было до того сильно, что Андре превозмог свою робость. Он вдруг сказал госпоже де Нансель:

— О чем вы думаете?

Его внезапно стала мучить ревность. Образ Жака Дюман встал перед его глазами, и в то же время им овладел стыд за то, что он заговорил. Она смело смотрела на него и ответила ему:

— О вас.

Звук ее голоса был таким странным, таким новым, что Андре Моваль смутился. Госпожа де Нансель опустила глаза. Она заговорила снова:

— Да, я думаю, что вы — очаровательный спутник, но, что вам, вероятно, очень скучно.

Андре Моваль запротестовал. Она дружески положила свою руку в перчатке на его руку:

— Это так, это так, не оправдывайтесь. Есть вещи более занятные для молодого человека, чем провожать какую-нибудь дамочку в Лувр и носить за нею ее мешочек. Она взяла у него из рук и поднялась. Она отправилась к большому, висевшему на стене, в рамке, какемоно, стекло которого отражало, как зеркало. Там был изображен сидящий на корточках большой Будда. Андре увидел, как перед обнаженным животом бога она вынула из сумочки пуховку для пудры и провела ею по щекам. Палочкой румян она потерла губы. Она обернулась.

— А теперь, господин мой проводник, мне остается только поблагодарить вас. Пойдемте.

Сторож попрежнему дремал на своем стуле. Они спустились по лестнице. Они прошли несколько шагов по набережной. Проехал пустой экипаж.

— Будьте любезны позвать мне этот фиакр, мсье Андре, я должна возвратиться домой...

Он невольно вскрикнул:

— О, подождите!

Его голос дрожал. Молодая женщина закусила губу и повторила, смеясь:

— Подождите... подождите... но ведь поздно и...

Она не докончила. Перед остановившимся фиакром она увидела Андре таким бледным, расстроенным, что взяла его под руку.

— Да что с вами? Вы — больны? Вы не можете здесь оставаться...

Он, казалось, был близок к обмороку. Она быстро открыла дверцу, слегка поддерживая его, помогла ему сесть — и сказала в то же время свой адрес кучеру. Экипаж тронулся.

Фиакр подпрыгивал по мостовой набережной, на которой начали зажигаться первые фонари. Прошел тяжелый трамвай, громяхая железом. На фасаде потемневшего старого дворца с мрачными окнами, высеченные на фризе из старого камня, дети боролись с козлами, забавлялись с тритонами, играли с нимфами. Все они пробовали свои силы для любви. В экипаже Андре закрывал лицо своими руками. Он плакал. Порой сдерживаемое рыдание потрясало его тело. Госпожа де Нансель молчала. Прислонившись спиной к суконной подушке, она пристально смотрела перед собой. В ее глазах и на ее лице было выражение успокоения, гордости, непринужденности. Глубокий вздох вырвался из ее

груди. Ее рука опустилась на плечо молодого человека.

Он вздрогнул и услышал, как госпожа де Нанселль медленно и тихонько сказала ему, тоном нежности и упрёка, в то время, как он чувствовал на своей шее ее теплое дыхание и ощущал запах ее духов:

— Но разве вы не видели, что я тоже люблю вас, Андре...

XIX

Полутемная комната была освещена лишь светом стоявшей на столе в мастерской большой лампы, широкий абажур которой, обшитый оборками, как женская юбка, виднелся сквозь открытую дверь. В одном углу обширной комнаты раздавалось глухое пыхтение печки. Несмотря на то, что она была набита поленьями, холод прекрасного январского дня давал себя чувствовать. Госпожа де Нансель живо спрятала под простыню свою голую руку, которую она высвободила оттуда, чтобы достать свою сумочку из золотых колечек, положенную на столик у изголовья большой низкой кровати. Она снова зябко закуталась в одеяло:

— Дай мне мою сумочку, Андре, мне нужно посмотреть, который час.

Через тело молодой женщины, Андре Моваль достал вещь. Он осторожно открыл ее и вынул оттуда маленькие плоские часы. Госпожа де Нансель вырвала их у него из рук и воскликнула:

— Половина шестого... Я как раз только успею одеться, да и то опоздаю. Послушай, Андре, нужно будет сказать тетушке Коттенэ, чтобы она завела часы.

Она старалась подняться. Андре схватил ее за плечи. Они боролись одно мгновение, затем она

снова упала на подушку. Ее рот смеялся, закрытый ртом молодого человека.

— Ну, Андре, оставь меня. Ты — невыносим.

Она высвободилась и поднялась. Ее белое тело было освещено розовым светом лампы, и грациозным движением она попыталась укрепить на голове свою рухнувшую прическу. Ее пальцы ощущивали прекрасные волосы. Вдруг она потеряла терпение:

— Все равно, мне холодно... И потом, я перебежусь дома. Ведь обед будет в восемь часов, не так ли? Я хочу принарядиться красавицей, я не желаю, чтобы ты стыдился своей любовницы...

Андре покраснел. Он вспомнил, что мать наказывала ему не опаздывать, потому что в этот день Нанселли должны были обедать на улице Бо-з-Ар. Не раз он слышал, как господин и госпожа Моваль обсуждали меню этого обеда и говорили о госпоже де Нансель, но эта госпожа де Нансель не имела ничего общего с той прекрасной молодой женщиной, чьи гибкое тело и страстный рот отдавались ему ежедневно. И точно также, как было две госпожи де Нансель, существовало и два Андре Моваля: один — обыкновенный молодой человек, другой — личность чудесная.

Это то раздвоение и позволяло Андре продолжать его обычную жизнь. Он до того не входил в нее, что механически выполнял все свои обычные действия. Ничто из того, что он тут делал или говорил, не имело для него значения. Все это касалось поддельного Андре Моваля и не занимало настоящего

Этот последний жил в состоянии экзальтации и очарования, как в каком то заколдованном сне. Действительность останавливалась для этого Андре у залы коллекции Грандидье, которая, со своими эмалированными сосудами, походившими на цветы в саду грез, со своими нефритами, напоминавшими плоды какого то лунного фруктового сада, казалась ему как бы преддверием того волшебного царства, в которое он был перенесен. Тут начинался сон. С этого мгновения все в нем сменялось с такой неожиданной и быстрой легкостью, что Андре пребывал как бы пораженным и заколдованным. Он с каким то восторгом припоминал различные события, которые осуществили его счастье. Они составляли ряд образов, кончавшихся тем, что госпожа де Нансель входила в мастерскую Антуана де Берсена. Он снова видел ее, стоявшую перед ним. Он снова видел то покорное и страстное движение, с которым она бросилась к нему на грудь. Потом уста их сомкнулись, и наступило долгое молчание, немое объятие, забвение всего, переселение в новый мир, откуда он не возвращался, и сладострастный образ которого постоянно сохранял с собою.

С тех пор, ежедневно, после обеда, молодая женщина приходила к нему на улицу Кассини. Иногда она оставалась там всего несколько мгновений, иногда она проводила там целый день. Всякий раз один и тот же нетерпеливый порыв устремлял их одного к другой и соединял в пылком и молчаливом объятии. Они несколько не испытывали той потребно-

сти, которая обыкновенно заставляет любовников объяснять друг другу свою любовь. Они не ощущали никакого любопытства узнать прошлое и интимную жизнь друг друга. Им было достаточно согласования их желаний. Казалось, они откладывали на позднейшее время более близкое знакомство. Видеть друг друга, касаться друг друга, вдыхать друг друга — доставляло им наслаждение само по себе полное, и выше которого они, казалось, ничего не желали...

Сидя на кровати, откуда он вставал, чтобы отыскать одну из ламп мастерской, он смотрел, как она проворно одевалась. Порой, проходя возле него, она останавливалась для короткой ласки. Он задумался. Скоро она уйдет. Они расстанутся, потом, попозднее, через несколько часов, он увидит, как она войдет в гостиную, где будет находиться он сам среди других лиц, где будут господин и госпожа Моваль. При этой мысли он не испытывал никакого смущения. Ему казалось, что это не одна и та же госпожа де Нансель, та, которую он увидит, и та, что была здесь, и, бросая ему в лицо его галстук, весело кричала ему:

— Я сейчас буду готова Андре, поторопись.

Когда он надел свою одежду, ее туалет был окончен. Они прошли через мастерскую.

В сенях Андре сказал молодой женщине:

— Нужно предупредить тетюшку Коттенэ, что мы уходим. Ах да, я скажу ей, чтобы на завтра она завела часы!

Госпожа де Нанселль бралась за ручку двери:

— Дело в том, голубчик, что я не знаю, могу ли я притти завтра. Я боюсь, что не буду свободна. Я тебе скажу сегодня вечером. Я иду вниз, ты найдешь меня в фиакре. Я не отпустила его, потому что в твоём квартале не найдешь ни одного. Это не особенно осторожно, ну да все равно!

Когда Андре направился к госпоже де Нанселль, она поджидала его, опустив занавеску:

— Ты меня проводишь? Но я тебе запрещаю целоваться, мои волосы не держатся. Дай адрес кучеру...

Когда Андре Моваль вернулся в свою комнату, чтобы наскоро приготовиться к обеду, им овладело некоторое смущение. Скоро здесь будет та госпожа де Нанселль, которую он еще недавно держал в своих объятиях. Эта мысль, сначала оставлявшая его равнодушным, теперь беспокоила его. Обе госпожи де Нанселль, которых он отделял в своей мысли, теперь соединились в ней. Сколько бы он ни хотел разобщать их в своем уме, они, тем не менее, составляют одну и ту же личность. Жизнь сильнее мечты. Впервые Андре заметил, что у госпожи де Нанселль не было тех двух отдельных существований, которые он ей приписывал, и из которых лишь одно его занимало. Его любви придется считаться не только с одним из двух, но с обоими существованиями... Разве он только что не получил доказательства этого, когда молодая женщина сказала ему, что на следующий день она, быть может,

не будет иметь возможности прийти на свидание? Госпожа де Нансель улица Кассини зависела от госпожи де Нансель улица Мурильо. Его любовница не была существом фантастическим. У нее была жизнь помимо их страсти. Она выделяла из нее несколько часов, которые дарила ему; но перед этим и после она принадлежала обязанностям, от которых она не могла всецело освободиться. Для того, чтобы покориться одной из этих обязанностей, она обедала сегодня вечером у господина и госпожи Моваль. И Андре почувствовал, как его руки дрожат, завязывая бант галстука, его руки, ласкавшие это прелестное тело, гибкие и тонкие линии которого он узнает через ткани, скрытой прелестью которого будет любоваться каждый, и благоухающей и сладострастной тайной которого он владеет!..

Гости господина и госпожи Моваль собрались в гостиной; не хватало только господина и госпожи де Нансель. Там были господин и госпожа де Мирамбо без племянницы, проделывавшей в ортопедическом заведении запоздалый курс лечения для выпрямления своего горба. Все горячо восхищались теми жертвами, которые госпожа де Мирамбо приносила для блага своей племянницы. Мадемуазель Леруа болтала с господином дю Вердон де Ла Миннагьер. Господин дю Вердон де Ле Миннагьер был новым знакомым. Недавно поступивший в Мореходное Общество по рекомендации крупных финансовых тузов, он был баловнем канцелярии, и господин Моваль был с ним предупредительно любезен.

Изящный и красивый мужчина, с хорошей родней, с большей протекцией, он служил с аристократической небрежностью. Слывя за искусного стрелка из пистолета, он участвовал во всех состязаниях и выиграл немало ставок. Его левый глаз постоянно закрывался под влиянием тика, как бы прицеливаясь в воображаемую мишень. Господин Моваль посмотрел на свои часы:

— Хе, хе! наши друзья Нанселли опаздывают.

Господин дю Вердон подмигнул:

— У красивых женщин дни бывают так заняты! Не правда ли, Моваль?

Несмотря на разницу в возрасте, господин дю Вердон де Ла Минагьер называл господина Моваль просто по фамилии. Господин Моваль терпел эту фамильярность, не переставая считать ее иерархически неуместной. Он выносил и многое другое, как, например, то, что господин дю Вердон обращался с ним, как с охотником до женщин и до любовных приключений. Господин Моваль с тревогой ждал какой нибудь дурной шутки со стороны дю Вердона. Наконец, дверь открылась, и появилась госпожа де Нанселль.

Она была восхитительна. Узкое платье облегло ее гибкое тело. Хотя это и был очень простой обед, она была сильно декольтирована. Госпожа Моваль нежно упрекнула ее в такой церемонности:

— Мы тут все свои... Это почти семейный обед.

Госпожа де Нанселль бросила на Андре, который приблизился к ней с бьющимся сердцем, чтобы по-

здороваться, лукавый взгляд, продолжительно сжимая ему руку, и сказала в то же время господину Мовалю:

— Не сердитесь на меня за то, что я опоздала, но у меня был так занят сегодняшний день!

Господин дю Вердон де Ла Минагьер подмигнул и подтолкнул локтем господина Моваля, который воскликнул:

— Ну-с, пожалуйста к столу, моя красавица, там вы отладите мне отчет в вашем времяпровождении. Ах, мой бедный Нансель, я не был бы спокоен на твоём месте!

Господин де Нансель улыбнулся улыбкой, оживившей его длинное худое лицо, и направился своим разбитым шагом в столовую, подавши руку госпоже Моваль. Андре заключал шествие.

Обед прошел без приключений. Андре молчал точно так же, как и госпожа Моваль, заботившаяся о порядке сервировки. Господин Моваль разглагольствовал. Госпожа де Мирамбо ела за четверых. Господин де Нансель подробно толковал о революционных комитетах. Он изучал этот вопрос в архивах. Господин дю Вердон де Ла Минагьер был невыносим, фатоват, любезен... Что до госпожи де Нансель, то она обнаруживала бешеное веселье, чарующую увлекательность. Во всей ее внешности было что то такое радостно-молодое, такое пламенно-счастливое, что Андре с восторгом глядел на нее. Немая гордость наполняла его сердце. Понемногу его смущение рассеивалось. В этой молодой смею-

щейся и легкомысленной женщине не было ничего общего с той, которая молчаливо и нетерпеливо падала в его объятия, и которую он восторженно сжимал, в то время как она вся сосредоточивалась в наслаждении и стонала от избытка его. И Андре приходил в восхищение. Разве не было деликатным со стороны его любовницы то, что она захотела быть таким образом почти неузнаваемой в его глазах? Тем не менее, он невольно искал, издали, в ее взгляде другой взгляд, тот взгляд, который он знал у нее, тот, который наполнял его желанием, волнением и нежностью!

Так как господин Моваль сделал своей соседке комплимент по поводу ее бодрого вида и прекрасного расположения духа, она ему ответила:

— Да, я счастлива, но все же чувствую себя усталой.

Вечером, в то время как господин де Нансель внимательно слушал господина дю Вердон де Ла Минагьера, расхваливавшего удовольствия стрельбы из пистолета, и пока госпожа Моваль беседовала с мадемуазель Леруа, а господин Моваль с госпожой де Мирамбо, Андре и госпожа де Нансель приблизились друг к другу.

Она стояла перед ним; ее тело обрисовывалось под узким платьем, плечи были обнажены, и она смотрела на него. Вдруг ему показалось, что платье госпожи де Нансель скатилось с ее тела, как вода, и рассеялось, как дым. Им овладело бешеное желание обнять ее. Что ему было за дело до всех людей,

бывших тут? И по мере того, как по лицу Андре разливалось выражение его желания, лицо госпожи де Нансель улыбалось, но не недавней улыбкой, а улыбкой таинственной и глубокой, на которую он глядел с дрожащими веками, как бы ослепленный, как бы в галлюцинации, в то время как она говорила ему своим низким голосом, тем самым ласкающим голосом, который еще раздавался в его ушах:

— Доволен ли ты мной, любимый мой?

Ее рот сделал движение поцелуя. Она прибавила:

— Ах знаешь, не завтра. Я еду в Версаль с Дюманом и одной подругой, но в субботу, в субботу в два часа...

В гостиной оставался лишь господин дю Вердон де Ла Минагьер:

— Честное слово, дорогой Моваль, я провел восхитительный вечер; она — очаровательна, эта маленькая женщина. Что до ее мужа, то я стал его лучшим другом. Он очень увлекся тиром. Он мне рассказал о своих разочарованиях историка. Я посоветовал ему бросить архив и ходить к Гастэн Ренпет. Он хорошо сделает, если займется стрельбой из пистолета: имея такую красивую жену, это — необходимо.

Госпожа Моваль запротестовала:

— Пожалуйста не говорите так, мсье дю Вердон. Эта малютка — сама порочность!

Господин дю Вердон насмешливо поклонился;

— Ну, до свидания, сударыня, тысячу благодарностей за вкусный обед. Кстати папаша Моваль,

я завтра не приду в контору. В Виль-д-Аврэ будет состязание в стрельбе. О! страшно занятное! Стрелять будут из старинных седельных пистолетов. Это историческая реставрация. Так что, вы понимаете...

Господин Моваль поднял руки к небу.

— Ах, ну и служащий!

Господин дю Вердон засмеялся:

— Что поделаешь! Разве вы думаете, что ваш сын, стоящий вот здесь, ходит каждый день на юридические лекции? У меня моя стрельба... он тоже, наверное, стреляет!

И господин дю Вердон, в восторге от своей шутки, прищурил правый глаз и прищелкнул языком.

Андре Моваль, лежа в своей кровати с открытыми глазами, не мог спать. Та иллюзия, в которой он жил первые дни своей страсти, рассеивалась. Он видел теперь Жермену де Нансель такой, какой она предстала перед ним сегодня вечером, уже не в той пустоте, куда обыкновенно он переносил ее образ, но среди привычных предметов и существ. Он видел ее, стоявшую в узком платье, с обнаженными плечами, с лицом лукаво-нежным, как будто ее занимало положение, что она и ее любовник находятся не в близости, которую дает свидание, но в суматохе встречи при людях. Присутствие гостей, господина и госпожи Моваль, даже ее мужа, казалось, нисколько не смущало ее. Правда, все это не помешало Андре испытать, при виде ее в столь необычайной обстановке, внезапное и сильное жела-

ние обладать ее телом, этим телом, форма, движения, осязание, аромат которого занимали все его мысли с того самого дня, когда он познал его постоянно возрождающуюся сладость; и тем не менее, что то странное и небывалое возникло в уме молодого человека. Жермена вдруг перестала занимать исключительно его чувственность. Он сразу стал испытывать по отношению к ней новый род любопытства.

Вне тех мгновений ее жизни, которые она расточала ему с такою пылкою любовною щедростью, у нее было другое существование, не только прошлое, но и настоящее существование каждого дня. У нее были знакомые, друзья, которых он не знал. У нее был муж!..

Впервые Андре подумал о господине де Нансель не как о человеке смутно-далеком, но он подумал о нем скорее с удивлением, чем с враждою. Каким бы добродушным и рассеянным ни казался этот милый человек, как бы он ни был мало ревнив и мало подозрителен, он, тем не менее, составлял одну из частей существования Жермены де Нансель... Хотя она и была очень далека от него сердцем, она все же была соединена с ним социальными узами. Как и все жены, Жермена должна была заботиться о его покое, а между тем она, казалось, не принимала никаких мер, подсказываемых осторожностью. Она приходила из своего дома на улицу Кассини так, как будто ей нечего было скрывать... Она не прибегала ни к одной из хитростей, обычных

в подобных случаях... Даже сегодня она заставила Андре проводить ее до двери и в том же самом фиакре, который простоял пол дня перед домом Берсена!

И Андре задумался. Доказывал ли этот недостаток осторожности то, что Жермана была новичком в любви, или эта беспечность была признаком ее привычки к любовным связям? Держала ли она себя как безрассудно влюбленная или как опытная любовница? Затем, как истолковать ту внезапность и легкость, с которыми она ему отдалась?

Было ли то следствием непреодолимого чувства или же показателем опытной осведомленности? Что думать, в самом деле, обо всем этом? Почему она поступила таким образом? Это заставило ее завести любовника?.. В сущности, разве не она сделала первый шаг? Она предавалась наслаждению с полным бесстыдством и непринужденностью. Доказывало ли это любовь или чувственность?

Андре был поражен. Женщин трудно узнать. Ах почему он не был каким нибудь Жаком Дюмэном? При большей опытности, он мог бы ясно читать в этом сердце. Все, что он знал о нем, было его быение при объятии... Все что он знал в Жермане — было ее молодое и страстное тело! Но ее душа, ее характер! Он не был силен в психологии чувств! Ах, Дюмэн разгадал бы тут побольше его.

Мысль о романисте раздражала его. Этот Дюмэн был, должно быть, влюблен в госпожу де Нансель. Был ли он раньше ее любовником. Был ли он им

и теперь? Завтра он отправится с нею в Версаль. Его вдруг охватила ревность. Тогда чем же он, Андре, был в жизни Жермэны? Капризом, прихотью? Долго ли она будет любить его? да и любит ли она его? И им овладела беспокойная потребность обратиться к ней с этим вопросом. Он чувствовал в себе желание глубже войти в ее жизнь. И тем не менее, он колебался. Он ограничился уверткой. Самым безотлагательным было воспрепятствовать Жермэне делать слишком много неосторожных поступков. Об этом он поговорит с нею более свободно. А он сам, соблюдает ли он необходимые предосторожности? Было важно, прежде всего, обеспечить себе молчание и преданность тетушки Коттенэ. Он обещал себе послезавтра, когда он отправится в мастерскую, дать щедро на чай старухе. Благодаря некоторым сбережениям, он сможет быть великодушным. У него было достаточно денег для покрытия мелких расходов, так как не приходилось заботиться, благодаря Берсену, о квартире, в которой ему необходимо было бы принимать госпожу де Нансель. Стоял январь, а художник должен был возвратиться из Севильи не раньше лета. Тогда несомненно, придется позаботиться о замене мастерской каким нибудь иным укромным и надежным местом... Но торопиться было нечего.... И Андре Моваль, в конце концов, заснул.

XX

Госпожа де Нансель оторвала свои уста от уст Андре и прислонилась к подушкам дивана; молодой человек с упоением смотрел на свежее лицо своей любовницы, которая нежно улыбалась ему.

— О, дорогой мой, я думала, что так и не понаду совсем. Я сказала слуге не принимать никого, и вообрази, кого он впустил... Угадай!.. Господина лю Вердон де Ла Минагьера... Оказывается, он просил у моего мужа позволения притти ко мне. Они где то встретились после того, как мы обедали у тебя. Я думала, что он никогда не уйдет. Впрочем, он был очень мил. Он предложил мне свое сердце и пригласил на состязание в пистолетный тир.

Она весело смеялась, и Андре тоже смеялся. Он потихоньку подкрался к ней. Ловкой рукой он вытянул одну из длинных булавок, придерживавших шляпу госпожи де Нансель. Снятый круглый ток обнаружил прекрасные черные волосы. Тяжесть шляпы слегка растрепала их. Большая шпилька из светлой черепахи наполовину вылезала из шиньона. Госпожа де Нансель, став на колени на диване, посмотрелась минуту в зеркало, висевшее над подушками. Она рассеянно воткнула шпильку обратно.

— Ладно! не стоит перечесываться. Все равно, скоро опять придется поправлять.

Полуобернув голову к Андре, она лукаво смотрела на него. Их уста соединились снова, в то время как пальцы молодого человека растегивали пуговицы жакета, и она шептала ему на ухо:

— Пойди посмотри, положила ли тетушка Коттенэ грелку с кипятком...

Стоял март, и зиме, казалось, не будет конца... Поэтому тетушка Коттенэ представила в последний раз Андре Мовало порядочный счет за дрова и уголь, по которому он уплатил без возражения. Печь в мастерской Берсена была исключительно прожорлива, по словам тетушки Коттенэ, и судя по количеству топлива, поглощаемого ею. Но что было Андре до того? Он любил красную часть этой печки, как часть животного, к которому он привык. Сколько раз под ее шумное дыхание он смотрел, как потягивалось прекрасное обнаженное тело Жермэны де Нанселль, заскаемое длинными пурпурными языками! Из соседней комнаты, в которой они обнимались на низкой и мягкой постели, они слышали, как она глухо ворчит, подобно чудовищу — сторожу их любви. Нередко Андре садился на диван, прислушиваясь к ее глубокому дружескому голосу, ибо даже в те дни, когда у него не было свидания с Жермэной, Андре проводил послеобеденное время в мастерской Берсена. Там, легче чем в каком либо ином месте, он находил страстный образ своей любовницы, и там он оставался долгие часы, думая о ней. В та-

кие дни он переносил разговоры тетушки Коттенэ, пользовавшейся случаем, чтобы повыжать из него денег. Теперь, когда приходила госпожа де Нансель, тетушка Коттенэ, которую Андре не осмеливался удалять, из опасения причинить ей неудовольствие, не покидала вовсе квартиры. Впрочем, госпожа де Нансель не находила в этом никакого неудобства. Несмотря на мольбы Андре быть осторожной, она оставалась прежней, но точно так же, как она не боялась опасности, Андре привыкал к мысли о ней... Единственно, чего он добился от Жермэны, это отказа от совместных прогулок. Теперь, впрочем, они легко покорялись этому; но когда настанет весна и ясные дни, каков будет для них соблазн ходить рядом по улицам, освещенным солнцем!

Андре думал обо всем этом однажды, дожидаясь Жермэны. Она назначила ему свидание в три часа. В пять — ее еще не было. Андре беспокоился; по-этому, когда она позвонила, он бросился к двери. Жермэна была одета более нарядно, чем всегда. Она держала в руке маленький порт-карт, которым она ласково погладила по щеке Андре, чтобы остановить его нежные упреки. Ее заставили сделать визит старой родственнице, бывшей проездом в Париже и остановившейся в отеле, на улице Сен-Пэр. Андре слушал пояснения молодой женщины:

— Ты понимаешь, я не могла предупредить тебя... Тогда, раз я уж опоздала, я воспользовалась этим для еще одного посещения.

Андре с отчаяньем поднял руки. Жермэна засмеялась:

— Но ты даже не знаешь, для какого. Позволь мне, по крайней мере, говорить. Ты не станешь больше сердиться на меня, когда узнаешь. Ну ка, Андре, какой сегодня день?

Андре Моваль подумал:

— Сегодня вторник.

— Да, вторник, но какой вторник, какого месяца, какого числа?

— Ну, вторник, тридцатого марта...

— И это число ничего тебе не напоминает?

Маленький порт-карт ликующе опустился и ударил по пальцам Андре:

— Как, разве сегодня не ровно год, как я имела удовольствие встретиться с вами, господин мой любовник? Ага, память возвращается к вам! Ну так вот, в виду того, что я находилась в двух шагах от лавки древностей мадемуазель Ванов, мне захотелось увидеть ее еще раз, эту лавку. И вот...

Андре схватил Жермэну за кисти рук и привлек ее на диван. Порт-карт упал на него с сухим треском. Жермэна оперлась о подушки.

— Да, я отправилась взглянуть на магазин мадемуазель Ванов и, уверяю тебя, я там думала о тебе. Мне казалось, что я вновь вижу тебя. Боже, до чего ты был мил со своей соломенной коробочкой! А наверху, на антресолях, как мне хотелось поцеловать тебя, чтобы увидеть, что ты станешь делать. А постель! Знаешь, мне захотелось быть там с тобой сей-

час же, как вот здесь. А ты, как ты находил меня? Тебе тоже в тот день захотелось меня?

Желание заискрилось в глазах Андре. Жермэна нежно оттолкнула его;

— Нет, не сегодня, будь благоразумным. Мне нужно быть дома в половине седьмого, я обедаю у Сен-Савенон... Ты меня не ревнуешь к чиновнику, не правда ли?

Андре сделал отрицательный знак.

— Отлично, ты — умник. У меня есть еще четверть часа. Я не отпустила своего фиакра, знаешь, все равно. Во всем виновата эта улица Кассини. Да впрочем, что может со мной случиться?

Веселая улыбка безнаказанности осветила лицо Жермэны. Она продолжала:

— Кстати, знаменитая историческая кровать мадемуазель Ванов продана! Оказывается, знаменитая Элиана де Каланси купила ее, чтобы подарить ее не менее знаменитой Элоди Дюваль. Мадемуазель Ванов, должно быть, с удовольствием смотрела на эту продажу; таким образом, ее мебель возвращается по назначению. И, знаешь, у мадемуазель Ванов есть теперь очаровательная продавщица, высокая блондинка, несколько жеманная, с спячками под глазами! Что до истории кровати, то все газеты о ней говорили, и Дюман рассказал ее мне, когда обедал у нас.

При имени Жака Дюмэна Андре остался спокойным. Он примирился со знакомством госпожи де Нансель с романистом. Жермэна объяснила ему, что

Дюэн был другом их семьи и знал господина де Нанселя до ее замужества. Жермана умолкла на несколько мгновений. Андре поцеловал ее в губы.

— О чем ты думаешь!

Она улыбнулась:

— Я думаю о Дюэне. Что сказал бы он, бедный друг, если бы увидел меня здесь? Как он обозвал бы меня безумной и сумасшедшей, какую проповедь прочел бы мне!.. Я помню еще его гримасу, когда ты в первый раз пришел с визитом, а он был тут и как раз предлагал мне, само собой разумеется, свое сердце, и восхвалял преимущества и достоинства в любви мужчины, которым перевалило за сорок, которые знакомы с жизнью, опыты в страсти, умеют соблюдать приличия, предвидеть неприятности, устраивать свидания в полной безопасности и заводить весьма покойные любовные связи, в которых все идет без помехи, как по маслу. Да, я помню все, что он говорил, когда ты прервал его. Бедный Дюэн воображал, что внушает мне почтение своими правилами опытного вивера, не желающего иметь неприятностей! И как я сдерживалась, чтобы не закричать ему: «Да уходите же, Дюэн, разве вы не видите, что докучаете мне! вы, значит, не видите, что мой выбор сделан, что мне нравится этот мальчик, что я полюблю его, если мне суждено полюбить когонибудь... что я люблю его», потому что я уже любила тебя, любила твое лицо, твои глаза... А ты ничего не замечал! И подумать только, что мне пришлось приглашать тебя в Музей..

А в экипаже, когда мы вышли, мне опять первой пришлось заговорить... До чего ты был ошеломлен, мой бедный Андре! А когда я пришла сюда... Ах, по правде сказать, я вовсе не церемонилась, слишком мало сопротивлялась для порядочной женщины. Но мне было так необходимо быть любимой, иметь тебя возле себя, отдаться тебе, забыть о своей загубленной жизни, вернуть себе в твоих объятиях свою молодость, отогреть ее рядом с твоей, положить вот так, видишь, голову к тебе на грудь и чувствовать биение твоего сердца.

Она склонилась к молодому человеку, и они замерли так, молчаливо обнявшись. Андре задумался. Он был счастлив. Его любовь преисполнила его жгучим и сладостным довольством. У него более не было ни сомнений, ни тревог. Он испытывал чувство огромной гордости. Конечно, Жермена была увлечена к нему потребностью любви, в которой она сознавалась, не стыдясь, но которую без него она загнала бы глубоко внутрь себя. Таким образом, она пропустила бы пору своей молодости, томный пыл которой устремлял ее, трепещущую, в его объятия, каждый раз, как они встречались. Какое счастье, что явился он, и, благодаря ему, она узнала опьянение страстью, она вкусила радость отдачи себя в полном расцвете своей красоты. И Андре ощущал гордость при этой мысли. Он, быть может, спас ее от одного из тех падений, до которых скука доводит женщин. Благодаря ему, она познает любовь со всей ее непринужденностью, со всем ее наслажде-

нием... Ах, с каким прекрасным безрассудством, с какой беспечностью, с каким порывом она бросилась в нее с вышины своей однообразной жизни. Он знал теперь все обстоятельства этой жизни. Неудавшееся замужество, смерть разорившегося отца, безотрадность и неурадица в душе заставили ее принять предложение господина де Нанселля... Теперь что то изменилось для нее в этой жизни, которая раньше была для нее столь тяжела. Да, она продолжала исполнять все ее обычные обязанности, но чье то тайное присутствие делало их для нее легкими. В ее существовании была теперь щель, сквозь которую Жермена видела свет.

Впрочем, когданибудь им придется собственными руками увеличить эту лучезарную расщелину! Это будет, когда ему придется покинуть Францию, когда нужно будет поступить на какойнибудь отдаленный пост. Мысль о возможности разлуки с Жерменой не приходила ему на ум; его решение было заранее составлено: он похитит Жермену и увезет ее с собой. К тому времени он будет независим, свободен в своих поступках и ответствен за свое поведение. И он представлял себе ту далекую страну, куда он повезет молодую женщину. Ему, несомненно, будет всюду хорошо с нею, но где ему будет лучше, чем в этой укромной мастерской на улице Кассини?.. Впрочем, к чему думать о будущем? Разве он не был счастлив теперь? И снова его сердце наполнилось гордостью. Хорошо жить, быть любимым, быть молодым!.. И он вспомнил тот прошлогодний осенний

день, когда, одеваясь перед пламеневшими сосновыми шишками, он думал о том, как бы внушить Жюлю, новому слуге, достаточное почтение к своим девятнадцати годам. Он не стыдился их более теперь, когда, благодаря им, его предпочитали самому Дюмэну. И он снова видел перед собой романиста, проходящего через Люксембургский сад в обществе Марка-Антуана де Кердрана. Как все это было уже далеко... Сколько вещей, занимавших его тогда, исчезло теперь из его мыслей! А Берсен, о котором он совсем не думал, а Древе, которого он не видал целые месяцы! А дядя Гюбер, бедный дядя Гюбер... Ах, его жизнь изменилась. Какое чудесное преобразование! И все это началось с некоего мартовского дня, когда он вошел в лавку древностей мадемуазель Ванов, где он увидел лицо, выражение сладострастия и нежности которого он знал теперь, чей рот, чьи глаза он целовал, и которое не раз склонялось к его лицу...

XXI

Когда на следующий день Андре Моваль пришел на улицу Кассини, тетушка Коттенэ поджидала его в мастерской, где она вытирала пыль широкими взмахами метелки. Это непривычное усердие удивило Андре. Тетушка Коттенэ предоставляла пыли свободно ложиться на мебель, зная, что Андре не сделает ей по этому поводу никакого замечания и что он не подумает предупредить об этом Антуана де Берсена. Однажды, даже Жермэна, забавляясь, написала пальцем свое имя и свой адрес на пыльном красном дереве стола. Андре заботливо стер эту надпись. Какой бы милой женщиной ни была тетушка Коттенэ, было все же неудобно, чтобы она знала, как называется, и где живет хорошенькая гостья. Поэтому, увидя в мастерской тетушку Коттенэ, с метелкой в руке, Андре весело похвалил ее за ее усердие.

Старуха прервала свою работу и насмешливо посмотрела на Андре, доставая из своей табакерки понюшку.

— Меня нечего так расхваливать, мсье Андре, потому что, извольте ли видеть, я получила известие от господина Антуана. Оказывается, барин то возвращается...

— Как! Что вы говорите, тетушка Коттенэ?

У Андре был до того расстроенный вид, что тетушка Коттенэ рассмеялась, подавая ему телеграмму, которую она вынула из кармана своего передника.

— Посмотрите сами, мсье Андре.

Андре взял смятую синюю бумажку, которую ему протягивала старуха. На телеграмме, посланной из Мадрида, значились только следующие слова: «Буду в Париже четверг. Приготовьте квартиру. Берсен». Да, Антуан возвращался. Значит, он переменял свои намерения. В последнем письме, полученном Андре, художник не говорил о своем возвращении. Он собирался остаться в Испании до весны. Еще хорошо, что он предупредил и не приехал неожиданно на улицу Кассини. Он вполне мог бы вернуться к себе в такой час, когда там находилась госпожа де Нансель! Какая неприятная история вышла бы тогда... Правда, принимая свою любовницу в мастерской друга, Андре лишь пользовался разрешением, которое дал ему художник, но все же положение было бы неловкое. Когда он увидится с Антуаном, он не скроет от него, что воспользовался гостеприимством его жилища, и он знал, что Берсен был слишком деликатен, чтобы можно было опасаться с его стороны какогонибудь нескромного вопроса.

Между тем, тетушка Коттенэ взяла со вздохом телеграмму:

— Ах, прошли красные денечки, мсье Андре. При господине Антуане мне уж больше не придется

ходить по четыре раза в неделю к племяннице, как я это делала. Не говоря уж о том, что мой бедный барин не станет жить один, не так ли... Чорт знает, кого он может привезти с собой из этих чужих стран!.. Я еще хорошо уживалась с мадам Алисой... Она все равно как ваша барынька, такая вежливая, такая милая. Вот подошла бы она к господину де Берсену!

Андре засмеялся:

— Послушайте, тетушка Коттенэ, вы — совершенно здоровы?

— Виновата, мсье Андре, я сказала не то, что хотела сказать! Ну, мы понимаем друг друга, не так ли? Но у вас такой расстроенный вид!

Андре не мог скрыть своей досады. Возвращение Берсена помешало ему. Он привык смотреть на квартиру на улице Кассини, как на свой дом. Впрочем, может быть, Берсен не возвращался окончательно и собирается лишь быть проездом в Париже. Мастерской можно будет пользоваться снова после его отъезда. Тем не менее, следовало предупредить Жермэну о событии.

Он так и сделал после того как, сняв шляпу и жакет, она уселась на диван. Она равнодушно выслушала это известие.

— Да ведь правда, мы здесь были не у себя. Ага, твой друг возвращается! А как его зовут, этого милого мальчика?

Андре, улыбаясь, смотрел на Жермэну. Она поднялась и стала торопливо раздеваться. Ее легкая блузка упала на подушки. Наплечник ее сорочки

скользнул с ее круглого и обнаженного плеча. Она сняла пояс платья и поставила ногу на диван. Андре стал растегивать тонкий башмак, обхватывавший ажурный чулок, сквозь натянутые шелковые петли которого виднелось тело. Ах, Жермэна была истинной любовницей. Она любила свою любовь; она любила любовь! До остального ей не было дела. Точно так же, как она отдалась Андре, не зная о нем ничего, кроме того, что он ей нравился, она никогда не подумала спросить у Андре об имени того друга, которому принадлежала мастерская. Это было место, где они предавались любви. К чему ей было знать больше! Тем не менее, чтобы ответить на ее вопрос, он сказал ей:

— Его зовут Берсен.

Он кончил растегивать башмак и снял его... Жермэна опустила свою разутую ногу:

— А! его зовут Берсен!

— Да, Антуан де Берсен.

Она стояла посреди своей юбки, распластавшейся на паркете. Жермэна посмотрела вокруг себя:

— Значит, мы здесь находимся у господина Антуана де Берсен?

Звук ее голоса показался странным Андре.

— Да, знаешь, Берсен, выставивший в последнем Салоне тот прекрасный этюд женщины, о котором говорили все газеты?

Она помолчала некоторое время.

— Говорил ли ты когданибудь со своим другом обо мне?

Андре сделал укоризненное движение:

— О, Жермана!

Она засмеялась:

— Влюбленные так болтливы... если им нет сорока лет, как предполагает Дюман. Нет? Ну, я тебе признаюсь, что в восторге оттого, что этот господин де Берсен возвращается. Мне немножко надоела эта улица Кассини. Это так далеко, занимает столько времени... Мы найдем что нибудь миленькое в моем квартале. Мы обставим квартиру по нашему вкусу, будем бегать по магазинам старинных вещей... Это будет восхитительно...

Андре покачал головой:

— И потом нас встретят вместе!

Она закрыла ему рот рукой.

— Боже, до чего ты труслив! Мне кажется, что я слышу осторожного Дюмана.

Андре опечалился.

— И к тому же я не богат.

Она обвила его шею обеими руками.

— Какой ты глупый, мой бедный Андре, но ведь ты отлично знаешь, что все это мне безразлично. Тут или в другом месте, повсюду, я хочу принадлежать лишь тебе. Мы пойдем туда, куда ты захочешь. Нам всегда будет одинаково хорошо. А как это будет занятно! К тому же, так будет много безопасней, чем всегда встречаться на одном месте. О, Андре, я обожаю тебя!

Он схватил ее за талию и увлек в комнату. Полураздетая, она, смеясь, покорялась ему. Когда они

дошли до кровати, она позволила тихонько уложить себя в нее.

— Ах, дорогой мой, какая странная вещь — жизнь!

Когда Жермэна в последний раз покинула улицу Кассини, Андре вернулся домой пешком. Он был печален. Время, проведенное в мастерской Антуана де Берсена, было счастливым временем. И Андре был растроган, немного удивляясь, впрочем, тому, что Жермэна не выказала никакого волнения при мысли, что больше не увидит этого места, которое должно бы быть ей столь дорогим. Первый период их любви заканчивался здесь. Впрочем, при их последних свиданиях Андре заметил легкую перемену в поведении Жермэны. Она вносила в наслаждение тот же пыл, что и раньше, но она становилась менее серьезной, более веселой. Их любовные игры, оставаясь по-прежнему страстными, становились более утонченными... Андре очень охотно принимал такое положение вещей! Первая настоящая забота была причинена ему неожиданным возвращением Антуана де Берсена...

Ему придется, в самом деле, заняться присканием маленького помещения, в котором он мог бы принимать Жермэну, и эта необходимость напомнила ему вдруг, что финансы его совсем не были в цветущем состоянии. Несколько покупок цветов, уплата по счетам тетюшки Коттенэ, чаевые, которые он к этому прибавлял, расстроили их почти окончательно. Раза два уже он прибегал к кошельку гос-

пожи Моваль, но он боялся слишком частыми просьбами возбудить подозрения матери по поводу своего поведения. Ему было уже трудно объяснять юридическими занятиями свои постоянные отлучки из дома. И, тем не менее, ему нужны были, во что бы то ни стало, деньги, и даже довольно крупная сумма.

Не переставая думать о способе достать их, он шел вдоль решетки Люксембургского сада, как вдруг очутился против Эли Древе. Молодые люди не виделись несколько месяцев. Андре часто упрекал себя за равнодушие к другу, но тот, очевидно, не сердился на него за это, потому что подошел к нему так, как будто бы они расстались накануне.

Древе к тому же был, повидимому, в превосходном настроении. Он был одет лучше, чем всегда. У него был более здоровый вид, и под мышкой он держал портфель. После первых слов, когда Андре рассматривал портфель, Древе воскликнул:

— Ах, ты косишься на мой портфель. Ну, ладно, старина, я тебе все расскажу. В одном его отделении стихи, в другом — любовные письма, а между обоими — корректура книги Марка-Антуана де Кердрана, которую он поручил мне править, — этот ветераник Берсен, верно, уж говорил тебе, что я служу секретарем у Кердрана.

Андре поздравил Древе. Он, действительно, знал об этом от Берсена. Древе засмеялся.

— А знаешь, папаша Кердран — добрейшее существо, прямо душа-человек. Он меня обул, одел. Когда я прихожу к нему с промоченными ногами, он

заставляет меня снимать башмаки, чтобы я высушивал свои носки. Угощает меня грогом. Потом работаем понемножку. Он забрал себе в башку, что напишет большую историю французской поэзии в четырех томах. И ты представляешь себе, как он старается ругать своих собратьев всех времен! Я его подстрекаю, за это старик любит меня. Потом я забавляю его... Он меня заставляет говорить о женщинах. Это его поражает. Он до того несведущ в любви, ты себе представить не можешь! У него, вероятно, не было и четырех любовниц в жизни. Что до его стихов, то я изменил свое мнение о них. Какими мы были глупцами, когда приходили от них в восторг! Помнишь, тогда вечером, когда мы обедали у Ланеруз с Берсеном и с этой ключей Алисой Ланкеро? Ах, дорогой мой, великих людей не следует рассматривать вблизи!

Древе презрительно надулся и прибавил, ударив по портфелю:

— Вот, милый мой, у меня тут есть мое собственное стихотворение, которое стоит всех элегий Кердрана. Зайдем к Вашетту, я покажу тебе его. Но что с тобой? У тебя зловещий вид.

Андре покачал головой. Его ум пронизала одна мысль. Он проворно схватил Древе за его худую руку, узловатые суставы которой чувствовались сквозь одежду:

— Послушай, Эли, ты можешь оказать мне услугу: мне нужно пятьсот франков.

Эли Древе прыснул от смеха.

— Пятьсот монет? Так ты думаешь, что знаменитый Марк-Антаун озолотил меня! Но, дорогой мой, он — скряга! Он дает мне просушивать ноги и поит экономическими грогами, но он не берет меня с собой к Фуайо, когда ходит туда завтракать! Милейший Кердран, все это появится когданибудь в биографии, которую я ему готовлю.

— О, Эли...

Обиженный Андре отпустил руку Древе.

— Какой ты глупый! Это только так говорится. Хозяев принято ругать, но, в сущности...

Древе пожал плечами. Он продолжал:

— Все таки, пятисот франков у меня нет, старина Андре...

— Но дело совсем не в этом. Я прошу тебя только написать письмо, которое я мог бы показать маме, и в котором ты мне пишешь, что тебе необходимы эти деньги...

Эли Древе отошел на один шаг, подбросил в воздух свой портфель, поймал его и низко поклонился Андре:

— Хитрец! Готово дело. Ты влюблен.

Андре опустил голову.

— Поздравляю, дорогой мой. Ага, попался! Блондинка или брюнетка?

Андре завокнулся:

— Да нет же, Эли, уверяю тебя... Только, мне необходимы эти деньги... Тогда я подумал... понимаешь...

Он путался. Древе засмеялся:

— Та, та, та... Ну, ты завтра получишь мое письмо. Все таки ты, примерный сын, образцовый молодой человек, как и другие, пошел на обман. Но, раз я тебе доставлю такую крупную сумму, одолжи ка мне луидор. У меня тоже есть подруга!..

При таких деньгах я поведу ее завтра к Фуайо. Если Кердран увидит меня там, он будет ошеломлен, старый скряга! Мы составим как бы два кортежа Сулари!..

XXII

Направляясь на улицу Кассини, куда его вызвала синяя телеграмма, Андре испытывал странное впечатление. В мастерской, наполненной для него образом Жермэны де Нансель, присутствие Антуана де Берсена казалось ему скорее неуместным. Это чувство было смешным, но Андре не мог подавить его в себе. К чему эта внезапная мысль вернуться в Париж? Телеграмма, посланная ему Берсеном, не говорила ничего о причинах этого возвращения. Андре упрекал себя в том, что так мало радуется при мысли о свидании с другом. Художник, наверное, спросит его, пользовался ли он мастерской. Самое лучшее будет — сказать ему правду. Для того, чтобы скрыть ее от него, следовало бы обеспечить себе молчание тетушки Коттенэ, но это молчание могло быть приобретено только такой щедростью, на которую у Андре не было средств. Оно обошлось бы ему слишком дорого, и без того ему пришлось поскучиться при прощальном вознаграждении. К тому же, было слишком поздно для того, чтобы пытаться закрыть рот этой женщине. Тетушка Коттенэ уже, вероятно, проболталась. Поднимаясь по лестнице, Андре дал себе обещание отвечать как

можно уклончивее на вопросы Антуана де Берсена и поскорее перевести разговор на другой предмет.

Дойдя до двери, Андре стал машинально искать у себя в кармане ключ от замка, потом, пожав плечами на свою рассеянность, он позвонил. Ему открыла тетюшка Коттенэ. Андре показалось, что она насмешливо смотрела на него.

— Господин Антуан в своей мастерской.

Андре Моваль почувствовал преднамеренность. Тетюшка Коттенэ говорила: в своей мастерской, как бы для того, чтобы подчеркнуть, что времена изменились. Он это и без нее знал, чорт возьми! И с движеньем невольной досады он повернулся спиной к старухе.

Когда Андре Моваль вошел в мастерскую Антуана де Берсена, первое, что он заметил, была рыжая масса, вскочившая с дивана и бросившаяся к нему с радостным лаем. Сеттер узнал своего туренского товарища и весело встречал его. Животное прыгало вокруг Андре и каталось перед ним.

— Гектор, сюда! Гектор, сюда!

Злым, жестоким голосом, которого Андре не знал у него, Антуан де Берсен звал сеттера, который, вместо того, чтобы повиноваться, усиливал свои ласки. Вдруг, пораженный Андре увидел, как Антуан схватил животное за кожу на спине и швырнул на середину комнаты, откуда, ударом ноги он оттолкнул его, завывшего от боли, в то время как он сам стоял перед молодым человеком и смотрел на него нехорошим взглядом, храня враждебное молчание.

Андре, ошеломленный таким гневом и такой сердитой встречей, смутился. Что такое было с Берсенем? Андре рассмеялся принужденным смехом:

— Что это, Антуан, ты так дурно обращаешься с этим беднягой Гектором? Он ведь не сделал ничего дурного. Все же я рад, что вижу тебя. Как ты поживаешь?

Он протянул руку Антуану де Берсену, который сделал вид, что не замечает этого движения. Андре покраснел.

— Что с тобой, Антуан? Ты не хочешь, чтобы твоя собака приближалась ко мне, ты смотришь на меня злобно, а когда я протягиваю тебе руку, ты мне не подаешь своей!

Голось Андре задрожал слегка. Антуан вынул у себя из кармана какой-то предмет и бросил его на стол, не говоря ни слова. Это был порт-карт Жерманы. Она, вероятно, забыла его, во время одного из своих посещений улицы Кассини, но это не оправдывало почти враждебного приема Антуана. Разве не сам он предоставил свое жилище в пользование друга? «Может быть», — сказал себе Андре, — «мне следовало предупредить его, что я принимал у него свою любовницу».

Антуан де Берсен, расхаживавший неровными шагами по мастерской, вдруг обернулся:

— Вот что, покончим с этим... Возьми это. Это было под одной из подушек дивана.

Он пальцем показал на порт-карт.

— Да возьми же, тебе говорят!

Он сердито тошнул ногой.

— Ах, ты отлично проделал все это, мой мальчик!

Его голос стал насмешливым:

— Да, я сказал тебе, уезжая, что оставляю тебе мастерскую; приводи туда женщин, если хочешь...

Ах, ты не злоупотребил позволением. Ты бываешь скрытен, когда захочешь. Ты приводил всего лишь одну. Только, видишь ли, тебе не повезло. Это была единственная женщина, которая никогда не должна была входить сюда, единственная, ты слышишь, единственная, потому что она — единственная, которую я когда либо любил, и о которой я всегда сожалел...

Он приблизился к Андре и бешено потряс его за руку:

— Ты не понимаешь... но Жермена! да, Жермена де Нансель, ведь это она была любовью моей юности. Да, помнишь, я тебе рассказывал об этом. В Пуатье, та девушка, о которой я тебе говорил... Это она, твоя любовница, которую ты приводил ко мне, которую ты сжимал в своих объятьях на этом диване, которой ты обладал на моей собственной кровати. Ты понимаешь теперь?

Андре опустил голову. Антуан отпустил его руку и стал расхаживать взад и вперед. Он остановился перед Андре:

— Ты находишь меня неленым, не так ли? В конце концов, ты прав. Разве я смею сердиться на тебя? Разве ты виноват в том, что она забыла здесь свой порт-карт, что я нашел его, что я заста-

вил проболтаться тетушку Коттенэ! Но это выше моих сил. Мысль, что она твоя любовница, мучит меня. Мне хочется разбить тебе физиономию. Мне становится тошно при мысли, что я мог бы коснуться руки, ласкавшей ее тело. Ах, я и не думал, что люблю ее так, до сих пор!

Антуан де Берсен вытер себе глаза. Сеттер, забившийся в глубину комнаты, заискивающе вилял хвостом. Антуан продолжал:

— Видишь эту собаку, так вот, мне кажется, если бы ты коснулся ее, я не мог бы больше оставить ее у себя. Это все равно, что мастерская, я не могу выносить ее. Я заявлю, что пересезжаю, продам мебель. Да и к чему мне все это?.. Я отправлюсь путешествовать, может быть, на несколько лет...

Странно быть до того влюбленным в женщину, которой никогда не обладал, тогда как с Алисой ты мог бы спать сколько тебе угодно, и я не моргнул бы. Но это так... Тут уж я ничего не поделаю, да и ты тоже, не так ли?

Андре сделал движение, выразившее сожаление... Он был удручен. Ему почти хотелось в то мгновение, не быть никогда знакомым с госпожой де Нансель. Ему хотелось заговорить с Антуаном, и он не находил ничего, что сказать ему. Он машинально взял порт-карт... Антуан смотрел на него:

— Ах, да, я забыл... Тебе нечего бояться тетушки Коттенэ. Я обеспечил тебе ее молчание. А теперь, прощай.

У Андре в глазах стояли слезы:

— Прощай, Антуан!

Он медленно направился к двери, но Антуан остановил его:

— Послушай, раньше чем мы расстанемся, так как мы никогда больше не увидимся, я хотел спросить тебя об одной вещи.

Антуан де Берсен колебался. Вдруг он решился:

— Мне хотелось бы узнать, что Жер... госпожа де Нансель... Одним словом, говорил ли ты ей, кому принадлежит эта мастерская?

Андре отрицательно мотнул головой. Затем он прибавил:

— Она меня спросила об этом только в тот день, когда я объявил ей, что возвращается друг, представивший мне эту мастерскую на время своего отсутствия.

— А когда она узнала о моем имени, сказала ли она что-нибудь?

— Нет, она ничего не сказала!

— Ничего!

— Нет, ничего!

И Антуан де Берсен отпустил Андре Моваля.

XXIII

Деньги, полученные Андре Мовалем от матери при помощи письма Древе, пошли на наем небольшой меблированной квартиры на бульваре Бертье. Жермена была от нее в восторге. Что до Андре, то он страдал, предоставляя своей возлюбленной столь неудобную квартиру. На его сожаления Жермена отвечала смехом. Посредственность этого жилища не только не огорчала ее, она нравилась ей. Она находила заманчивый контраст в том, что подымалась в изящных платьях по узкой лестнице, ведущей к тому, что она, смеясь, называла их конурой. Ее забавляло видеть, как ее украшенные кружевами юбки и ее тонкое белье валялись по креслам не первой свежести. Когда Андре извинялся за это, она ему отвечала:

— Но, дорогой мой, если б я хотела того, чего ты не можешь доставить мне, я последовала бы советам Дюмэна. Я выбрала бы себе в любовники человека, искушенного опытом, как он называет одного из тех хитрецов, которые воображают, что все знают, и которых, в конце концов, застают на месте преступления, несмотря на все их усиленные предосторожности. И видишь ли, если бы я была застигнута со старым господином, я умерла бы от

стыда, тогда как попасться с тобой было бы ужасно мило. Посмотри, что это была бы за прелесть!

И она обняла его, смеясь, перед старым зеркальным шкафом.

Если веселое настроение Жермэны и успокаивало его, то он не мог не испытывать тревоги по отношению к своим родителям. Он спрашивал себя, не догадываются ли они о чем нибудь. Госпожа Моваль, казалось, «клянула» на письмо Эли Древе, но она, должно быть, заметила по частым отлучкам Андре, что сын ее чем то безрассудно увлечен...

Однажды вечером, придя домой к обеду, молодой человек заметил у своих родных расстроенные лица. Господин Моваль тревожно расхаживал, госпожа Моваль вздыхала. Андре вдруг вспомнил историю с Розинной. Но теперь он больше не был ребенком, которого можно бранить и запираить в комнату. Он сумеет защитить свою свободу.

Андре робко спросил мать о причине ее тревоги. Он готов был отвечать на упреки, признаться в своей любви и громко провозгласить ее. Могло статься, что тетюшка Коттенэ, несмотря на утверждение Берсена в скромности старухи, выдала его. Только бы она не донесла таким же образом и господину де Нансель!

Господин Моваль положил конец этой неуверенности. Все несчастье происходило от бедного дяди Гюбера, этого «животного Гюбера», как говорил господин Моваль, топая ногой. Ах, всегда следовало ожидать чего нибудь подобного от такого сумасшед-

шего!.. Мало того, что он рассердился из за пустяков и в свои годы заупрямился! Теперь он выкинул штуку покрупнее. Да, этого старого безумца недавно арестовали за незаконное ношение ордена! — И господин Моваль, говоря это, указывал на петличку своего сюртука, где была изящно повязана красная ленточка, которую он то имел право носить. — Да, дядя Гюбер, чтобы удачнее разыгрывать отставных полковников, имел дерзость выставить офицерскую розетку! Подобное сумасбродство довело его до полицейского комиссара, вследствие чего и в виду одинаковости фамилий, из Канцелярии присылали за справками на улицу Бо-з-Ар. Все выяснилось и, конечно, делу не дадут ходу, но господину Моваль пришлось приводить смягчающие обстоятельства в защиту своего слабоумного брата. Хорошо, что на этот раз так сошло, но чего только можно ожидать от него в другой раз! И взбешенный господин Моваль клялся, что сумеет принять необходимые меры. К счастью, во Франции есть суд, и нет недостатка в домах для умалишенных!

Слушая упреки отца, Андре чувствовал в себе большую жалость к бедняку-дядюшке Гюберу. Но все таки, что за странная мысль — делать вид, что имеешь орден! Какое удовольствие доставило бы ему, например, иметь разрешение носить на пиджаке кусочек красного муара! Да, это один из знаков славы, но что такое слава в сравнении с любовью! Он испытывал уже подобное чувство в прошлом году вечером, когда, пообедав у Лаперуз с Алисой,

Берсеню и Древе, он пешком возвращался домой, смотря на холодные звезды зимнего неба. Он говорил себе тогда, что Берсен и Древе достигнут когда-нибудь славы, тогда как он останется неизвестным. Как он страстно мечтал о любви в тот вечер! Каким недостижимым и далеким казалось ему счастье любить!

И Андре Моваль вспомнил те планы будущего, которые он составлял тогда. Если ему будет отказано в этой радости — любить и быть любимым, он станет искать утешения в своем сердечном одиночестве в головокружительно-далеких путешествиях, в разнообразии зрелищ, даваемых глазу созерцанием чужих краев. Сколько раз в то время он представлял себе солнечные и благоуханные страны, которые могли бы убаюкать его грусть и усыпить его горе! Как часто тогда печальная мечта уносила его в неведомые края. Ему необходимо было не более, не менее, как разнообразие всего обширного мира, чтобы отвлечься от себя самого! Какими пустыми казались ему теперь эти мечты! Что ему было за дело до тех пейзажей Востока, которые так страстно манили его когда-то! Пусть пароходы Мореходного Общества бороздят моря, — ему больше не хотелось, чтобы они увозили его к иным горизонтам. Да, там были яркие небеса, огромные цветы, пустыни, леса, причудливые и великолепные города, благоуханные сады, люди, одетые в многоцветные одежды! Там были весны прекраснее наших, вечное лето, но к чему ему было теперь все это! Его прежняя любознатель-

ность исчезла, и из всего огромного мира лишь одно занимало его отныне. Для того, чтобы быть счастливым, ему было достаточно взглянуть на одно лицо, услышать один голос, заключить в объятия одно тело. Весь мир для него вмещался в скверно обставленной комнатке, где, прижав свои уста к другим устам, он забывал время и пространство.

XXIV

От матери, к которой госпожа де Нансельль время от времени заходила в ее приемный день, Андре узнал, что Нансельли должны уехать из Парижа в Буамартен в начале июня. Андре ничего не говорил Жермэне, но он страдал от этих посещений молодой женщиной улицы Бо-з-Ар. Он пытался отговорить ее от них, но госпожа де Нансельль заявляла, что питает большую симпатию к госпоже Моваль. Поддерживая сношения с родителями Андре, она точно так же хотела, чтобы Андре иногда появлялся у нее. Она несколько раз приглашала его с собой в театр. Эти вечера бывали тягостны для Андре, благодаря присутствию господина де Нансельль; Андре признался Жермэне в смущении, испытываемом им при этих встречах. Молодая женщина отвечала ему, что у нее были на то свои причины, и засмеялась, глядя на его недовольное лицо:

— Знаешь, ты — очень плохой любовник! Дюмэн особенно рекомендует быть в хороших отношениях с мужем своей любовницы. Ты еще поблагодаришь меня за это когданибудь, дурачек!

И они больше не подымали разговора по этому поводу.

Жермэна не говорила также Андре о том, когда она собиралась уехать в Буамартен, но Андре часто думал о часе разлуки. По мере того как приближалось лето, он вспоминал о нем все чаще. Что станет с ним, вдали от Жермэны? Будет ли она страдать от его отсутствия? Жермэна не делала на это ни малейшего намека. Оставалась всего лишь неделя до того времени, когда, по словам госпожи Моваль, Нансели должны были уезжать. Андре решился спросить об этом молодую женщину. В тот день она по обыкновению радостно и жгуче предавалась наслаждению. При первых же словах Андре она перебила его:

— Ну, да, мы уезжаем в будущий четверг, и на этой неделе мне даже будет некогда приходить сюда из-за приготовлений к отъезду...

Андре стоял перед ней, сумрачный и готовый расплакаться.

— Ну, не строй такого лица! Я вернусь в октябре.

Андре вздохнул:

— В октябре, но до тех пор?

— До тех пор, Андре... но ведь нужно же тебе готовиться к экзамену. Да, впрочем, устроимся какнибудь.

Она казалась до того равнодушной и спокойной, что у Андре получилось впечатление, будто она не любит его больше. Он сказал ей об этом. Она пожала своими прекрасными обнаженными плечами.

— Какой ты глупый, Андре! К чему вносить печаль и заботы в нашу любовь? Я знала, что мы

расчувствуемся при разлуке, поэтому я хотела уехать, не предупреждая тебя. Послушай, во вторник я — свободна; приглашаю тебя позавтракать со мной в Сен-Клу по-товарищески. Мы поедем на пароходе; я буду ждать тебя в одиннадцать часов на Пон-Руайальской пристани. Мой муж отправится на целый день в Жювизи с господином дю Вердоном, чтобы присутствовать на состязании в пистолетной стрельбе. Это новая его прихоть. Значит, решено. Я ожидаю тебя, мой возлюбленный.

Он схватил ее в свои объятия. Она крепко прижалась к нему и он запечатлел свой поцелуй на устах, искаженных рыданием.

В «Голубом Циферблате», где они расположились, чтобы позавтракать, было мало народу. Когда им начали уже подавать, Андре сделал движение досады и сказал вполголоса молодой женщине.

— Жермена, вот господин Дюман.

Действительно, романист выбрал столик на некотором расстоянии от них. Жермена, казалось, не была ни огорчена, ни смущена этой встречей.

— Да, и мне даже кажется, что он с мадемуазель Ванов, торгующей редкостями. То, что я ему о ней рассказала, заинтересовало его, и теперь они стали лучшими друзьями. Он любит особенности парижской жизни, а мадемуазель Ванов — странный человек. Он не заметил нас. Впрочем, Дюман скромен. Да и к тому же, я предупредила господина де Нанселя, что буду завтракать с тобой. Ты ему, между прочим, очень нравишься. Вы видите, юный

Андре, что я была права, желая, чтобы вы были в хороших отношениях с моим мужем, а, может быть, когда нибудь вы убедитесь, что я еще более права, чем вы думаете.

Веселая и загадочная, госпожа де Нансель посмотрела на Андре Моваля с нежным лукавством.

Послеобеденное время они провели в парке. Весь покрытый холмами, он благородно раскинулся со своими водопадом и бассейнами. Андре смотрел на прекрасную зеленую листву, глядевшуюся в них своей тяжелой тенью. Ему хотелось бы, чтобы она была золотого цвета и указывала как на осень, так и на возвращение Жерманы. В одном безлюдном месте они уселись на скамейку, возле подножия статуи. Андре взял молодую женщину за руку и поцеловал ее в губы. Она тихонько оттолкнула его и, так как он настаивал, засмеялась:

— Ты не можешь провести со мной одного дня, не думая о глупостях, Андре?

Он отрицательно мотнул головой. Она снисходительно погладила его по волосам. Она гордилась притягательной силой своего тела и желанием, которое оно внушало. Она вздохнула:

— Послезавтра я буду в Буамартене.

И прибавила:

— Как жаль, нам было так хорошо. Ты будешь думать обо мне, Андре?

На пароходе, увозившем их в Париж, мысль об отъезде Жермены терзала Андре. Он замечтался. Перед ним уже был не скромный пароходик, слабый

винт которого ударял по воде. Он преображался в огромный пароход. Берега реки исчезли. Лиман уходил в море. Они оба, стоя на носу большого судна, дышали ветром открытого моря. Они были свободны...

На мостках они расстались. Сходили люди. Жермэна и Андре дали им удалиться, затем они обнялись на берегу. Он посмотрел, как она подымалась по мощеному спуску, ведущему к набережной. Прежде чем исчезнуть, она послала ему рукой последнее прости. Он смотрел на нее сквозь слезы. Старый баркас стонал на своей цепи, которая была прикреплена к камню большим кольцом. Андре долго ударял о него железным концом своей трости, затем он злобно и нервно сломал ее, бросил оба обломка в воду и печально вернулся домой.

XXV

Между Жермэной и Андре было условлено, что он будет писать ей одни лишь общепринятые письма так как почта в Буамартене подавалась господину де Нансель. Эта невозможность выразить свои чувства сделала первые дни его разлуки с Жермэной еще более жестокими. Он не знал, как убить свое время. Он ходил блуждать по бульвару Бертье. Окна комнаты, которую он больше не нанимал, были открыты. Он долго смотрел на них. На следующий день он пошел на улицу Кассини. Там была надпись, указывавшая на то, что мастерская Антуана де Берссона отдавалась в наем. Где мог быть художник? В Риме, во Флоренции?

Вдруг ему пришла мысль, что путешествие излечило бы его от тоски, переживаемой им. Его родные, наверное, не откажут ему в позволении проехаться по Италии. В этом году опять нельзя было провести каникул в Варанжевилле. Госпожа де Сарни, хворавшая попрежнему, собиралась ехать на воды, а оттуда в Швейцарию. Но для того, чтобы господин Моваль исполнил желание сына, нужно было, чтобы Андре сдал свой экзамен, в противном случае господин Моваль заставит его остаться в Париже для того, чтобы он мог исправить свою неудачу

в ноябрьскую сессию. А Андре чувствовал, что у него весьма сомнительные шансы на успех. Тем не менее, он, до самого дня испытания, усидчиво прозанимался.

Он провалился.

Это событие причинило ему лишь небольшое горе. Госпожа Моваль, узнав об этом, не выразила удивления. Казалось, что она ожидала подобного разочарования. Андре снова спрашивал себя, не догадывается ли его мать, чему он обязан этою неудачею. Порою, когда он бывал рассеян или озабочен, она смотрела на него с тревожной нежностью. Что до господина Моваля, то он не сделал Андре никакого упрека. Он даже посоветовал ему отдохнуть хорошенько с месяц, раньше чем снова взяться за работу. Он не мог допустить, чтобы «его сын» провалился по недостатку подготовки, и предпочитал приписывать его неуспех несправедливости экзаменаторов. То же самое он дал понять госпоже Жадон, когда та пришла утешать его в подобной «незадаче». Госпожа де Мирамбо была того же мнения, а госпожа Жамбер, имевшая связи в университетском мире, обещала замолвить словечко за молодого человека к осенней сессии.

Мадемуазель Леруа мило очень утешала его. Андре не был у нее с того дня, когда, весь поглощенный мыслью о госпоже де Нансель, он на одну минуту зашел на улицу Бабилон, не будучи в силах отправиться на улицу Мурильо. Он припомнил свою робость и свою муку, когда звонил у двери

в квартиру мадемуазель Леруа. Она открыла ему сама. На ней был легкий пенюар; руки оставались обнаженными. Она была еще красива, не особенно молода, но приятна лицом и изящна по внешности.

— Бедняжка Андре, я узнала о ваших неприя-
тностях. Ничего, через три месяца все это ула-
дится. Жаль, что вам не придется готовиться
к экзамену под сенью Варанжевиля; для вас это
было бы лучше, чем проводить лето в Париже, тем
более что в этом году будет жарко. Ох, эти комары!

Она быстро подняла до плеча свой развевавшийся
рукав. Андре вспомнил, как он вошел однажды
утром в комнату мадемуазель Леруа для того, чтобы
передать ей денешу, и как он увидел ее в нижней
юбке и в корсете, поправлявшую перед зеркалом
свою прическу. Он припомнил свое смущение перед
той незначительной наготой, которую он уви-
дел. Ах, нежность обнаженной кожи! Вдруг он уже
увидел не руки, но плечи, грудь, все тело, вставшее
перед ним во всей своей реальности. Это была
Жермана. Иллюзия была так сильна, что он закрыл
глаза. Когда он открыл их, мадемуазель Леруа опу-
стила свой рукав и сказала:

— Проклятое насекомое укусило меня. Я схожу
за щелочной солью. Подождите меня, Андре, и по-
смотрите на моих птиц.

Андре повиновался. Со времени его последнего
посещения мадемуазель Леруа, число птиц чрезвы-
чайно увеличилось. Теперь они наполняли своими
разноцветными перьями огромную клетку. Среди

них были экзотические и причудливые птицы. Андре рассматривал их, когда показались мадемуазель Леруа:

— Вы пришлете мне таких птиц, Андре, когда будете консулом в жарких странах?

И она печально прибавила:

— Так как есть много вещей, которых я никогда не узнаю, и много стран, которых я никогда не увижу. Вы счастливы тем, что вы — мужчина, Андре. Что-ж! нам, старым девам, остаются только гербарии да клетки! Вот я их уже и завела.

Предсказания мадемуазель Леруа сбылись. Первые июльские недели были изнурительны. Андре Моваль проводил длинные однообразные дни. Он ложился на свою кровать с книгой, которой он не читал, и с немногими письмами от Жермэны, которые он жадно перечитывал. Госпожа де Нансель скучала в Буамартене, но скука делала ее лаконичной. Ее записки были нежны и кратки. Затем Жермэна перестала писать. Андре беспокоился. За упадком сил последовала тревога. Он без всякой надобности выходил из дому несколько раз в день. Он каждый раз надеялся, что когда вернется, привратник подаст ему желанный конверт.

Однажды вечером, вернувшись домой, он заметил, что у его родителей странный вид. Господин и госпожа Моваль находились в гостиной. Господин Моваль держал в руке письмо.

— А вот и ты, ветренник. Мы как раз обсуждаем нечто, касающееся тебя. Твоя мать только

что получила очень милое письмо от госпожи де Нансель, которая весьма сочувствует твоей неудаче и приглашает тебя провести месяц у нее в деревне. Что ты на это скажешь?

Пораженный Андре не говорил ничего. Он чувствовал, как его сердце учащенно бьется в груди. Господин Моваль продолжал:

— Она полагает, что в Буамартене тебе будет удобнее заниматься, чем здесь. У них в парке есть уединенный павильон, в который они поместят тебя с твоими книгами. Я — того мнения, что это приглашение следует принять, но твоя мать против этого.

Андре Моваль посмотрел на мать с таким укором и с такой мольбой, что госпожа Моваль опустила глаза. Господин Моваль продолжал:

— Насколько я счел бы неуместным, если бы ты отправился путешествовать для своего удовольствия, настолько же мне кажется благоразумным, чтобы ты поехал в какое нибудь место, которое благоприятно для твоего здоровья. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что мне нельзя уехать из Парижа. А твоя мать не хочет оставлять меня одного, за что я ей очень благодарен, между прочим: значит, она не может ехать с тобой в деревню... Поэтому му я нахожу, что приглашение этих милых Нансельей пришло кстати. Они ждут тебя к пятнадцатому августа...

Андре жадно слушал отца. Госпожа Моваль молчала. Андре повернулся к ней. Она слегка покраснела.

— Нужно поступить так, как тебе советует отец, дитя мое. Я только боялась, что мы, в сущности, недостаточно знакомы с Нанселями для того, чтобы посылать тебя к ним на такое продолжительное время. Вот все, что я имела возразить...

Господин Моваль всплеснул руками:

— Ну, какая ты чудачка!

Нансель ведь мой друг с самой юности, чорт возьми! Может же он приютить на один месяц сына своего старого друга. Что до его жены, то ей совсем не будет противно оказать гостеприимство молодцу, который станет ухаживать за ней и говорить ей приятные вещи. Ей, очевидно, не очень то весело живется в Буамартене. Значит, решено... Ты напишешь госпоже де Нансель.

Госпожа Моваль утвердительно кивнула головой. Андре хотелось кричать, плясать посреди гостиной. К его радости примешивалось глубокое восхищение перед его любовницей. Он понимал теперь, почему, когда он жаловался на то, что лето разлучит их, она уверяла его, что «все устроится»; почему она тщательно поддерживала постоянные сношения с госпожой Моваль; почему она настаивала на том, чтобы и он был в хороших отношениях с ее мужем. С каким предусмотрительным искусством она подготовила свою маленькую хитрость! И это ловкое поведение было внушено ей желанием видеть того, кого она любила! Андре гордился тем, что был причиной хитростей Жерманы и занимал столько места в ее сердце и в ее жизни.

Вечером, после обеда, когда госпожа Моваль вышла из гостиной, господин Моваль приблизился к Андре, который делал вид, что читает газету, и сказал ему:

— Послушай, голубчик, ты достаточно вырос, чтобы распоряжаться сам собой, но, тем не менее, запомни следующее. Когда будешь в Буамартене, смотри в оба. Ты молод, старайся развлекаться, но чтобы не было никаких безумств, никаких историй Ты понял меня? Имеющий уши, да слышит!

И господин Моваль, гордый своей дальновидностью, похлопал Андре по плечу. Как хороший кормчий, он указал сыну на подводный камень и дал толчек, но и он не предполагал, что между госпожой де Нансель и Андре было нечто иное, чем взаимное влечение их юности, а со стороны молодой женщины — только легкое кокетство по отношению к сыну.

Через два дня Андре получил от Жерманы длинное письмо. Привратница, с которой он условился, чтобы она передавала ему корреспонденцию на его имя, протянула ему письмо, когда он выходил из дома. Он отправился читать его за монастырскую ограду Школы Искусств. Жермана писала ему, что, живя в Буамартене, они должны будут быть осторожными и благоразумными. Ее муж не был ни ревнивым, ни подозрительным, и он очень охотно согласился пригласить в Буамартен сына своего старого друга Моваля. Все вышло великолепно, но им придется ограничиться удовольствием жить рядом,

под одной крышей и свободно видятся ежедневно. Они будут как брат и сестра. Андре должен обещать, что выполнит это условие.

Андре Моваль был слегка раздосадован, читая это письмо, но вся его досада рассеялась при мысли о том, что он скоро увидит Жерману. Разве любые условия не были лучше, чем быть разлученным с ней? К тому же, когда месяц в Буамартене пройдет, приблизится время возвращения молодой женщины в Париж, и они тогда снова будут жить своею любовью.

XXVI

Когда вещи Андре Моваля были внесены в ту комнату, которую он должен был занимать, и когда он привел себя немного в порядок, он сел в кресло и стал думать о радости, испытанной им при виде Жермэны де Нансель. Экипаж, дожидавшийся его на станции, привез его в замок. На крыльце он был встречен господином и госпожой де Нансель. Никогда Жермэна не казалась Андре столь прекрасной. Он мысленно восхищался грациозным силуэтом молодой женщины. Из под большой соломенной шляпы ему нежно и лукаво улыбнулось восхитительное лицо. В своей руке он почувствовал ручку своей возлюбленной и затрепетал при этом прикосновении. Но он дал клятву быть благодарным.

Андре встал, прошелся несколько раз по комнате и посмотрел на свои часы. Они показывали час обеда.

Столовая представляла собой большую комнату серого дерева. Жермэна ела с большим аппетитом. Господин де Нансель копался в своей тарелке. Он казался рассеянным и мало разговаривал. Он нарушал свое молчание лишь для того, чтобы задать несколько вопросов, ответов на которые он вовсе не

слушал. Он спросил Андре, нравится ли ему его комната. Андре поблагодарил, сказав, что его чудесно устроили. Он чувствовал себя очень хорошо в Буа-мартене. Ему нравился прекрасный вид замка и парка.

Длинное неподвижное лицо господина де Нансель слегка оживилось кривой улыбкой.

— Завтра мы вас проведем по всем углам, мсье Андре. Вы увидите, что, в сущности, эта старая лачуга—довольно приятное жилище. Потом мы вам покажем ваш павильон.

Госпожа де Нансель засмеялась, говоря эти слова, и прибавила:

— Знаете, ваш батюшка поручил мне наблюдать за вами. В его письме точно сказано: не менее четырех часов занятий в день. Я сама буду запираеть вас на ключ. Ага! попалась ко мне в плен!

Перешли в гостиную. Жермена де Нансель легла в качалку и закурила. Господин де Нансель, сидя в кресле, просматривал газеты. Иногда он поглядывал на грушну, которую составляли его жена и Андре, сидевший возле нее на табурете. Андре заметил этот взгляд. Жермена была права: им надо быть осторожными. Кладя свою папиросу в пепельницу, которую подал ей Андре, Жермена коснулась губ молодого человека своей обнаженной рукой. Андре посмотрел на нее. Ее губы сделали движение поцелуя.

На следующий день, после завтрака, отправляясь в парк, господин де Нансель, хранивший во время

еды молчанье, казавшееся привычным для него, вдруг сказал Андре Мовалю:

— Стреляете ли вы из пистолета?

Андре, пораженный неожиданностью вопроса, сказал, что не стреляет. Господин де Нансель ответил равнодушным «ага»!

— Вот и моя жена, подождите ее.

Госпожа де Нансель подошла к ним. Она открыла большой розовый зонтик:

— Извините меня, Этьеннетта — это моя горничная — никогда не знает, где находятся мои вещи, а сама я ничего не могу найти.

Андре хотелось засмеяться. Он вспомнил, с какой ловкостью Жермена умела одеваться и раздеваться. При этом воспоминании перед ним встали сладостные образы. Он припомнил, как Жермена быстро растегивала крючки, развязывала узлы, снимала лиф и спускала юбку... Господин де Нансель пожал своими узкими плечами:

— Не следует быть до такой степени зависимым от другого.

Госпожа де Нансель отвечала:

— Что поделаешь, друг мой, это так. Я не могу обойтись без посторонней помощи. Если бы Этьеннетты или какойнибудь другой не было здесь, мне кажется, я появлялась бы совершенно голой и спала одетой.

Она толкнула локтем Андре, который не сморгнул.

Они прошли несколько шагов по площадке. Над ее перилами возвышался большой квадратный, об-

лицованный камнем водоем, в котором отражались деревья, окружавшие его. Два других продолговатых водоема были расположены по бокам замка. Буамартен был крепким сооружением из камня и кирпича с высокой черепичной крышей. Андре пришел от него в восторг. Господин де Нанселль принялся объяснять:

— Он был построен в 1605 году Жаном де Голлероном, товарищем Генриха IV. Я восстановил всю его историю. Во время революции он принадлежал Вандомскому епископу. Он же велел выстроить тот маленький павильон, который будет служить вам классной комнатой, мсье Моваль.

Они все трое спустились с площадки и пошли вдоль квадратного водоема, шедшего до самого парка в виде канала.

За деревьями, стоявшими у ограды, протекала Луара.

— Это очень красивая речка, вы увидите, мсье Андре. Я поведу вас кататься туда на лодке. Я очень хорошо гребу. Там есть места, где она очень глубока и вся покрыта цветущими неюфарами. Но сегодня слишком жарко. Пойдемте лучше в павильон.

И госпожа де Нанселль вошла в аллею, удаляющуюся от водоема; за ней последовали Андре и ее муж.

Этот павильон был маленьким квадратным строением, с выпуклой крышей, покрытой мшистыми черепицами. Розовые кусты висели по трельяжу стены

и обрамляли окна. Внутри него была просторная комната, с белыми деревянными стенами, в которой находился большой стол, несколько стульев и диван. Там был также небольшой камин, над которым возвышалось зеркало. Соломенные сторы поддерживали приятный полумрак.

— Вот ваше жилище, мсье Андре. Сюда перенесут ваши книги, и никто не придет мешать вам.

Пока господин де Нансель говорил, Жермана подошла к камину. Под кружевной шляпой она поправила шпильку в своей прическе, одну из тех светлых черепаховых шпилек, которые она втыкала в свои густые волосы. Андре опустил глаза. Это движение его любовницы было связано в его уме со сладостными часами близости. Ах, как часто образ Жерманы будет присутствовать при его занятиях! Это старое зеркало сохранит ее отражение!

Выходя из павильона, Андре и Жермана были задумчивы. Они молчаливо шли перед господином де Нансель. Вдруг Андре изумленно воскликнул. На повороте аллеи показалось нечто в роде киоска. Дальше, у стены, замыкавшей парк, виделось два манекена, выкрашенных в черный цвет. Они были похожи на тех прыгучих человечков, которые продаются на ярмарках. Только они были в натуральную величину. Они были изображены с цилиндрами на голове. Можно было подумать, что они убежали из ящика с китайскими тенями.

Андре Моваль обернулся к господину де Нансель:

— Это—мишени для моего тира... Да, тут я упражняюсь в стрельбе из пистолета. О, это очень интересный спорт. Меня посвятил в него господин дю Вердон де ла Мишагьер. Я еще новичок, но начинаю уже привыкать.

Андре вспомнил, что Жермена говорила ему об этой новой прихоти господина де Нансель, заменившей собой занятия в архиве. Что за странная забава—простреливать пулями эти смешные чучела!..

Между тем господин де Нансель приблизился к киоску. Он открыл ящик, лежавший на небольшом столе; госпожа де Нансель нетерпеливо обратилась к нему:

— Послушайте, Огюст, оставьте ваши пистолеты. Не собираетесь же вы оглушать нас. С бедного Андре Мовалья будет достаточно вашей стрельбы, когда он будет заниматься в павильоне.

Господин де Нансель с видимым сожалением положил обратно оружие, которое он взял было, и с грустью посмотрел на своих чучел, в то время, как Андре уверял его, что он быстро привыкнет к выстрелам, к тому же отдаленным, его тира.

В тот вечер, после обеда, Андре впервые очутился наедине с Жерменой. Когда, часов около десяти, господин де Нансель выразил желание отправиться спать, госпожа де Нансель сказала ему:

— Но, милый Огюст, господин Моваль, может быть, не любит так рано ложиться, как вы. Только теперь становится хорошо. Не хотите ли посидеть немного на террасе, мсье Андре?

Молодой человек согласился. Когда господин де Нансель удалился, Андре и Жермена вышли из гостиной. Звездная ночь отражалась в темном водоеме. Порой легкий порыв ветра волновал листву. Все вокруг было тихо. Андре и Жермена облокотились о перила. Андре нежно, несмелой рукой погладил обнаженную руку, положенную молодой женщиной на холодный камень.

— Я счастлив, что нахожусь здесь, Жермена.

— Я тоже счастлива, что ты тут Андре.

Он заговорил с нею вполголоса. Он рассказал ей о своей печали в Париже, после ее отъезда, о своей тоске и отчаянии, о своих продолжительных грезах, в которых он вызывал ее, о сожалении, испытанном им, когда он перестал видеться с нею. Она слушала его и отвечала ему нежными словами. Ей тоже не доставало его, и она не могла перенести разлуки. И она привела в исполнение этот безумный план, о котором думала уже давно. Теперь они опять вместе, но им придется быть осторожными. Господин де Нансель с некоторых пор казался ей странным, хотя он без возражения согласился пригласить на месяц его, Андре, в Буамартен. Месяц, перед ними был целый месяц, для того, чтобы быть одному возле другой! И не всегда будет так, как сегодня когда господин де Нансель не отходил от них. Он вернется к своим привычкам, к своим прогулкам, к своему тиру, своему излюбленному тиру...

Они засмеялись. Освоившись с темнотой, они теперь различали друг друга во мраке:

— Я люблю тебя, Андре.

— Я люблю тебя, Жермана.

Они услышали шум закрываемого окна.

— Поздно уже, мне нужно уходить. Я не хочу не давать спать Этьеннетте—да, это моя горничная. Ах, кстати, я запрещаю тебе ухаживать за нею. Я не забыла истории с Розинной, которую ты мне рассказал. Знаешь, когда тебе было четырнадцать лет...

Они снова засмеялись. Взрыв их веселья нарушил ясность и молчание ночи.

XXVII

В то утро, четвертое со дня приезда к Нанселям, Андре встал рано. Придя в парк, он почувствовал себя счастливым и бодрым и решил пойти к Луаре, к тому месту, где привязана лодка, на которой он, накануне, катался с Жермэной, но, очутившись здесь, он улегся на траву и предался размышлениям, глядя на томное и медленное течение реки.

Отправляясь в Буамартен, Андре уступил властному желанию увидеть снова Жармэну; он приготовился к тому, что ежедневное присутствие любовницы станет для него одновременно и наслаждением, и мукой, но он заметил, наоборот, что весьма легко принимает условия, поставленные Жермэной. Была ли эта Жермэна, возле которой он жил почти спокойно, той, которая занимала раньше такое место в его жизни? Откуда для них обоих пришло это внезапное спокойствие? Тем не менее, они не меньше прежнего любили друг друга. Быть может, их обоих теперь сдерживала уверенность в том, что скоро в Париже они снова предадутся своим обычным ласкам. Как бы то ни было, Андре решил воспользоваться этим затишьем для того, чтобы приняться за работу. Он до сих пор входил в знаменитый па-

вильон лишь, когда переносил туда свои книги, да позавчера, пока Жермэна писала письма, для того, чтобы соснуть там под шум близких, но не слишком мешавших пистолетных выстрелов этого милого г-на де Нансель, который был решительно чудачком. Сегодня он как следует запрется там, часа на три, по крайней мере, и будет поступать таким образом каждый день; и жизнь будет проходить так до того времени, когда он вернется в Париж и будет заменен в Буамартене Сен-Савенами, которые должны были приехать сюда на некоторое время, и Жаком Дюмэном, собиравшимся прожить здесь недели две...

Когда Андре во время завтрака объявил о своем намерении, он заметил на лице Жермэны лукавое выражение:

— Браво, мсье Андре! я в восхищении от вас, раз вы в состоянии работать в такую жару, потому что сегодня буквально задыхаетесь!

Действительно, было очень жарко. Сквозь опущенные занавеси столовой чувствовался яркий дневной свет. В полумраке комнаты раздавалось жужжанье осы. Порою шум этот умолкал, когда насекомое отдыхало на одной из ваз с фруктами, запахом которых был напоен воздух.

Андре, сидя за рабочим столом, задумался, подперев голову руками. Господин де Нансель, отправляясь к своему тиру, проводил его до аллеи, ведущей к павильону. Уходя от него, он сказал ему:

— Ну, молодой человек, мужайтесь! Не утомляйтесь слишком. Вы будете в полном покое. Я распо-

рядился, чтобы никто не подходил к павильону, пока вы там находитесь. Так что зубрите, сколько хотите. А я хочу всадить несколько пуль в своих чело-вечков...

И Андре увидел, как господин де Нансель уда-лился по направлению к киоску.

Теперь pistolетные выстрелы господина де Нан-сель раздавались с правильными перерывами. Это было единственным звуком, нарушавшим тишину в павильоне. Как раньше в столовой, здесь жужжала оса. Порой она ударялась об оконные стекла. Сол-нечные полосы, проникавшие сквозь опущенные сторы, золотили паркет. Одна из них доходила до старого зеркала, висевшего над камином. Андре поднял глаза. В зеркале он снова видел образ Жер-мэны, знакомый жест, когда она на днях втыкала в волосы большую светлую черепаховую шпильку. Он вдруг почувствовал сильное желание увидеть, как рассыпаются волосы его возлюбленной. Где была она теперь? Вдруг чей то сдерживаемый смех заставил его повернуть голову.

Жермэна стояла на пороге открытой двери, ко-торую она тихонько закрывала.

— Жермэна!

Они стояли друг против друга. Вокруг них ле-тала заблудившаяся оса. Один и тот же непреодо-лимый порыв соединил их. Их уста искали друг друга, и они остались некоторое время, слившись в страстном, прерывавшемся поцелуе. Андре про-шептал:

— О, Жермэна! Жермэна!

Она обхватила его шею руками. Он жадно смотрел на нее.

— Ну, да, это — Жермэна, это — я... Не прикидывайся изумленным. Признайся, — ты ждал меня? Ты отлично знал, что так больше не могло продолжаться...

Она нежно прижалась к нему.

— Какими мы были глупыми, бедняжка Андре! Подумать только, ведь я считала возможным жить рядом с тобой ежедневно так, чтобы между нами ничего не было! Тем не менее, ведь я так думала, когда мне пришла в голову мысль выписать тебя сюда, но как только я увидела тебя, я ясно поняла, что это невозможно. Ну, а ты, послушай, ты догадывался об этом, не правда ли?

Она разразилась торжествующим, молодым и свежим смехом.

— Эх, что нам до того, что может случиться! Да, впрочем, что же такое может случиться!.. Все равно, я люблю тебя, я люблю тебя, Андре...

Андре снова схватил ее. Под легким платьем чувствовалось гибкое и покорное тело молодой женщины. Его благоразумные и осторожные решения поколебались. Мгновенно, но напрасно советы господина Моваля пришли ему на ум: «Никаких безумий! никаких историй!» Ах, что стоили все эти напрасные предосторожности рядом с предстоящим наслаждением! Он еще успеет стать осторожным позднее, когда будет старше! Теперь он был молод,

влюблен, пылок. Его возлюбленная была чувствительна и прекрасна. Она была нечаянною радостью; и оба они медленно упали на диван в то время, как издали доносились глухие выстрелы тира, и кружившаяся оса ударялась о стекла своим окрыленным золотым шариком,

XXVIII

Между тем приближалось время, когда Андре Мовалю нужно было вернуться в Париж. Ему оставалось прожить всего четыре дня в Буамартене. Его мать в своих письмах умоляла его не задерживаться там больше. Она напоминала ему, что, если, как она надеялась, он не особенно пренебрегал подготовкой к экзамену, ему, все же, было бы полезно подучиться немного с репетитором, который помог бы ему выдержать ноябрьское испытание. К тому же госпожа Моваль явно страдала от разлуки с ним. Она не осмеливалась слишком высказывать свою тревогу, но Андре читал ее между строк материнских посланий. Молодой человек догадывался также о ее причине. Госпожа Моваль, наверное, подозревала о его связи с Жермэной де Нансель. Ему, впрочем, не было неприятным то, что она догадывалась о ней, и он не понимал, почему она печалилась об этом. У всех молодых людей его возраста есть любовницы. Его отец, положим, был благоразумнее в этом отношении. Он был менее благоразумным в других отношениях, потому что, по словам госпожи Моваль, надрывался за работой. Установление новых линий причиняло немало забот господину Мовалю. К этим хлопотам прибавлялось

еще, хотя он и не сознавался в этом, беспокойство за дядю Гюбера. Господин Моваль, проходя недавно по Тюильрийскому саду, встретил бедного дядюшку Гюбера, очень изменившегося и постаревшего. Было тяжело его видеть, и он казался совсем помешанным. У него в петличке была огромная разноцветная розетка, которая когда нибудь неминуемо доведет его до участка; он громко разговаривал и жестикулировал на ходу. Господин дю Вердон де ла Минагьер причинял также неприятности господину Мовалю. Его частые отлучки, на которые начальники смотрели сквозь пальцы, заставляли роптать его сослуживцев, возмущенных снисходительностью, которой пользовался этот дурной чиновник. Нужно было всем известное искусство в пистолетной стрельбе господина дю Вердона, чтобы подавлять недовольство, возбуждаемое его поведением.

Эти письма госпожи Моваль напоминали Андре о том, что в мире существует нечто иное, кроме Буамартена и его павильона, и что скоро ему придется расстаться с Жермэной. Необходимость разлуки печалила его, но он, тем не менее, мирился с ней. При мысли о разлуке с Жермэной он не переживал той муки и того горя, которые он испытал при отъезде Жермэны в Буамартен. Впрочем, разве он не был теперь более, чем раньше, уверен в любви молодой женщины? Разве она не дала, только что, нового доказательства своей страсти? Разве она, для того, чтобы принадлежать ему, не пренебрегала ежедневно опасностью, гораздо более

значительной, чем та, которой она подвергалась в Париже?

Как бы Андре Моваль ни был влюблен и опьянен своей любовью, он не мог не видеть опасности этих свиданий. Он не раз даже говорил о ней с Жермэной, но она лишь смеялась над тем, что называла его «страхами». К чему же тревожиться понапрасну? Чего им бояться? Прислуги? Но разве господин де Нанселль не отдал приказания, запрещающего приближаться к павильону? Что до его личного прихода, то разве равномерные выстрелы, доходившие с тира, не уведомляли их о том, что он находится за своим излюбленным занятием. Андре Мовалью приходилось покоряться этим убедительным доводам.

Действительно, ничто никогда не нарушало их свиданий, и, тем не менее, Андре испытывал невольное удовлетворение при мысли, что эта неосторожная игра прекратится. Поэтому ему не хотелось бы продлить своего пребывания в Буамартене даже без перспективы посещения Сен-Савенов и скорого прибытия Жака Дюмэна. При Дюмэне свидания в павильоне стали бы невозможными. Романист был совершенно иным человеком, чем добряк господин де Нанселль, и Андре вовсе не хотелось выставлять тайну своей связи с Жермэной перед пронизательными взорами Дюмэна, на будущий приезд которого, впрочем, он слегка досадовал. К чему Жермэна пригласила его в Буамартен! Впрочем, он довольно быстро успокаивался, Дюмэ

при его сорокалетнем возрасте, не казался опасным соперником. Жермена могла считать к нему лишь дружбу. К тому же, приглашая его, она только постунала осторожно и хитро. Благодаря этому приглашению, в глазах господина де Нансель стало-вилось естественным и то, которое его жена презала Андре Мовало. Жермене нужно было позаботиться о такой предосторожности. Андре приходилось покоряться.

Андре принужден был согласиться с этим, но разве господин де Нансель требовал от нее подобной осторожности? Она сама заявила, что ее муж не был ни ревнивым, ни подозрительным. Не пытая к нему любви, она сознавалась, что привязана к нему. Господин де Нансель всегда делал все возможное для того, чтобы жизнь ее была приятна. Он женился на ней, бедной девушке, и создал ей покойную жизнь. Он давал ей полную свободу действий. Никогда в Париже не спрашивал ее о том, как она проводит время. Он был удобнейшим и покойнейшим из людей. К тому же, будучи замкнутым, странным, рассеянным мечтателем, он жил, беспрестанно увлекаясь какой нибудь прихотью. В настоящее время у него был этот пистолетный тир, за которым он проводил ежедневно несколько послеполуденных часов.

Андре Моваль также соглашался с тем, что господин де Нансель был наименее неудобным из мужей, и все таки молодой человек чувствовал постоянное стеснение в его присутствии. Это стесне-

ние не было причинено угрызениями совести за то, что он так поступал по отношению к господину де Нансель. Андре считал вполне естественным, что Жермэна — его любовница. Она принадлежала ему по праву молодости. Они любили друг друга и доказывали это друг другу. Что было в этом дурного? Во все времена бывали любовники. Кроме Жермэны и его, другие бывали в таком же положении, как и они. Он принимал его. Приходилось мириться с господином де Нансель, ну, что ж, он мирился с господином де Нансель. Буамартен — было собственностью господина де Нансель; но в Буамартене был навильон, ставший его собственностью, этот навильон, ежедневно обращавшийся в восхитительный рай!

Правда, он не раз воображал его себе вне всего того, что окружало его здесь, в какой нибудь далекой лучезарной стране, где нибудь на другом конце света, где он и Жермэна могли бы принадлежать друг другу без помехи, без хитрости, без опасности. Вокруг них непроходимые чащи дремучих лесов. Морской ветер колышет вечно шумящие ветви. Они полны редкостными птицами и удивительными цветами. По вечерам, вокруг их жилища зажигаются большие костры из сухих ветвей, чтобы отгонять диких зверей. Через окна, отсвет этого огромного пламени озаряет пурпуром стены их убежища. Они живут там в победном великолении и, лежа на диване, одетые лишь в отсвет костра, смотрят через стекла, как поднимаются к небу огромные языки

огня-охранителя, которые являются как бы пылающим символом их любви!..

Но Андре Моваль недолго предавался этим грезам и довольно быстро возвращался к действительности. Разве она не была достаточно приятной, чтобы удовлетворить его? В сущности, мог ли он желать более того, что она давала ему? Разве Буамартен со своим укромным павильоном не был прелестным местом? А Жермэна — восхитительной любовницей? И сам господин де Нансельль — весьма сносным мужем? Жермэна, первая, не могла нахвалиться им, и Андре приходилось признавать, что он был бы неправ, жалуясь на него, — и, тем не менее, он не мог не думать о том времени, когда Жермэна вернется в Париж, и ему не придется выносить ежедневного присутствия господина де Нансельль; его взгляд, останавливавшийся порой на нем или на Жермэне, смущал Андре. Так, недавно за завтраком он заметил, что глаза господина де Нансельль устремлены на жену с каким то неопределимым выражением, от которого он чувствовал себя неловко, глотая поданный ему кофе.

Андре Моваль вздрогнул, ставя свою чашку на стол. Почему это господин де Нансельль смотрел так на него? Господин де Нансельль встал и прислонился к перилам террасы. Его длинный и худой силуэт виднелся в профиль и походил на одного из манекенов, служивших ему целью для стрельбы. Был как раз тот час, когда он ежедневно отправлялся к своему тиру. Он собирался, вероятно, уйти по

обыкновенно. Как только господин де Нансель удалится, Андре и Жермэне можно будет встретиться в павильоне. Андре исподтишка посмотрел на Жермэну. Развалившись на соломенном стуле, она спокойно курила свою папиросу. Ее нога, обутая в серую замшу, виднелась из под платья. Скоро Андре услышит скрип гравия под этим тонким башмаком. Вдруг он вздрогнул. Господин де Нансель коснулся его плеча.

— Как же это, молодой человек, вы покинете Буамартен, ни разу не увидав моего тира; а вам, Жермэна, разве не хочется посмотреть на мои успехи?

Господин де Нансель закрыл своими длинными пальцами ящичек с папиросами, стоявший открытым на столе. Он снова продолжал:

— Вы еще успеете забраться к себе в павильон. Вы слишком утомляетесь! Отдохните же немного. И потом, мне хотелось бы, чтобы вы могли рассказать дю Вердону о моих успехах.

Андре согласился. Не было никакой возможности отказаться от приглашения. Жермэна бросила свою папиросу:

— Раз вы уводите господина Мовалья, я пойду писать письма, одно Дюмэну и одно Сен-Савенам. Ну, господа, желаю вам приятной прогулки.

Андре Моваль удивленно рассматривал господина де Нанселя. Он казался не человеком, но автоматом. Он стрелял с поразительной ловкостью и правильностью. Понемногу чучела покрылись черными точками. Он стрелял почти без промаха.

Разряжая свое оружие, господин де Нансель говорил. Он пояснял свой метод. Андре нервничал. Ему надоело присутствовать при этом нелепом запытии. Время от времени он прерывал демонстрацию господина де Нансель, с отчаянием восклицая: «Как это любопытно!» Андре не осмеливался показать своей скуки или уйти от хозяина дома. Господин де Нансель порой посматривал на него. Когда пуля попала в то место чучела, где должен был находиться какой нибудь жизненный орган, он улыбался:

— Ага! вот этот был бы готов! Прямо в сердце.

Господин де Нансель пальцем указал на грудь Андре, потом прибавил:

— А теперь, постреляем в картон.

Небольшой белый четырехугольник, с изображенными на нем концентрическими кругами, четко выделялся на чугунной доске. Четыре выстрела раздались один вслед за другим. Господин де Нансель медленными шагами пошел за картоном. Андре стал с любопытством рассматривать его. Все четыре пули попали в цель. Господин де Нансель рассеянно поглаживал приклады двух пистолетов, лежавших на зеленом сукне ящика:

— Хе, хе! ведь — недурно, не так ли? Пистолет — прекрасное оружие, молодой человек... Да, вот что, возьмите это. Вы покажете дю Вердону, если, впрочем, не захотите оставить себе... на память.

И господин де Нансель, с каким то странным видом, протянул Андре четырежды простреленный картон.

XXIX

Андре Моваль уезжал в четыре часа. Утром он уложил свои вещи. Накануне, он в последний раз встретился с Жерманой в павильоне. Их прощание было пылким и нежным, и Андре любовно всматривался в дорожее лицо своей возлюбленной. Выходя из-за стола, она нежно оперлась о его руку при переходе в гостиную. Господин де Нансель был углублен в чтение газет, Жермана, развалившись курила. Андре говорил мало. Время от времени он подходил к окну. Серое и мягкое небо отражалось в водосеме. Несколько пожелтевших листьев покрывало пятнами гладь воды. Стоял нежный осенний день. Андре было грустно. Ему было жаль уезжать из Буамартена. Все получало в его глазах новую ценность: мебель в гостиной, где, в день его приезда Жермана нежно погладила его по руке, как бы давая ему понять, что напрасны все их благоразумные намерения; парк, листва которого виднелась в окна, — все трогало его. Он думал с благосклонностью даже о прислуге этого дома: об Эмиле, камердинере, приходившем будить его по утрам, об Этьенетте, горничной, встречаемой им в коридоре, когда она выходила из комнаты госпожи де Нансель,

и так смешно старалась подражать манерам своей госпожи.

Между тем, посмотрев на свои часы и отложив газеты, господин де Нанселль поднялся. Он прошелся по террасе и сказал, возвращаясь, Андре:

— Эге! мне кажется, у нас сегодня к вечеру будет дождь. А пока я пойду пройдусь немного. Я вернусь, чтобы проститься с вами, мсье Моваль. Я распорядился, чтобы экипаж был готов к четырем часам. Не желаете ли вы прогуляться, мсье Моваль?

Госпожа де Нанселль вмешалась:

— Слушайте, Огюст, не увлекайтесь так прогулками. Ступайте к своему тиру. Господин Моваль извинит вас... и прикажите развести огонь. Сегодня свежо, и я мерзну.

Эти последние часы, которые Андре и Жермэне пришлось провести вместе, были сладостны. Слуга положил в камин мелких веточек. Они весело сверкали с отрывистым треском. Время от времени Андре оживлял их, подбрасывая нового хвороста. Жермэна и он молчали.

Они сидели рядом, Жермэна опустила свою руку в руку молодого человека.

Часы пробили три.

— Еще один час!

Они произнесли эти слова одновременно.

Андре склонил голову к Жермэне. Они поцеловались. Андре прошептал:

— Будешь ли ты всегда любить меня, Жермэна?

— Я люблю тебя, радость моя.

И они замолкли, прислушиваясь к маятнику часов. Спустя некоторое время, Жермена проговорила:

— Вот видишь, Андре, я была права, пригласив тебя в Буамартен. Все обошлось как нельзя лучше.

Они засмеялись. Их молодой, веселый и задорный смех наполнил тихую гостиную торжеством их безнаказанности. Жермена обняла Андре за шею. Она продолжала:

— И подумать только, что я колебалась, и что, решившись, я написала тебе то неслепое письмо. А ведь ты сы, пожалуй, покорился тому, чего я требовала от тебя, трусишка! Да, в сущности, ты — как Дюман, ты — как все мужчины. Какие же вы все осторожные! А я верю в свою звезду, приведшую меня ко встрече с тобой, в свою звезду, которая всюду покровительствовала мне. Теперь ты видишь, что ничего не случается, трус!

И они снова обнялись со смехом.

Когда часы пробили половину, Андре поднялся.

— У тебя совершенно растрепалась прическа, Жермена, берегись!

Жермена направилась к зеркалу.

— Правда. К счастью, я не нуждаюсь в горничной для того, чтобы перечесаться.

И она прибавила:

— А то сы я часто не знала, что мне делать. Каково бы мне приходилось на улице Кассини, на бульваре Бертье, да и в павильоне?.. Но мне кажется, что я слышу экипаж. Ну, прощай, Андре.

— Прощай, Жермена.

И, стоя посреди гостиной, они в последний раз поцеловали друг друга в губы.

Когда вещи были уложены на брак, Андре посмотрел на свои часы.

— Десять минут пятого. Не могу же я уехать, не простившись с господином де Нансель...

Они подождали еще пять минут.

— Посмотрим с террасы, не идет ли он. Вы успеете, Андре, кучер погонит лошадей. Ах, вот и он!

Господин де Нансель поднимался на крыльцо:

— Я немного опоздал; извините меня, но у меня сегодня была удивительно верная рука, а потом, когда я возвращался с тира, мне захотелось пройти в павильон, чтобы посмотреть, не забыли ли вы чего, молодой человек.

Господин де Нансель закашлялся. Он вытер лоб своей длинной рукой. Он, очевидно, быстро шел, потому что слегка задыхался. Он заговорил снова, обернувшись к своей жене:

— Ах, кетати, Жермэна, вам следовало бы запретить вашей горничной носить точно такие же черпаховые шпильки, как ваши. Вот посмотрите, что я нашел в павильоне на диване.

Он порылся у себя в кармане. Андре подумал, что Жермэна упадет в обморок, до того она была бледна. У нее не хватило сил протянуть руку, чтобы взять шпильку, которая упала на ступеньку крыльца и разбилась. Андре поднял глаза на господина де Нансель. Тот медленно оттолкнул ногой

осколки черепахи. Его длинное худое лицо было непроницаемо, и Андре слышал, как он проговорил своим обычным голосом:

— Вам осталась самая малость времени, мсье Морваль, если вы не хотите опоздать на поезд.

XXX

Неделя, последовавшая за возвращением Андре Моваля в Париж, была для него неделеею мучения. Мать, обнимая его, была убита его нехорошим видом. Господин Моваль сам заметил это, но несколько возгордился. Неужели эта маленькая де Нансель так удачно взялась за дело? Он столько не просил от нее; виданное ли это дело, чтобы к родным отсылали мальчика в подобном виде? Бедному де Нансельно приходилось туго, и господин Моваль смеялся про себя над супружескими невзгодами своего друга юности, о которых он догадывался. Вот, экзамен Андре подвергался некоторому риску. Молодчик то, должен быть, не особенно готовился к нему, во время своего пребывания в Буамартене. Ну, благодаря хлопотам госпожи де Жамбер, какнибудь он вывернется. К тому же господин дю Вердон де Ла Минагьер обещал также замолвить за него словечко одному из своих родственников, имевших связи в университете. Пусть хоть на чтонибудь пригодятся столь дурные служащие в Мореходном Обществе. Что до госпожи Моваль, то она не осмеливалась расспрашивать сына о причине его беспокойства и тревоги.

В самом деле, Андре жил, беспрестанно мучаясь. Что произошло после его отъезда из Буамартена? Он не мог и думать о том, чтобы писать, а Жермэна молчала. В первые дни он ждал секундантов господина де Нансель. Так как они не являлись, то Андре приходилось теряться в догадках. Он целыми часами обсуждал поведение господина де Нансель, так что, в конце концов, он переставал думать о Жермэне. Господин де Нансель занимал все его мысли. Знал ли господин де Нансель или не знал?

Поверил ли, в самом деле, господин де Нансель, что шпилька, найденная им в павильоне, принадлежала горничной его жены? Тогда, почему он показал жене эту шпильку при Андре? Подобный образ действий заставлял предполагать, со стороны господина де Нанселя, известную ревность, а также и то, что, не будучи уверенным в связи, существовавшей между Жермэной и Андре, он, тем не менее, заметил их взаимную склонность. В таком случае, господину де Нансель просто хотелось предупредить свою жену, что этот мальчик, ухаживавший за ней, по своему умел утешаться в ее неприступности. Но тогда смущение Жермэны стоило признания, но признания в простом чувстве, не доказывавшем еще, что она была виновата. Впрочем, открыв это чувство жены, господин де Нансель, вероятно удалит от нее того, кто ей его внушал.

Давно ли было известно господину де Нансель об отношениях Жермэны и Андре?.. Значит господин де Нансель был покладистым мужем? Разре-

шая своей жене пригласить Андре Моваля в Буамартен, знал ли он, что Андре был ее любовником? Бывают мужья, которые по равнодушию или по любви доходят до подобной снисходительной самоотверженности, но бывают также и такие, которые, если и соглашаются быть обманутыми, то не хотят, чтобы это происходило без отмщения, и обращаются к иронии за возмещением своей обиды... Принадлежал ли господин де Нансель к числу этих последних? Если принять это предположение, то некоторые поступки господина де Нанселя объяснялись довольно легко, и прежде всего, это внезапное стремление к тому, чтобы стать первым стрелком из пистолета. Действуя таким образом, он давал понять, что если он и допускал многое, то допускал не из трусости и не из страха: его искусство обеспечивало ему, в случае дуэли, полное превосходство над противником. Так же объяснялось и то, почему господин де Нансель захотел хоть раз свести Андре на тир и показать ему, с какой уверенностью он всаживает пулю в чучело или в цель. При этой гипотезе история со шпилькой принимала тот же смысл. Она обозначала: «Обманывайте меня, если хотите, но делайте это с осторожностью и благоразумием. Я хочу, чтобы вы знали, что мне все известно, но я не хочу делать такого вида, как будто бы я знаю. Я не хочу, чтобы вы думали, будто обманываете меня, потому то я пользуюсь преимуществом показать вам, что я не обманут».

Эти догадки со всем не успокаивали Андре Мовая. Самым вероятным было то, что после его отъезда в Буармартене произошла ужасная сцена. Чем окончилась она? Разлукой, разводом? Простит ли господин де Нансель? При каких условиях? Наименьшее, чего он потребует — это, чтобы Жермэна порвала со своим любовником. Устоит ли она? Принесет ли она любовь в жертву своему положению в свете? Не будет ли она сердиться на него, на Андре, за затруднительные обстоятельства, в которые она попала из за него? Будет ли она любить его всегда, попрежнему, несмотря ни на что, несмотря на разлуку с ним?

Разлука с нею! Эта мысль наполняла его отчаянием и гневом. Она — это было ее тело, ее лицо, ее уста. Андре страдал. Все, что составляло наслаждение его рук, его губ, его глаз, все это будет лишь воспоминанием, мучительным и тщетным образом. Жермэна будет по прежнему любить его, но он больше не увидит ее. Ах, быть любимым хотя бы таким образом — показалось бы ему восхитительным и желанным прежде, когда на морском берегу в Морга, он расстроганно плакал, думая о госпоже де Нансель, когда ему казалась неоценимым счастьем одна только возможность говорить с ней, слушать ее, когда он ждал только одного: безмолвно любить ее!.. Но то время было далеко... С тех пор все изменилось. Он познал обладание тем, что тогда ему казалось недостижимым. Он согрел свои руки около пламени, прежде бывшего для него

лишь отдаленным сиянием, и теплота его пронизала все его существо. А теперь простая прихоть случая разбросала все головешки этого костра!

Он, так гордившийся своею молодостью, этой молодостью, привлекшей к нему Жермэну, давшей ему силу сжимать ее в своих объятиях, зажегшей в нем все эти желания, он проклинал теперь ее! Благодаря ей, он был теперь бессилен перед событиями. Он не мог вмешаться в них. Она отстраняла его от них. Он мог лишь ждать, ждать, ждать. И чего ждать? Даже если Жермэна покинет своего мужа, господин Моваль никогда не согласится на то, чтобы его сын женился на разведенной. А что он такое, чтобы делать по своему? Он был чем то неопределенным — молодым человеком без положения, без карьеры, без денег. Даже если бы Жермэна согласилась разделить с ним жизнь, что мог бы предложить он ей, привыкшей к существованию покойному и изнеженному? Ничего, даже приюта в одной из тех отдаленных стран, о которых он столь часто мечтал, экзотические и причудливые названия которых так часто раздавались в его ушах, произносимые господином Мовалем, и о которых он иногда говорил Жермэне, когда, лежа вдвоем на диване в павильоне, они мечтали о тихом убежище в одном из затерянных уголков огромного мира!

Прошла ровно неделя с того дня, как Андре покинул Буамартен, а он попрежнему не получал известий от Жермэны. Несколько раз в день он спрашивал у привратницы, не приходило ли письмо на

его имя. Всякий раз отрицательный ответ увеличивал его муку. Тогда он подымался к себе в комнату и запирался там, под тем предлогом, что занимается, или принимался бесцельно ходить по улицам. Он шел, сам не зная, куда он направляется. Так он добред до улицы Кассини. Его привела туда машинальная и инстинктивная привычка. Очевидно, мастерская Антуана де Берсена была слана. Андре давно перестал думать о своем друге. Вдруг он расстроганно и с нежностью подумал о художнике. Берсен также страдал из за Жермэны де Нансель. Она была из тех, которые не забываются, хотя Берсен не узнал ни ее прелестного тела, ни ее страстных объятий, ни ее пылких поцелуев. Тогда как он!!

Андре Моваль медленными шагами проходил по Люксембургскому саду. Несколько порыжевших листьев катилось по аллеям. Цветом своим они напоминали шерсть Гектора, сеттера Антуана. Где был Берсен? А то осеннее утро, когда он, вернувшись из Варанжевиля, застал художника за наброском, в этом саду? И то, что говорил в тот день Берсен, внезапно пришло ему на ум. Берсен, — вспоминал Андре, — говорил с ним о женщинах. И Андре снова слышал насмешливый голос друга, говоривший ему: «О женщинах говорят, что они ищут приключений, романтики, — как бы не так! Все, чего они хотят, это уверенности в том, что завтра будет походить на сегодня. Правда, у них бывают минуты безрассудства, но они непродолжительны. В сущности, все они благоразумные домо-

седки. Они любят уют и из за него примиряются со многим».

Мысль, что Жермэна согласится не видеться более с ним для того, чтобы спасти свой покой, кольнула его в сердце. Но нет, Жермэна не из таких. Он оклеветал ее. Нельзя быть такою, любя, будучи Жермэной! И Андре снова видел порыв, бросавший к нему молодую женщину, заставлявший ее пренебрегать всеми опасностями для того, чтобы принадлежать ему, видел ту пылкую и смелую Жермэну, которая весело и бесстрашно стремилась в его объятия, — Жермэну, пробиравшуюся в навильон в парке, усталую и обнаженную, поправлявшую перед старым зеркалом свою растрепанную прическу, втыкая в нее свои длинные черепашковые шпильки и на-половину повернув голову к своему любовнику.

При этом воспоминании Андре Моваль вздрогнул и закрыл глаза, чтобы удержать в них сладострастный образ, вызванный им; затем он медленно направился к решетке фонтана Медичи. У края зеркальной поверхности темной воды, грубая скала давала приют, в своей пещере, Нимфе и Пастуху. Эти герои старого мифа познали также желание, побуждающее тела обниматься, руки — сплетаться, уста — соединяться, заставляющее любовников искать мягкости кроватей или нежности мха, убежища в запертых комнатах или приюта в гротах и заставляющее их забывать о Полифеме, стерегущем их, — и в конце концов — увы! — настигающем их, — чем бы

этот Полифем ни грозил им: тяжелой скалой или простой черепаховой шпилькой.

Андре Моваль неожиданно вздрогнул. Чья то рука опустилась на его плечо. Он обернулся: перед ним стоял Эли Древе:

— Ну, старина, ты чего тут шляешься? Я рад, что встретил тебя. Я хотел зайти к тебе какнибудь на днях. Мы совсем не видимся больше... Хорошо ли ты провел каникулы? У тебя неважный вид... Что с тобой?

Андре Моваль посмотрел на Древе. Насмешливые глаза Древе дружелюбно смотрели на него. Он чуть было не открылся Древе. Тот продолжал:

— Чем могу я быть тебе полезным? Не надо ли мне еще раз написать тебе, что мне нужны деньги, дабы ты разжалобил свою мамашу судьбой бедняжки Древе?

Андре силится улыбнуться. Древе заговорил снова:

— Нет, не то? Тогда... любовные невзгоды?

Андре отрицательно покачал головой.

— Ну, тем лучше для тебя; но раз ты ничего не хочешь мне сказать, я буду тебе говорить о себе. Заметь, дорогой мой, что недостаток доверия с твоей стороны вынуждает меня к подосбым излияниям. Впрочем, ты прав, оставаясь скромным. Твоя любовные приключения занимают одного тебя, тогда как мои принадлежат потомству. Итак, я начинаю. Ты — мой поверенный. Впоследствии, когда я стану знаменитым, люди придут интервьюировать тебя.

Болезненное самолюбие Древе часто заставляло его гаерничать:

— Так вот, дорогой мой, я поджидаю женщину. Марк Антуан де Кердран дал мне отпуск на сегодня после обеда. Это никогда не срывается, если у меня свидание. В нем есть уважение к любви, как он говорит. Итак, я жду женщину и женщину, которую ты знаешь. Вот угадай ка.

Андре Моваль сделал равнодушное движение.

— И эта женщина, мой друг, не кто иная, как знаменитая Алиса Ланкери, бывшая возлюбленная Антуана де Берсена!

Эли Древе остановился на мгновение, чтобы по судить о действии, произведенном подобным сообщением.

— Да, сама Алиса Ланкери. Когда Берсен ее бросил, она сначала вернулась в свою семью. Там она здорово скучала, так что снова убежала оттуда и поступила в качестве продавщицы к некоей мадемуазель Ванов, имеющей лавку редкостей на улице Вернейль. А эта мадемуазель Ванов — тип особенный. Вся ее торговля только для виду. Оказывается, у нее устраиваются свидания, и встречаются не мужчины с женщинами... Но я покидаю тебя. Вон Алиса. До свиданья, старина, до свиданья!

И Андре Моваль увидел, как Эли Древе широко зашагал по саду.

Было приблизительно пять часов, когда Андре вернулся на улицу Бон-Ар. Он издали увидел, как привратница, стоявшая у двери, удалилась

к себе в привратницкую. Его сердце сильно забилось:

— Вот тут вам письмо, мсье Андре. И несколько тоже господину Мовалю. Не передадите ли вы их ему? Тут поднялся такой ветер, что я не успела передать их.

И привратница подала Андре всю пачку.

На одном из конвертов Андре заметил штемпель Буамартена и узнал почерк Жермэны. У него подкосились ноги, он подумал, что упадет, и присел на бархатный диванчик, стоявший на площадке лестницы. Дрожавшими руками он разорвал печать.

«Андре»,

Я провела ужасную неделю, Андре, — ничто никогда не сотрет воспоминания об этих мучительных днях. До какого безумия довела нас наша неосторожность! Я ни в чем не упрекаю тебя, Андре, но глаза мои открылись, и мной овладел страх, да, низкий, подлый, жалкий страх. Ах! я — не храбра, не надо на меня за это сердиться, уж я — такова.

«Теперь, я — спасена. Я спасена, но силы оставили меня. Я спасена, но обязана этим не себе, а Жаку Дюмэну. Его преданность, ловкость и участие изумительны. Он поговорил с господином де Нанселлем. Он оправдал меня в его глазах. Мой муж думает теперь, что шпилька принадлежала мне, но он думает также, и в этом его убедил Дюмэн, что эту шпильку, найденную тобой в саду или в гостиной, где она, вероятно, выпала из моих волос так,

что я этого не заметила, ты оставил на память, так как ты влюблен в меня, но влюблен скорее по-детски, чем страстно, раз ты сам позабыл на диване в павильоне свою покражу...»

Андре повернул страницу.

«...Тем не менее, мне пришлось признаться, чтобы объяснить мое смущение, в том, что я — неравнодушна к тебе, и что поэтому то я пришла в такое смятение. Да, мне пришлось согласиться, что для меня лучше перестать видеться с тобой.

«Мне нужно сделать тебе, Андре, еще одно признание в том, что я согласилась на эту необходимость почти с облегчением. Не сердись на меня слишком за то, что я принуждена теперь говорить тебе; но я вышла разбитой и побежденной из этой житейской борьбы. Во мне что то надломилось. Я напугана, я так напугана. Теперь я была бы не в силах рисковать всем тем, чем я рисковала для того, чтобы принадлежать тебе. Теперь между нами был бы страх. Мы не могли бы больше быть одни, принадлежа друг другу.

«Ах, Андре, нашему прекрасному времени пришел конец, но восхитительное воспоминание о нем останется во мне. И я оплакиваю это воспоминание, посылая тебе это прости твоей любви, это прости твоей молодости. Она поможет тебе позабыть меня, о чем я прошу и умоляю тебя.

«Продай, Андре. Я больше не могу держать пера. Я — слаба. Я пишу тебе в той гостиной, где в последний раз я вкусила твои любимые уста,

перед тем камином, где так радостно сверкала первая осенняя вязанка дров. Теперь от нее остался один только пепел, но я храню в своих глазах отблеск ее пламени. Ж е р м э н а.

P. S. — Тотчас же после отъезда Сен-Савенон, мы сами уедем на юг и проведем часть зимы в Болье, в вилле Жака Дюмэна, а оттуда, весной, мы поедem в Италию. — Ж.»

Андре Моваль опустил письмо. Одна только мысль занимала его. Он не увидит больше Жермэны. Образ молодой женщины предстал перед его глазами с необычайной четкостью. Жермэна была тут, перед ним. Он мог бы коснуться ее. Она собиралась заговорить с ним. Но нет, он никогда более не почувствует сладости ее губ на своих губах! Он никогда более не услышит ее голоса! Понемногу даже ее образ утратит свои очертания. Он сделается неясным и как бы отдаленным. Он рассеется во что то смутное. Андре не испытывал ни гнева, ни грусти, ни страдания. Ему лишь казалось, что часть его существа отделилась от него. Он более не был Андре Мовалем, которым был еще некоторое время тому назад. За исключением этого странного впечатления, он не испытывал ничего особенного. Он мог бы встать, пойти, заговорить. Он поднял одно из других писем пачки, которое свалилось с диванчика, и машинально прочел адрес: «Господину Александру Мовалю, помощнику директора Мореходного Общества»... Затем он подумал о пароходе, о китайце с косой, об очень большом дереве... о черепахе...

Шум чьих то шагов, спускавшихся с лестницы, вывел его из оцепенения; в то же время чей то голос обратился к нему:

— Ах, это ты, Андре!

Перед ним стоял господин Моваль. У него был очень взволнованный и, вместе с тем, важный вид.

— Андре, я должен сообщить тебе печальную весть. Дядя Гюбер...

Андре смотрел на отца и, казалось, не понимал, что отец обращается к нему. Господин Моваль продолжал:

— Да, несчастного только что сразил апоплексический удар. Мне пришли объявить об этом в контору. Тогда я зашел домой, чтобы предупредить твою мать. Моего бедного брата нашли на кухне, наряженным в форму прусского офицера. В таком то наряде он умер... старый маджентский солдат. Он был совершенно сумасшедшим. Я избавляю тебя от подробностей, Андре. Ах, я узнал о нем такие вещи! Он жил со своей прислугой, какой то судомойкой, осмелившейся притти ко мне в контору. Я не хочу, чтобы твоя мать шла туда. Я сам отправлюсь туда. Ступай к ней...

Андре слушал господина Моваля, опустив голову. Господин Моваль продолжал:

— Ты слышишь меня?.. Ну, прощай.

И господин Моваль застегнул свой сюртук, как человек, взявшийся за тяжелую обязанность и решившийся довести ее до конца.

Когда господин Моваль закрыл за собою дверь, Андре, оставшись один, испытал странное ощущение. Он чувствовал, как будто чья то рука сжимала его горло. Вдруг его глаза сделались влажными, дрожь пробежала по всему телу, и он упал на колени, уткнувшись лбом в диванчик. Он плакал; он плакал долго всем своим существом, всем своим отчаянием, всей своей юностью; но не сожаление о смерти дяди Гюбера заставляло проливать эти слезы, то была мука его разбитой любви, то было желание увидеть лицо, которого он больше никогда не увидит, то была Жермана, погибшая для него Жермана, Жермана, чье имя, жгучее, как огонь, и более горькое, чем перец, срывалось с его губ.

Э П И Л О Г

Когда Андре Моваль открыл глаза, комнату наполнил неясный синеватый свет. Казалось, какой-то воздушный опал растворялся меж четырех стен, побеленных известью. Неуверенной рукой Андре достал часы, висевшие на гвоздике. Они показывали немного более четырех часов. Андре сразу сел, затем, приподняв занавеску, служившую защитой от москитов, поставил ноги на ковер. В эти жаркие ночи он спал совершенно обнаженным под кисейным пологом. И в таком-то виде он увидал себя в небольшом зеркале, висевшем над диваном, на который он сложил, перед сном, свою полотняную одежду. Он на-скоро оделся, отложив на позднейшее время более полный туалет. Ему нельзя было терять времени, если он хотел воспользоваться относительной свежестью рассвета. Термометр накануне показывал 39 градусов, и сегодняшний день будет такой же жаркий.

Надев брюки поверх мягкой сорочки, Андре Моваль слегка пригладил волосы щеткой, смотря на географическую карту, припиленную к стене. Его глаза проблуждали по ней одно мгновение, затем остановились на одной точке. Этот черный кружо-

чек изображал то место, где он находился в ту минуту. Он вполголоса повторил себе имя, написанное на бумаге: «Будрум, Будрум»! Это звучало глухо, как барабан, и дрожало, как ропот пчел, жужжащих вокруг кисти ягод. Будрум! Да, он — Андре Моваль, парижанин, он находился в Будруме, маленьком турецком порту Мало-Азиатского побережья и представлял собою, он, — такой хрупкий, мощную французскую компанию — Мореходное Общество.

Андре Моваль повязал себе галстук. Правда, его отец всегда мечтал для него о постах в дальних странах, дипломатических или консульских, но этот не имел официального характера, хотя это большое азиатское поселение и было в древности не более не менее как знаменитым Галикарнассом и гордилось одним из семи чудес света, знаменитой гробницей, воздвигнутой царицей Артемизией в память своего супруга — царя Мавзола. Но Франция не шлет своих агентов даже к столь знаменитым теням и, если господин Андре Моваль проживал в настоящее время в этом историческом месте, то это было потому, что он предпочел набережной Орсе службу в Мореходном Обществе и, благодаря этому то обстоятельству, он в данный момент находился в Будруме и завязывал свой галстук перед небольшим щербатым зеркалом.

Впрочем, Андре не жалел об этой перемене, происшедшей в его жизни, а отец его охотно согласился на нее. Когда, окончив изучение права, мо-

лодой человек объявил, что карьера не прельщает его, и что он хотел бы получить место в Компании, господин Моваль выразил некоторое удивление; но, в сущности, решение Андре нравилось ему, и он без труда согласился хлопотать о приеме сына в администрацию, где поддержка отца обеспечивала ему прекрасную будущность. В продолжение двух лет Андре прилично исполнял свои обязанности; но в конце второго года, когда Компанией было решено, вследствие проведения железной дороги из Будрума в Даиду, устроить в Будруме стоянку для своих пароходов, Андре попросил, чтобы его назначили на этот новый пост, где он мог лучше выказать свои способности. Господин Моваль одобрил намерение своего сына, и Андре был назначен помощником господина Дермона, начальника службы Мореходного Общества в Будруме.

Андре Моваль около года состоял помощником господина Дермона и успел оценить в нем превосходного человека. Пробыв долгое время агентом Компании на Кипре и в Бейруте, господин Дермон хорошо знал Восток и сделался там большим любителем древностей. Андре находился с ним в весьма сердечных отношениях, точно так же, как и с г.г. Ланнуа и Даргишоном, французскими железнодорожными инженерами, но эти господа редко проживали в Будруме и чаще всего бывали на местах тех работ, которыми они руководили. Поэтому у Андре не было иного общества, кроме господина Дермона.

Господин Дермон взялся устроить ему помещение. Он нанял для Андре две комнаты в греческом квартале. Хозяин, торговавший древностями, находился в дружеских отношениях с господином Дермоном. В его жилище валялись кучами странные предметы: осколки мрамора, стертые надписи, бронза, медали, посуда. Там были и те большие амфоры, которые иногда вылавливают в Будрумской бухте; окислившиеся, покрытые водорослями, мадрепорами и раковинами, они похожи на чудовищных колючих рыб. Этому славному торговцу было лет тридцать; у него были курчавые волосы и горбатый нос. Он знал немного французский язык и назывался господином Трифиллидесом; и в этот час он, вероятно, спал еще и грезил о чудесных находках.

Между тем свет понемногу увеличивался в комнате Андре Мовалья. Он позволял лучше рассмотреть ее скромную мебелировку; но этот свет был до того свеж и чист, что давал впечатление утренней радости. Снаружи он был, вероятно, ярче, потому что, проникая, просеивался сквозь оконные занавеси. Сняв с крюка свою шляпу и трость, Андре раздвинул ситцевый занавес и выглянул. Перед ним растянулся узкий двор, в котором подымались по шпалерам виноградные лозы, покрывавшие его деликом своими неровными листьями и огромными кистями. Дальше, в конце отлогой каменистой улицы виднелся кусочек синего моря...

Очутившись на улице, Андре Моваль стал с наслаждением дышать. В воздухе был запах рассвета,

запах листьев, плодов, к которому примешивался запах соли. Еще безмолвные дома стояли по сторонам пустынной улицы, по которой раздавались в тишине его шаги. Он перешел через небольшую площадь, обсаженную перечниками. Две желтых и тощих собаки дремали под одним из них. Дойдя до этого места, Андре остановился в нерешительности. Спуститься ли ему к гавани и усесться там на старых потертых камнях набережной? Он любил следить, сквозь прозрачность воды, за колыханием подводных водорослей. Он любил этот уголок Будрума, защищаемый возвышающейся над ним старой французской крепостью, поставленной Родосскими Госпитальерами, на плотных и зубчатых стенах которой красовались еще, высеченные на мраморе гербы Рыцарей. Но он любил также бродить по каменистым тропинкам городка, осененным смоковницами и пальмами и окаймленным садовыми стенами, в которых попадаются осколки древностей. Пока он раздумывал, на площадь бегом устремилась куча детей. В своем стремлении быть поскорее на улице, они вероятно забыли часть своей одежды, так как большинство их были почти голы. Вместе с ними просыпался Будрум. Они толкали друг дружку, громко крича. Их белые зубы смеялись на смуглых мордочках юных пиратов. Андре, улыбаясь, смотрел на них. Он хорошо знал этих будрумских ребятшек. Они напоминали ему его прошлогодний приезд, вместе с господином Дермоном, встретившими его в Смирне.

Прогуливаясь, Андре Моваль мысленно снова видел эту сцену. Пароход вошел в порт около четырех часов дня. Едва был спущен якорь, как его окружила со всех сторон целая стая лодок, и в каждой из этих лодок сидело по три или четыре таких самых шалуна, жестикулировавших при гребле. Господин Дермон бросал им монеты, которые они ловили, ныряя. Как он смеялся при виде их, снова появлявшихся на поверхности воды с монеткой в зубах и выдезавших оттуда со струившейся с них водой; они походили на мокрые бронзовые статуетки. А высадка на набережной, где толпилось все будрумское население, чтобы увидеть, как сойдут на берег «франкские господа»! С лодочки, доставившей его на сушу, Андре смотрел на это зрелище. Как он был прекрасен, этот Будрум, развернувшийся перед его взорами, со своими домами, перемешанными с садами, в беспорядке покрывавшими склон горы, которая возвышалась за городом! Там и сям виднелись минареты и несколько круглых куполов. Освещение было чудесно. Стены старой крепости были ослепительно-белы, море — темно-зелено, а небо, это небо Востока, о котором он так часто мечтал! Затем, среди настоящей толпы они высадились на набережной. Там были греки и турки, люди в фесках и в чалмах, а также и те митленские рыбаки, что носят широкие черные штаны, черные куртки и черные войлочные шляпы. На первом плане был господин Трифиллидес, в коричневом костюме, встретивший их. Затем, усевшись на ослон, они отправи-

лись в путь, сопровождаемые всеми этими теснившимися людьми, сквозь которых трудно было проезжать. Впрочем, все это были милейшие люди, любезные и простые. Андре помнил, что ему поднесли цветы. Одна девочка сунула ему в руку змейку, прекрасно сделанную из стеклянного бисера. И они последовали таким образом до дома господина Трифилидеса предложившего путешественникам приветственное «ракс» в весьма опрятной комнате, украшенной комодом красного дерева, в которой можно было любоваться висевшей на стене большой фотографией в рамке, изображавшей Парфенон.

С той самой минуты Андре Моваль оставался очарован этим маленьким азиатским селением со звучным именем, которое он видел теперь в чистом утреннем свете. Дорога, по которой он направлялся, с половины косогора шла вдоль горы. На хорошо обработанной земле росли маслины. Пальмы покачивали свои правильные листья. Андре остановился возле небольшой стены. Тут когда то возвышался Мовзолей, но от него осталось лишь несколько разбросанных камней. Родосские рыцари употребили его глыбы на постройку своей крепости. Археологи унесли последние осколки. Галикарнасс стал теперь только Будрумом, маленьким, наполовину греческим, наполовину турецким поселением, предлагавшим взору лишь красоту своей горы, своего залива и своего света.

И Андре Моваль понимал, почему вдова-царица поставила манам своего супруга такую гордую,

такую памятную гробницу. Не для того, чтобы показать могущество своего богатства и силу своих сожалений. Нет, воздвигая огромную мраморную погребальную глыбу, она хотела навсегда иметь перед глазами знак, который напоминал бы ей об исчезнувшем царе. Ах, мудрая и осторожная царица Артемизия хорошо знала, как быстро мягкая и коварная азиатская земля посылает сердцам забвение и утешение, и против забвения то она и воздвигнула этот монументальный склеп. Понадобилась вся крепость его каменных рядов и все живые фигуры его фронтонов для того, чтобы заставить ее помнить о том, кто покоился в этой усыпальнице. И если она столь торжественно схоронила погибшего супруга, то это было сделано для того, чтобы принудить себя хранить память о нем!

Разве он, Андре, не испытывал этого разрушительного действия азиатской земли и по своему не чувствовал его последствий? Разве он не сознавал себя отделенным от своей прежней жизни огромным расстоянием? Правда, когда почта доставляла ему известия из Парижа, он радовался, что родители его здоровы, что его мать, не примирившаяся с его отсутствием, начинает, тем не менее, привыкать к нему, но, что до всего остального, о чем говорилось в этих письмах, все это казалось ему странно далеким. Письма Древе производили на него то же впечатление. Тот Андре Моваль, к которому они были обращены, не был теперешним Андре Мовалем. Все, что раньше занимало, увлекало его, забав-

ляло или заставляло страдать, все это оставляло его равнодушным. Так, например, последнее послание Древе, полученное несколько дней тому назад, не вызвало в нем никакого волнения, а, между тем, оно объявляло о событиях, которые должны были бы живо напомнить ему об еще недавнем прошлом, так как Древе сообщал ему известия о госпоже де Нанселль.

Госпожа де Нанселль! Уже не в первый раз Эли Древе по какой то странной случайности говорил с ним о ней. За некоторое время до отъезда Андре, Древе упоминал о ней косвенным образом. Действительно, однажды Древе застал старика Марка-Антуана де Кердрана в большом волнении. У него только что был в гостях Жак Дюмен, романист, просивший его быть секундантом в одной неприятной истории. Так как он был застигнут на месте преступления неким господином де Нанселлем, жена которого была его любовницей, то должна была произойти дуэль. Древе рассказал все это Андре, думая, что это ему интересно, в виду того, что он слышал, как Андре говорил о своем знакомстве с Дюмэном, которого он встречал у друзей. От Древе же Андре узнал о последствиях этой дуэли: о пуле, ранившей Дюмэна в руку и о разводе господина де Нанселля с женой. Он выслушал рассказ своего друга, не вставив ни одного замечания, затем они заговорили о другом; но госпожа Моваль в продолжение нескольких дней видела своего сына озабоченным и безмолвным. Бедную женщину это бес-

покойно. Она все боялась, как бы Андре не впал снова в то тоскливое состояние, которое овладело им со времени смерти дяди Гюбера и продолжалось несколько месяцев. Поэтому она пугалась при мысли, что сын ее отправится в Будрум в подобном настроении. К счастью, ее опасения оказались напрасными, так как к Андре скоро вернулось его обычное расположение духа, и он с удовольствием принялся за свои приготовления к путешествию. Когда приблизился срок отъезда, госпожа Моваль увидела, что он уезжал почти радостный с мыслью, что для него начнется новая жизнь.

С тех пор, как Андре Моваль находился в Будруме, Эли Древе писал ему довольно исправно. Древе говорил другу о своих литературных планах, попрежнему удивительных, и о своих не менее удивительных любовных похождениях. Он примешивал к этому свои обычные шуточки относительно Марка-Антуана де Кердрана, у которого, в ожидании лучшего, он попрежнему служил секретарем. В последнем из этих писем Древе объявлял о женитьбе Антуана де Берсена. «Да, дорогой мой, Берсен женится, Берсен, живший с Алисой Ланкеро, и знаешь, на ком он женится? На разведенной жене господина де Нанселя, о дуэли которого с Жаком Дюмэном я тебе когда то рассказывал; еще Кердран был секундантом. Но до всего этого тебе нет никакого дела, восточный ты человек, сожительствующий с тенью царицы Артемизии, если впрочем, ты не предпочитаешь ей, старый развратник, когонибудь

менее знаменитого, но более живого, так как ты уж наверно превратишь в гарем почтенную контору Мореходного Общества»...

Андре Моваль замедлил свои шаги. Он приподнял шляпу и вытер лоб. Теперь было уже совсем светло. Солнце, вставшее из за горы, обливало небо божественной ясностью. Вдали сверкало море. Чудесное молчание парило над неподвижной красотой предметов. В полуоткрытой калитке сада показалась женщина. Она быстро опустила на лицо покрывало и со смехом захлопнула калитку... Она выходила, очевидно, за водой к цистерне, каменный куб которой, увенчанный куполом, был виден Андре в некотором отдалении. Андре пошел дальше, но услышал за собой чьи то шаги. Он обернулся и узнал хозяина сада.

По его круглой голове, крупному носу и большим усам Андре вспомнил, что видал его у господина Дермона, которому он приносил иногда медали, найденные за этой оградой. Очевидно, он собирался предложить что то, потому что, приближаясь, рылся в своем широком поясе. Андре, улыбаясь, принял то, что ему подал с вежливыми поклонами толстый человек, и развернул бумагу, в которую был уложен сверток.

В нем находилась терракотовая женская головка. Андре достал из кошелька два «меджидие», которые обыкновенно платил господин Дермон за такие мелкие безделушки. Толстяк положил монеты в карман и поклонился Андре, продолжавшему свой путь.

Прежде чем снова завернуть свою покупку, Андре остановился, чтобы получше рассмотреть ее.

Искусно вылепленное умелыми пальцами античное личико смотрело на него.

Андре вздрогнул. По какому то отдаленному, неопределенному и все же действительному сходству, лицо это напоминало лицо госпожи де Нансель. Андре долго смотрел на него. Он постарался подменить глиняное лицо настоящим лицом живой, затем закрыл глаза... Образ, появившийся в них, был образом той, чье мертвое изображение он держал меж своих пальцев. От огня, на котором сгорела его молодость, оставался лишь этот крохотный, затвердевший и обожженный фантом, понемногу становившийся все тяжелей в его руке и, казалось образованный из самого пепла его любви.

Он постоял так несколько минут, затем обернулся. Позади него, под изогнутым сводом, открывалась мрачная и потаенная старая цистерна. Андре приблизился. В тени внизу лестницы в несколько ступенек, блестела вода. Андре Моваль нагнулся. Легкий плеск разрossa под звучностью свода, в то время как темная вода, в глубине которой покоилась теперь глиняная головка, молчаливо принимала свой вид зыбкой погребальной плиты.

К О Н Е Ц

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АСАДЕМІА»

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Перевод с французского под общей редакцией
М. Кузмина, А. А. Смирнова и Фед. Сологуба.

Рисунки Н. Акимова.

	Цена
I. Яшмовая трость. — Рассказы. Пер. М. Волошина	1 р. 30 к.
II. Дважды любимая. — Роман. Пер. Федора Сологуба. 2-е издание	2 „ 20 „
III. Необыкновенные любовники. — Рассказы. Пер. Вс. Рождественского и А. А. Смирнова	1 „ — „
IV. По прихоти короля. — Роман. Пер. М. Кузмина	1 „ 40 „
V. Полуночная свадьба. — Роман. Пер. А. А. Смирнова	1 „ 40 „
VI. Каникулы скромного молодого человека. — Роман. Пер. О. Брошниковской	1 „ —
VII. Встречи г-на де Брео. — Ром. Пер. М. Кузмина	1 „ 50
VIII. Живое прошлое. — Роман. Перевод М. Кузмина	1 „ 60 „
IX. Страх любви. — Роман. Пер. А. Чеботаревской	1 „ 40 „

	Цена
X. Оттенки времени. — Рассказы. Пер. О. Брошниковской	1 р. 60 к.
XI. Первая страсть. — Роман. Пер. Брониславы Рунт	1 „ 60 „
XII. Амфисбена. — Роман. Пер. М. Кузмина	2 „ — „
XIII. Лаковый поднос. — Рассказы. Пер. А. А. Смирнова	1 „ 30 „
XIV. Ромэна Мирмо. — Роман. Перевод М. Лозинского	1 „ 60 „
XV. Героические мечтания Тито Баси. — Роман. Пер. Б. А. Кржевского .	1 „ — „
XVI. Загадочные истории. — Расск. Пер. Вс. Рождественского и А. А. Смирнова	1 „ 30 „
XVII. Грешница. — Повесть о любви. Пер. М. Лозинского	1 „ 50 „
XVIII. Провинциальное развлечение. Ром. Пер. А. Франковского	1 „ 40 „
XIX. Эскапада. — Роман. Пер. А. Франковского	1 „ 30 „

ЖЮЛЬ РОМЭН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Перевод с французского под общей редакцией
М. Лозинского, А. А. Смирнова и А. Франковского
 Рисунки *Н. Акимова.*

I. Возрожденный город. — Легенда. Армия в городе. — Пьеса. Перевод А. Смирнова	— р. — к.
II. Чья то смерть. — Роман. Перевод М. Лозинского	1 „ 10 „

	Цена
III. Белое вино да Виалет. — Рассказы. Силы Парижа. — Картины. Перевод А. Франковского	1 р. 30 к.
IV. Люсьена. — Роман. Пер. А. Франковского	1 „ 40 „
V. Приятели. — Роман. Пер. М. Лозинского	1 „ 10
VI. Доногоо-Тонка. — Кинематографический роман. — Мсье Ле Труадек предавшийся распутству. — Комедия. Женитьба Ле Труадека. — Комедия. Пер. М. Лозинского	1 „ 80 „
VII. Кнок или триумф медицины. — Комедия. „Искра“ — пьеса. Перевод А. А. Смирнова	1 „ 10 „

АНДРЕ ЖИД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Перевод с французского под общей редакцией
М. Лозинского, А. А. Смирнова и А. Франковского

I. Безирравственный	— р. — к.
II. Пасторальная симфония	— „ — „
III. Тесные врата	— „ — „
IV. Подземелья Ватикана — Роман. Пер. М. Лозинского	— „ — „
V. Фальшивомонетчики. — Роман. Перевод А. Франковского	2 „ 50 „

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

В поисках за утраченным временем. — Роман.

	Цена
Том I. В сторону Свана. — Пер. А. Франковского	1 р. 60 к.
Том II. — Пер. А. Виноградова	— „ — „

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Перевод с французского под общей редакцией
М. Кузмина, М. Лозинского и А. А. Смирнова.

I. Диана де Тюржи. — Роман	— р. — к.
II. Мозаика. — Рассказы	— „ — „
III. Двойная ошибка. — Рассказы. Пер. М. Кузмина	— „ — „
IV. Души чистилища. — Ильская Ве- нера. Пер. А. А. Смирнова	— „ — „
V. Коломба. — Повесть	— „ — „
VI. Кармен. — Рассказы. Пер. М. Лозин- ского	— „ — „
VII. Локис. — Рассказы. Пер. М. Куз- мина	— „ — „

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазины «ACADEMIA»

ЛЕНИНГРАД, Пр Володарского, 40. Телеф. 138-93.

МОСКВА, Тверская, 29. Тел. 5-45-13.

Цена 1 р. 40 к.